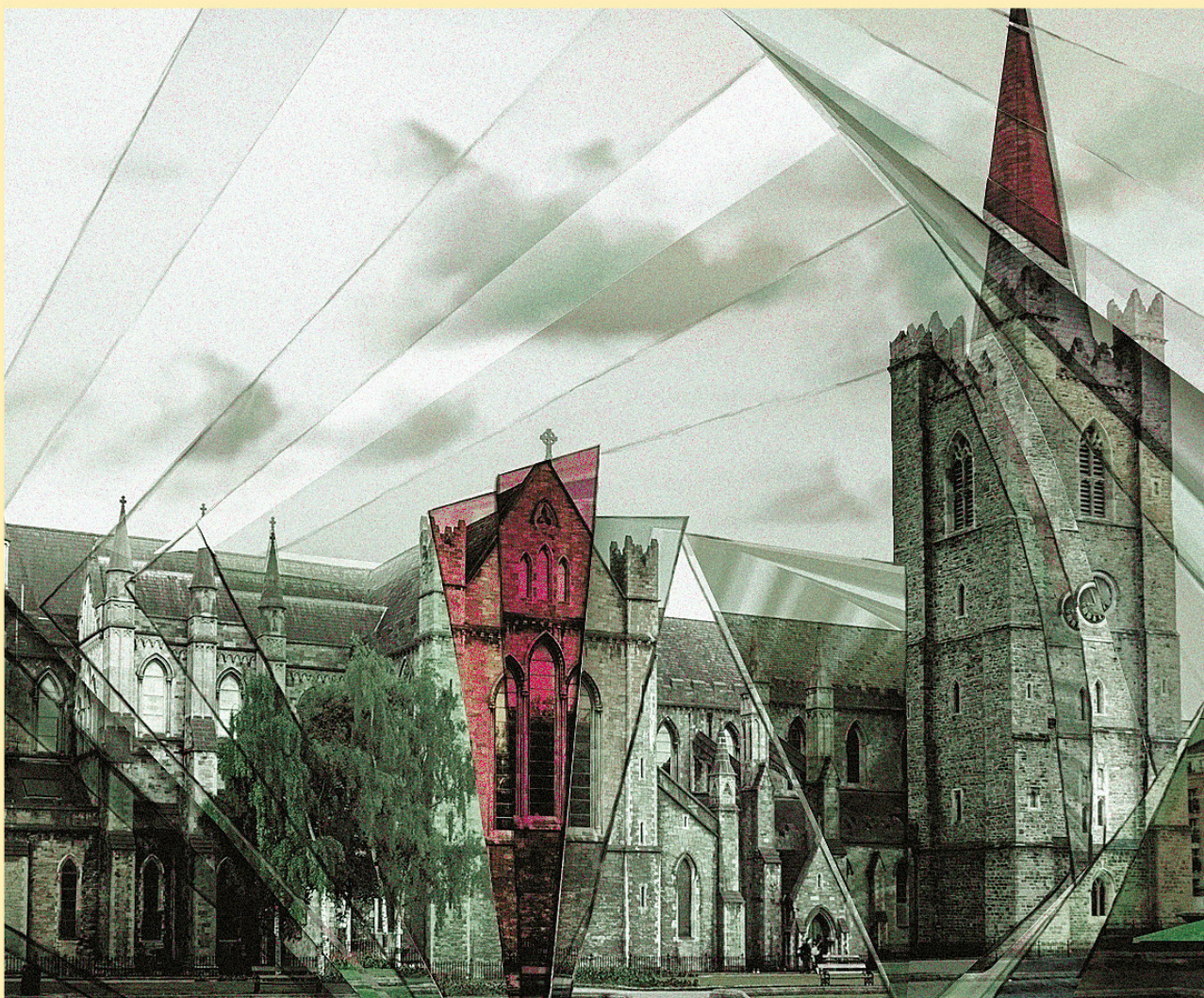

ДЖЕЙМС

ДЖОЙС

УЛИСС

ТОМ II

*Книги, изменившие мир.
Писатели, объединившие
поколения.*

Э К С К Л Ю З И В Н А Я К Л А С С И К А

Эксклюзивная классика (АСТ)

Джеймс Джойс

Улисс. Том II

«Издательство АСТ»

1922

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Джойс Д.

Улисс. Том II / Д. Джойс — «Издательство АСТ»,
1922 — (Эксклюзивная классика (АСТ))

ISBN 978-5-17-110821-2

«Улисс» (1922) – не только главный труд Джеймса Джойса. Это также главная веха модернистской литературы, роман, определивший пути искусства прозы и не раз признанный первым и лучшим за всю историю жанра. После того как в 1918–1921 годах некоторые главы появились в печати, роман запретили, обвинив автора в непристойности. Впервые после окончания рукописи он был издан во Франции и только спустя 14 лет на родине писателя, произведя фурор, явившись новым форматом, до сих пор не известным читателю. Сюжет книги прост: это один день из жизни дублинского обывателя. Но в нехитрую оболочку вмещен весь космос литературы – виртуозный язык, фейерверк стилей и техник письма, исторические и мифологические аллюзии, авторская ирония – и вырастающий новый взгляд на искусство, человека и мир. 16 июня в Ирландии и широко за ее пределами поклонники Джеймса Джойса устраивают Блумсдэй – праздник, названный в честь главного героя романа «Улисс» Леопольда Блума. В настоящее издание включены наиболее полные комментарии к роману, составленные С. С. Хоружим.

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-110821-2

© Джойс Д., 1922

© Издательство АСТ, 1922

Содержание

Часть II	7
Эпизод 13	7
Эпизод 14	32
Эпизод 15	63
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Джеймс Джойс

Улисс. Том II

© Перевод, комментарий. С. Хоружий, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Часть II

Эпизод 13

Летний вечер уж начинал окутывать мир своей таинственной поволокой. Солнце клонилось к западу, и последние лучи, увы, столь быстротечного дня нежно медлили на прощанье, лаская гладь моря и песчаного пляжа, и гордый выступ старого Хоута, верно и вечно стерегущего воды залива, и скалы вдоль берега Сэндимаунта, затянутые морской тиной, и, наконец, что всего важнее, скромную церковку, откуда в вечерней тишине плыли звуки молитв, обращенных к той, которая чистым своим сиянием как вечный маяк светит людским сердцам, носимым по житейскому морю, – к Марии, Звезде Морей.

Три девушки, три подруги, сидели на прибрежных скалах, наслаждаясь чудесным вечером и морским ветерком, несущим приятную, еще не охлаждающую свежесть. Уж сколько раз забирались они сюда, в свое излюбленное местечко, чтобы уютно потолковать под плеск искрящихся волн и обсудить разные девичьи дела, – Сисси Кэффри и Эди Бордмен с младенцем в колясочке, а также Томми и Джеки Кэффри, два кудрявых мальчугана в матросках и матросских шапочках, на которых было написано одно и то же название: КЕВ¹ «Беллайл». Ибо Томми и Джеки Кэффри были близнецы, каких-нибудь четырех лет от роду, большие шалуны и озорники, но при всем том очень милые и забавные мальчуганы с живыми веселыми мордашками. Они возились в песке со своими лопатками и ведерками, строили башни, как все детишки, играли в большой разноцветный мячик, и счастьем их не было границ. Эди Бордмен меж тем укачивала в колясочке пухлощекого малыша, и юный джентльмен блаженно посапывал. Ему было всего одиннадцать месяцев и девять дней, совсем еще ползунок, но он уже понемножку лепетал первые подобию слов. Сисси Кэффри наклонилась над ним, чтобы пощекотать складочки на его пухленьком животике и крохотную ямочку на подбородке.

– А ну-ка, детка, – улыбнулась она ему, – скажи громко-громко: дайте мне водички.

И он лепетал за ней:

– Ати ати диди.

Сисси Кэффри нежно потормошила малютку, потому что она обожала детишек, терпеливее всех возилась с захворавшими крошками, и ни за что на свете нельзя было заставить Томми Кэффри принять касторку, если кто-то вместо Сисси попробует его взять за носик и посулить ему лакомую горбушку черного хлеба с патокой. Эта девушка так умела уговаривать! Но, можно ручаться, малютка Бордмен и вправду был очень мил, суций херувимчик в слюнявчике. А Сисси Кэффри была вовсе не из породы спесивых красоток вроде Флоры Макфлимси. Получив от природы в дар золотое сердце, большие цыганские глаза с вечной смешинкой в них и губки, подобные спелым вишням, она неудержимо привлекала к себе. И Эди Бордмен вместе с нею смеялась лепету своего крошечного братишки.

Но тут юный Томми и юный Джеки устроили между собой легкую перепалку. Мальчишки – всегда мальчишки, и наши близнецы нисколько не были исключением из этого бесспорного правила. Яблоком раздора явилась песочная крепость, которую выстроил юный Джеки, а юный Томми, полагая, что лучшее – враг хорошего, стремился внести в нее архитектурные усовершенствования в виде большого входа, такого, как в башне Мартелло. Томми был упорен, однако и Джеки был волевой натурой, и, верный старому изречению, что для каждого маленького ирландца его дом – его крепость, он ринулся на презренного соперника с таким

¹ Корабль Его Величества.

пылом, что незадачливый узурпатор был вмиг повержен, а с ним – как то ни печально! – и сам предмет спора, крепость. Нужно ли говорить, что вопли побежденного Томми достигли бдительного слуха подруг.

– Томми, ну-ка поди сюда! – строго окликнула его сестра. – Скорей-скорей! А ты, Джеки, как не стыдно, зачем ты его повалил на грязный песок, бедняжку. Вот погоди, я тебе всыплю за это.

Юный Томми, с глазами, полными слез, явился на ее зов, потому что слово старшей сестры было законом для близнецов. После пережитого злключения он был в плачевном виде. Матроска и штанишки были у него сплошь в песке, но Сисси издавна владела искусством справляться с маленькими житейскими неприятностями, и уже через миг на его ладном костюмчике не осталось ни единой песчинки. Однако в голубых глазах еще стояли большие слезы, готовые излиться наружу, и поэтому она крепко поцеловала его, чтобы бобо прошло, и погрозила пальцем нехорошему Джеки, и сказала, что она еще задаст ему, и негодуя на него посмотрела.

– Противный озорник Джеки! – воскликнула она.

Потом привлекла к себе маленького моряка и доверительно, тихонько спросила:

– А ты у нас кто? Ты у нас детка-конфетка?

– Скажи-ка нам, – вмешалась тут Эди Бордмен, – а кого ты больше всех любишь? Ты Сисси больше всех любишь?

– Не-е, – протянул, хныча, Томми.

– Тогда, значит, Эди? – спросила Сисси.

– Не-е, – тянул Томми.

– А я знаю, – сказала Эди без особого ликования, и ее близорукие глаза бросили хитрый взгляд. – Знаю, кого Томми больше всех любит, он Герти любит.

– Не-е, – тянул Томми, явно готовясь зареветь.

Но Сисси быстрым материнским чутьем живо угадала, что тут неладно, и шепнула Эди, чтобы та отвела его за колясочку, где джентльмен не увидит, и присмотрела, чтобы он не замочил свои новые желтые башмачки.

Но кто же такая Герти?

Герти Макдауэлл сидела невдалеке от своих подруг, задумавшись и глядя куда-то вдаль. Самому пылкому воображению было бы не под силу нарисовать более прелестный образ ирландской девушки. Все знакомые в один голос объявляли ее красавицей, хотя и замечали порой, что она пошла больше в Гилтрапов, чем в Макдауэллов. У нее была изящная тоненькая фигурка, даже, пожалуй, хрупкая, хотя таблетки с железом, которые она начала принимать, весьма помогали ей (в отличие от пилюль Вдовы Велч), уменьшая те истечения, что раньше случались у нее, и снимая чувство разбитости. Восковая бледность ее лица, обладавшего чистотой слоновой кости, была почти неземной, однако губки в своем античном совершенстве заставляли вспомнить розовый бутон и лук Купидона. Ее руки с тонкими пальцами были словно из мрамора, пронизанного голубыми жилками, и такой белизны, какую только могли доставить лимонный сок и Крем Королевы, хотя это была злейшая выдумка, будто бы она надевала на ночь лайковые перчатки и мыла в молоке ноги. Однажды Берта Сапл наговорила это про нее Эди Бордмен, но она просто сочинила, потому что в то время была с Герти на ножах (конечно, и у наших подружек иногда случались свои маленькие размолвки, как у всех смертных) и еще она ей сказала чтобы та ни за что на свете не проговорила кто ей рассказал а иначе она всю жизнь не будет с ней разговаривать. Нет уж. Каждому по заслугам. У Герти была врожденная утонченность, некая томная *hauteur*², даже нечто царственное, в том не оставляли сомнений изящные линии ее рук и ножка с высоким подъемом. И если бы только ей выпал благой удел

² Надменность (фр.).

родиться в знатной семье и получить тонкое воспитание, Герти Макдауэлл без труда могла бы сравняться с любой из самых блестящих дам всей страны и увидеть себя в роскошном уборе, с диадемой на лбу, и сонмы высокородных поклонников ревниво оспаривали бы честь оказаться у ее ног. Может статься, именно это, возможная и несбывшаяся любовь, и было тому причиной, что ее нежные черты порой обретали какое-то напряженное выражение, исполненное тайного смысла, и ее дивные глаза туманились странной грустью, перед обаянием которой никто не мог устоять. Откуда их колдовская сила у женских глаз? У Герти они светились лазурнейшей ирландской лазурью, оттеняясь лучистыми ресницами и темными выразительными бровями. Однако некогда эти брови не были столь обольстительно шелковисты. Это мадам Вера Верайти³ со страниц своего Уголка Красоты в «Новостях принцессы» впервые дала ей совет попробовать краску для бровей, придающую вашему взгляду то загадочное выражение, что так нас чарует у цариц моды, – и Герти, приняв совет, никогда не сожалела об этом. Потом там еще было научное средство как перестать краснеть и каждая может стать высокой увеличьте ваш рост и ваше лицо прекрасно но как же носик? Последнее пригодились бы миссис Дигнам, у той просто кнопка. Но главную славою Герти были ее роскошные волосы. Темно-каштановые, слегка выющиеся от природы. Она подрезала их как раз в то утро, по случаю новолуния, и они мириадами блестящих завитков обрамляли ее хорошенькую головку. Она подрезала заодно и ногти, это в четверг к богатству. И сейчас, когда от слов Эди ее щеки зажглись румянцем, легким и нежным, как лепестки роз, она была столь прелестна в своей милой девичьей застенчивости, что, можно смело ручаться, во всей богохранимой стране Ирландии ей бы не нашлось равной.

Одно мгновение она еще сидела молча, грустно опустив взор. Она собиралась ответить, но что-то удержало слова, готовые сорваться с уст. Ее тянуло заговорить, однако достоинство ей подсказывало хранить молчание. Хорошенькие губки слегка надулись, но тут же она подняла глаза и рассмеялась веселым смехом, свежим, как юное утро мая. Она отлично знала, уж кому знать, почему эта косоглазая Эди сказала так: потому что он с виду охладил к ней, хотя на самом деле это было как милые бранятся. Как это всегда бывает, кой-кто себе места не находил, что этот парень, у которого велосипед, постоянно разъезжает у Герти под окнами. Но просто сейчас отец велел ему сидеть дома по вечерам и как следует заниматься, чтобы заработать награду на экзаменах, а потом, после школы, он хотел поступать в колледж Тринити учиться на доктора, как и его брат У. И. Уайли, который выступал на университетских велогонках. Быть может, его не очень-то занимало, что она чувствует, и он даже не подозревал, какая пустота и боль охватывали порой ее сердце, пронзая его до глубины. Но он был еще совсем юн и, как знать, со временем мог бы научиться ее любить. Он был из протестантской семьи, а Герти, конечно, знала, Кто шел первым, и за Ним – Пресвятая Дева, и дальше святой Иосиф. Но у него была эффектная внешность, это бесспорно, красивый правильный нос, и потом он был настоящим джентльменом во всем, до самых кончиков ногтей, уже в форме головы, сзади особенно и когда он без шапки, что-то такое необычное она бы где угодно узнала, и потом он так ловко, не держась за руль, разворачивал свой велосипед у фонарного столба и его дорогие сигареты так хорошо пахли и еще они очень подходили друг другу по росту, и вот потому Эди Бордмен и думала, что она такая умная, потому что перед ее жалким садиком он что-то не собирался разъезжать.

Одета была Герти просто, но с безошибочным вкусом, каким владеют верные слуги Ее Величества Моды, потому что у нее было такое чувство, как будто есть крохотный шанс сегодня встретить его. Изящная блузка цвета электрик, которую она сама покрасила лучшей патентованной краской (когда Дамский Иллюстрированный предсказал, что электрик скоро войдет в моду), с эффектным узким вырезом до ложбинки и с кармашком для платка (но платок пор-

³ Истина (англ.).

тил бы линию, и Герти всегда там держала ватку, надушенную своими любимыми духами), и темно-голубая расклешенная юбка длиной три четверти чудесно обрисовывала ее гибкую грациозную фигурку. На ней была премиленькая кокетливая шляпка из черной соломки крупного плетения, контрастно окаймленная понизу синей и канареечной синелью, а сбоку украшенная бантиком тех же цветов. За этим сочетанием синели она охотилась в прошлый вторник целых полдня, пока наконец не нашла на летней распродаже у Клери в точности то, что нужно; шнур успел в магазине чуточку залосниться, но на вид совершенно незаметно, по два шиллинга один пенс за локоть. Потом она это все приладила своими руками, и сколько радости было, когда она впервые примерила ее и улыбнулась прелестному отражению, которое увидела в зеркальце! И, натягивая ее на большую кружку, чтобы не потеряла формы, она уже твердо знала, что скоро некоторым знакомым придется сбавить свой гонор. Ее туфельки были последней новинкой моды (Эди Бордмен страшно гордилась, что у нее совсем *petite*, но такой ножки, как у Герти, тридцать третьего, у ней не было и не будет, сколько свет простоят), с носками из натуральной кожи и с единственной очень эффектной пряжкой на высоком изогнутом подъеме. Ее юбка открывала точеные щиколотки безупречной формы, а стройные икры, обтянутые тонким чулком с уплотненной пяткой и широкими отворотами для подвязок, виднелись ровно настолько, насколько следует. Что же до белья, то о нем Герти заботилась больше всего, и у кого из тех, кому ведомы трепетные надежды и опасения нежных семнадцати лет (хотя своим семнадцати Герти уже сказала прости), достанет жестокосердия ее упрекнуть в этом? У нее были четыре дивных кружевных гарнитура с фасонной отделкой, каждый из трех предметов плюс ночная сорочка, и причем ленточки у всех разного цвета, розового, голубого, сиреневого и салатного, и когда получала из прачечной она всегда их сама просушивала и подсинивала и гладила у нее такой был кирпичик на чем ставить утюг потому что этим прачкам она нисколько не доверяла насмотревшись как они портят вещи. Она надела голубое на счастье, надеясь наперекор всему, это был ее цвет и еще это счастливый цвет для невесты, если на ней есть где-нибудь голубое потому что когда она надела в тот день зеленое то вышло к несчастью потому что отец засадил его дома заниматься ради этой награды и потому что она подумала может быть сегодня он все-таки выйдет потому что когда она одевалась утром она чуть было не надела эти старенькие наизнанку а это как раз к счастью и к встрече любящих если ты это наденешь наизнанку только чтобы день был не пятница.

И однако! однако! Это напряженное выражение лица! Как будто тайная грусть неотступно гложет его. Вся ее душа видна у нее в глазах, и, кажется, она бы отдала все на свете, чтобы очутиться сейчас одной, в укромной тишине своей комнатки, и, давши волю слезам, не сдерживая томящих чувств, выплакаться как следует, но только, конечно, не чересчур, потому что она училась перед зеркалом как плакать красиво. И зеркальце сказала, о Герти, ты мила. Гаснувший отблеск дня освещает ее лицо, невыразимо печальное и задумчивое. Напрасно томится Герти Макдауэлл. Да, она с самого начала знала, что ее мечтам о замужестве не суждено сбыться, и не трезвонить колоколам на свадьбе миссис Регги Уайли, К. Т. Д.⁴ (потому что миссис Уайли будет та, на ком женится старший брат), и в светской хронике не появиться строкам о том, что миссис Гертруда Уайли была в эффектном туалете серых тонов с роскошной меховой отделкой из голубого песка. Он слишком молод, чтобы понять. Едва ли он способен верить в любовь, это удел женщины. В тот давний вечер, на празднике у Сторов (он еще тогда ходил в коротких штанишках), когда они оказались одни, он воровато обнял ее за талию, и она вся побелела как мел. Изменившимся, странно охрипшим голосом он назвал ее малышкой и торопливо, еле скользнув губами, поцеловал (ее первый поцелуй!), но это получилось один только кончик носа, и тут же он заспешил из комнаты, бормоча что-то насчет закусок. Какой-то взбалмошный! Сила характера никогда не была сильной стороной Регги Уайли, а

⁴ Колледж Тринити, Дублин.

тот, кто сумел бы покорить и увлечь Герти Макдауэлл, уж конечно должен быть настоящим мужчиной. Вот только ждать, постоянно ждать, пока на тебя обратят внимание, а тут как раз високосный год, который, не успеешь оглянуться, пройдет. Нет, ее идеал возлюбленного – не прекрасный принц, приносящий к ее ногам дивный и редкостный дар своей любви, скорее это закаленный мужчина, невозмутимый и сильный, которому не посчастливилось встретить свой идеал, может быть, у него на висках уже блестит седина, и он бы понял ее, надежно укрыл бы ее в своих объятиях, привлек бы ее к себе со всею силой своей глубоко страстной натуры и прильнул бы к ее устам долгим, нескончаемым поцелуем.

Это было бы что-то райское. Вот о ком затаенно мечтает она в этот летний задумчивый вечер. Всем сердцем своим она жаждет стать его единственной, его нареченной невестой в бедности и в богатстве, в немощах и в здоровье, покуда смерть не разлучит нас, и да будет впредь по сему.

И пока Эди Бордмен возилась за колясочкой с маленьким Томми, она как раз думала о том, придет ли завтрашний день, когда она сможет назвать себя его будущей женой. Вот уж тогда пускай они судачат про нее хоть до одури, и Берта Сапл, и Эди, которая такая злючка потому что ей в ноябре стукнет уже двадцать два. Она бы заботилась о нем, создала бы ему все мыслимые удобства, потому что Герти, не обделенная женской мудростью, хорошо понимала, что всякий мужчина любит у себя в доме уют. Ее олады, доведенные до золотисто-коричневого цвета, и пудинг королевы Анны, хранящий вкус и аромат свежих сливок, всегда вызывали шумные похвалы потому что у нее была легкая рука зажигать огонь значит засыпаешь тонкую муку с сухими дрожжами и помешиваешь все время в одном направлении потом молоко и сахар и хорошо взбитые белки хотя когда доходило до еды она не любила стеснялась при людях и думала как жаль что нельзя питаться чем-нибудь таким поэтическим фиалками или розами и она бы чудно обставила их гостиную там были бы всякие картины гравюры и фотография Гарриона собачки дедушки Гилтрапа она почти была как человек казалось вот-вот заговорит и на стульях покрышки из узорной набойки и серебряный тостер какие бывают в богатых домах она видела такой на распродаже у Клеры. Он будет высокий, широкоплечий (она всегда мечтала, чтобы муж был высокий), с белозубой улыбкой под красиво подстриженными усами, и они поедут на континент, чтобы там провести свой медовый месяц (три упоительные недели!), а потом, когда они устроят себе уютное гнездышко, такой маленький миленький домик, то каждое утро будут завтракать вместе, это будет простой, но безупречно сервированный завтрак, только на две их персоны, больше ни для кого, и уходя на службу он крепко обнимет свою милую женушку и на минуту глянет в самую глубину ее глаз.

Эди Бордмен спросила у Томми Кэффри, все ли он сделал, он сказал да, тогда она застегнула ему штанишки и сказала, чтобы он бежал играть с Джеки, только пусть они оба будут теперь хорошие и не ссорятся. Но Томми сказал, что он хочет мячик, а Эди ответила нельзя, с мячиком играет малютка, и если у него забрать, начнется сразу концерт, но Томми сказал нет, это его мячик, и он хочет свой мячик, и топнул ножкой. Нет, вы подумайте! Ну и характер! Да, он уже был мужчиной, этот маленький Томми, едва выйдя из пеленок. Но Эди ему ответила нет, нет и нет, и чтобы он прекратил, и сказала Сисси, чтобы та не уступала ему.

– А ты мне не сестра, – заявил неслух Томми. – Хочу мой мячик.

Но тут Сисси Кэффри сказала малютке Бордмену: посмотри-ка сюда, посмотри на мой пальчик, и быстрым движением подхватила мяч. Она катнула его по песку, и Томми, одержав победу, со всех ног пустился за ним.

– Главное, чтобы было тихо, – засмеялась Сисси.

Она пощекотала крошке его пухлые щечки, чтобы он поскорей забыл, и принялась с ним играть в сорока-ворона кашку варила, деток кормила, этому дала, и этому дала, и этому дала, и этому дала, а самому маленькому не дала. Но тут Эди расшипелась, что вот так он вечно и вытворяет что ему вздумается, раз все его балуют без конца.

– Вот погодите, – посулила она, – я еще ему всыплю по одному месту.

– Ата-та по попке, – весело рассмеялась Сисси.

Герти низко опустила голову и густо покраснела, подумав, что Сисси употребляет недопустимые для барышни выражения, каких она сама не произнесла бы ни за что на свете, лучше сгорела бы со стыда, она вся залилась горячим румянцем, а Эди Бордмен сказала, что джентльмен поблизости наверняка все слышал. Но Сисси это не волновало ни на мизинец.

– Ну и пускай! – воскликнула она, потряхнув беззаботно головой и озорно сморщив носик. – Можно заодно и ему по тому же месту. У меня это быстро.

Шальная Сисс с негритянскими кудряшками. Бывает, с ней обхохочешься. Например, скажет, ты выпей лимонаду а я таю с чортом, или нарисует красным на своих ноготках, на одном – кружку, на другом – мужскую физиономию, все, конечно, покатываются, или когда ей захочется в одно место, объявит вдруг, я должна нанести визит мисс Писс. Вот такая вот она вся, Сиссикумс. Ой, а разве забыть тот вечер, когда она напялила на себя отцовский костюм и шляпу, подрисовала женой пробкой усы и с сигареткой пошла разгуливать по Трайтон-вилл-роуд! По части шуток и розыгрышей за ней никому не угнаться. Но при всем том – чистейшая искренность, одно из самых смелых и верных сердец, какие Бог сотворил, не из тех двуличных созданий, что чересчур деликатны для прямоты.

Здесь в воздухе разнеслись звуки пения и органного гимна. То совершались молитва, проповедь и освящение Святых Даров в приюте трезвости для мужчин, которым руководил миссионер, преподобный Джон Хьюз, О. И. Там они собирались вместе, без всякого различия сословий (и это было весьма поучительное зрелище), ибо все они были вынесены мирскими бурями в сей скромный храм на берегу волн, и все, припадая к стопам Непорочной, читали молитву Божией Матери Лоретской, просили ее заступничества, обращая к ней древние, такие знакомые слова, Пресвятая Мария, Пресвятая и Пречистая Дева. Какую печаль несли эти звуки бедняжке Герти! Если б только ее отец вырвался из когтей зеленого змия, с помощью ли обета или тех порошков, исцеляющих от страсти к вину, про которые было в «Пирсонс уикли», она бы разъезжала сейчас в своей собственной карете не хуже кого угодно. Она повторяла это себе несчетное число раз, сидя в грустной задумчивости у догорающего камина, не зажигая огня, потому что она терпеть не могла двойной свет, или мечтательно размышляя по целым часам, глядя из окошка на то, как дождь колотит в ржавый мусорный бак. Но гнусное зелье, разбившее столько очагов, столько семей, бросило мрачную тень на ее детские годы. Шутка сказать, ей даже довелось повидать в своем доме буйства, чинимые от невоздержности, и быть свидетельницей тому, как ее собственный отец, распалемый губительными парами, совершенно забывал себя, ибо тверже всего на свете Герти знала одно: если мужчина когда-нибудь посмеет коснуться женщины иначе, нежели с добротой и лаской, он достоин звания самого низкого негодяя.

Голоса продолжали петь, воссылая молитвы Деве Всемогушей, Всеблагой Деве. А Герти, погруженная в свои думы, словно не слышала и не видела ни своих подружек, ни резвящихся близнецов, ни джентльмена, который появился со стороны Сэндимаунт Грин, – Сисси нашла, что он очень похож на отца, – и совершал небольшую прогулку вдоль берега. Конечно, на людях его никогда не увидишь навеселе, но все равно он ей не нравился как отец, может, из-за того, что был слишком стар, или еще почему-нибудь, а может, из-за лица (словом, тут явно был случай доктора Фелла), или же угреватого, бугристого носа, или рыжих усов, уже побелевших под носом. Бедный папа! Она его любила при всех его грехах, и ей нравилось, когда он пел «О, Мэри, скажи, как тебя покорить» и «Мой домик и любовь моя вблизи от Ла Рошели», и на ужин были тушеные моллюски и салат под майонезом, и когда он пел «Взошла луна» с мистером Дигнамом, который так внезапно умер и уже схоронили, помилуй, Господи, его душу, от удара. Это было в день рождения мамы, Чарли был дома на каникулах, и Том, и мистер Дигнам с женой, и Пэтси и Фредди Дигнам, и они все вместе сфотографировались. Кто бы подумал, что

конец уже так близко. А сейчас он в могиле. А мама ему сказала что пусть это ему послужит предупреждением до конца его дней а он даже не смог пойти на похороны из-за своей подагры и ей пришлось сходить в город принести ему с работы письма и образцы линолеума Кэтсби, художественный рисунок, годится хоть для дворца, высокая прочность, и в доме всегда ярко и весело.

Герти была не дочка, а просто сокровище, вторая мать всей семье, помощница и ангел-хранитель, золотое сердечко. Когда у матери случались эти ужасные мигрени, такие что голова раскалывалась, кто как не Герти всегда натирала ей лоб ментоловой свечкой, хоть ей и не нравилось, что мать нюхает табак, это было одно-единственное, из-за чего у них выходили споры, нюхать табак. Все неустанно ее хвалили за ее милое обхождение. Именно Герти всегда отключала газ на ночь, и Герти же повесила на стенке в одном местечке, где она никогда не забывала посыпать хлоркой каждые две недели, календарь с картинкой «В идиллические времена», что им подарил мистер Танни, бакалейщик. На этой картине молодой джентльмен, одетый по-старинному, в треуголке, протягивал своей возлюбленной даме букет цветов через решетку ее окна, со всей галантностью того давнего времени. Сразу ясно, что за этим какая-то история. И как приятно подобраны краски! Она в белом из облегающей мягкой ткани, и поза самая изысканная, а кавалер в наряде шоколадного цвета и выглядит аристократом до кончиков ногтей. И часто, заходя туда кой-зачем, она мечтательно глядела на них и, засучив слегка рукава, трогала свои руки, такие же белые и мягкие как у той и размышляла о тех временах потому что она нашла в словаре произношения Уокера который остался от дедушки Гилтрапа что это значит идиллический.

Близнецы теперь играли вполне по-братски, самым похвальным образом, до тех пор, пока юный Джеки, который и в самом деле был отчаянный озорун, от этого никуда не денешься, нарочно не наподдал мячик изо всех сил в сторону затянутых тиной скал. Само собой ясно, что бедный Томми выказал бурное огорчение, но, к счастью, джентльмен в черном, сидевший там в одиночестве, отважно ринулся на выручку и поймал мяч. Оба соперника с истошными воплями тут же принялись требовать любимую игрушку, и чтобы выйти из положения, Сисси Кэффри обратилась к джентльмену, бросьте его мне, пожалуйста. Джентльмен примерился раз-другой и метнул его по песку в сторону Сисси, но он откатился под уклон и остановился у маленькой лужицы под скалой, в точности подле юбки Герти. Близнецы немедленно возобновили свои требования, и Сисси попросила ее стукнуть его к ним и пусть они ловят, кто поймает, так что Герти отвела ножку но она предпочла бы чтоб этот их глупый мяч не закатывался к ней и попыталась ударить по нему но промазала, а Эди и Сисси рассмеялись.

– Раз не вышло, пробуй снова, – сказала Эди Бордмен.

Герти улыбнулась в знак согласия и закусила губку. Ее нежные щеки порозовели, однако она твердо решила им показать и потому приподняла чуть-чуть юбку, немножко, но так, чтобы не мешала, и, хорошенько прицелившись, лихо наподдала ножкой по мячу, так что тот отлетел далеко-далеко, а оба близнеца припустились за ним по гальке. Конечно, это была чистейшая ревность, только чтобы привлечь внимание джентльмена, наблюдавшего неподалеку. Она почувствовала, как жаркий румянец прихлынул и запылал на ее щеках, а это всегда был опасный знак у Герти Макдауэлл. Покамест они лишь мельком поглядывали друг на друга, но сейчас она рискнула посмотреть пристальней из-под поляй новой шляпы, и ей показалось, что она в жизни своей не видела такого печального лица какое-то странно вытянутое, вымотанное, что встретил ее взор в подступающих сумерках.

Благоухания струились через раскрытые окна церкви, и вместе с ними благоуханные имена той, что была зачата неоскверненно, ковчег духовный, молись за нас, ковчег поклонения, молись за нас, ковчег благочестия несказанного, молись за нас, о роза таинственная. И были там заботой снедаемые сердца, и труждающиеся ради хлеба насущного, и многие, что блуждали и заблуждались, глаза же их были увлажнены раскаянием, но купно и светились надеждой, ибо

поведал им преподобный отец Хьюз то, что сказал Бернард, великий святой, в своей прославленной молитве к Матери Божией: что дарована Приснодеве всякая власть предстательская, и не слышано от века никем, чтобы она оставила без участия вопиющих к ней.

Близнецы снова безмятежно резвились, ибо в детстве огорчения наши мимолетны, как летний дождик. Сисси все играла с малюткой Бордменом, и тот агукнул от удовольствия, поводя в воздухе ручонками. Тик-ток! подавала она голос, спрятавшись за верхом коляски, и Эди спрашивала, а куда делась Сисси, и тогда она вдруг выглядывала и восклицала: ку-ку! а мальчуганчик, я вам ручаюсь, весь расплывался от восторга. Потом она стала просить его: скажи папа.

– Ну скажи папа, маленький. Скажи па-па-па-па-па-па-па.

И тот старался всюду, потому что, все говорили, для своих одиннадцати месяцев он был просто необычайно развит, и притом крупный, здоровенький, прямо на загляденье, такой тебе крошка-очаровашка, и все в один голос предсказывали, что из него вырастет какой-нибудь великий человек.

– Аля-ля-ля-ля.

Сисси утерла ему ротик слюнявчиком и хотела его усадить по-настоящему и чтобы он говорил па-па-па, но едва она его развернула, она так и ахнула, святой Дионисий, да он же мокрый, хоть выжимай, надо скорей перевернуть под ним двойную пеленку другой стороной. Разумеется, эти формальности туалета вызвали досаду и недовольство его младенческого величества, о чем они и довели до общего сведения:

– Уааа куаакуаакуаа уаа.

И две большие круглые симпатичные слезинки покатались вниз по его щекам. Тут было бесполезно утешать, ну что ты, что ты, малыш, или начинать про всяких там гав-гав и му-му, но Сисси, как всегда, моментально сообразив, сунула ему в рот бутылочку с соской, и маленький язычник вскоре затих.

Герти нестерпимо хотелось, чтобы они забрали поскорей домой своего писклявого младенца, не действовал бы на нервы, и вообще ему уже поздно, а заодно и этих сопливых близнецов. Взор ее устремлен был в морскую даль. Она ей напоминала картины, которые уличный художник рисовал цветными мелками на мостовой и было ужасно жаль что они там останутся и сотрутся, вечер, и плывущие облака и маяк Бейли на мысу, а ты сидишь так вот и слушаешь музыку и доносится аромат это они там ладан жгут в церкви. Но, между тем как она глядела вдаль, сердечко ее так и колотилось. Да, это именно на нее он смотрел, и притом таким особенным взглядом. Его глаза жгли ее, словно хотели проникнуть в самую глубину, прочесть, что у ней в душе. Они были чудесны, эти глаза, они были несказанно выразительны, только можно ли довериться им? Люди бывают такие странные. Она сразу поняла, что он иностранец, по его темным глазам и интеллигентному бледному лицу, живая копия ее фотографии Мартина Харви, самого модного актера, если не считать усов но они ей всегда нравились потому что она не была так помешана на театре как Уинни Риппингам та даже предлагала чтобы они с ней одинаково одевались потому что по пьесе но только с ее места было не видно какой у него нос, орлиный или же слегка *retroussé*⁵. Он был в глубоком трауре, это она увидела сразу, и на лице у него читалась повесть печали и мук. Она бы отдала все на свете за то, чтобы узнать их причину. Его взгляд был таким настойчивым, неотрывным, и он видел как она стукнула по мячу так что мог бы наверно заметить и блестящие пряжки на туфельках если она ими будет задумчиво покачивать вот так вниз носочком. Она была рада, что утром чутье подсказало ей надеть эти прозрачные чулки, тогда ее мысль была что может быть она встретит Регги Уайли, но сейчас все это уже в прошлом. Перед нею явился тот, о котором она столько мечтала. Он и только он имел значение и на ее лице была радость потому что она жаждала его потому что

⁵ Вздернутый (фр.).

она чувствовала всей душой что он и есть ее неповторимый, единственный. Всем своим сердцем девушки-женщины она стремилась к нему, суженому супругу ее мечтаний, потому что с первого взгляда она уже знала, что это он. И если он страдал, перед другими не был грешен, но лишь другие перед ним, и если бы даже наоборот, если бы даже он сам прежде был грешник, дурной человек, это ее не остановило бы. Если даже он протестант или методист, все равно, она его легко обратит, если только он по-настоящему ее любит. Бывают раны, которые исцелит один сердечный бальзам. Она была настоящей женщиной, не то что теперешние ветреницы без капли женственности, каких он, наверно, знал, как эти велосипедистки, у которых все напоказ, чего у них нет, и она сгорала от жажды все узнать, все простить, если бы только она сумела так сделать, чтобы он полюбил ее и воспоминания утратили власть. И тогда, может статься, он бы нежно обнял ее и как настоящий мужчина, до боли крепко стиснул бы ее гибкий стан, и любил бы ее лишь ради нее самой, единственную свою девочку.

Прибежище грешников. Всех скорбящих радость. *Ora pro nobis*⁶. Как хорошо это сказано, что тот, кто молится ей с верою и усердием, никогда не будет оставлен или отвергнут; и как хорошо подходит, что она гавань и прибежище для скорбящих потому что у нее у самой сердце пронзили семь скорбей. Герти живо представляла себе всю сцену в церкви, светящиеся витражи в окнах, свечи, цветы и голубые хоругви братства Пресвятой Девы, а в алтаре отец Конрой помогает канонику О'Ханлону, уносит и приносит разные вещи, опустив глаза долу. Он выглядел почти как святой, в его исповедальне всегда было так чисто спокойно и мягкий сумрак и его руки будто из белого воска, а если когда-нибудь она станет доминиканской монахиней в этом их белом одеянии то может он приходил бы к ней в монастырь в новену святого Доминика. В тот раз когда она сказала ему на исповеди, что у нее это самое, и покраснела до корней волос, боясь, что сейчас он посмотрит на нее, он ей ответил, чтобы она не беспокоилась, это просто голос природы и сказал мы все подчиняемся ее законам в нашей земной жизни и греха в этом нет потому что это исходит от женского естества каким его сотворил Господь, так он сказал, и даже наша Владычица сказала архангелу Гавриилу, да будет со мною по Слову Твоему. Он был такой благодостный, такой добрый, что ей очень часто хотелось сделать ему какой-то подарок, может быть, покрывало на чайник, с рюшиками, и вышить на ней цветы, или часы, хотя часы у них есть, она их видела на каминной полке белые с золотом а сверху маленький домик откуда выскакивала каждые полчаса птичка и звонко выкрикивала она зашла в тот день насчет цветов для сорокачасового поклонения потому что это же трудно выбрать подарок может быть альбом с видами Дублина или каких-то еще мест.

Невыносимые сорванцы-близнецы опять затеяли склоку, Джеки запустил мячом в сторону моря, и оба они помчались за ним. Мартышки несчастные, надоели как лужи осенью. Давно уж пора, чтобы кто-нибудь хорошенько их проучил. Эди и Сисси тут же принялись кричать им вслед, чтобы они вернулись, перепугавшись, что нахлынет прилив и они утонут.

– Джеки! Томми!

И не подумали! Такие умники стали! Тогда Сисси объявила, что это последний раз в жизни она их взяла гулять. Она вскочила и, продолжая их окликать, устремилась за ними под уклон, откидывая на бегу свои волосы, по цвету они у ней были ничего, только если бы еще подлинней но хотя она в них чего-чего ни втирала не станем уж уточнять они ни чуточки не росли потому что такие есть так что ей одно оставалось делать самой авансы. Она бежала, пожуравлиному вымахивая ногами, странно как юбка не лопалась, в ней масса была мальчишеского, в Сисси Кэффри, и притом она никогда не упускала случая пофорсить а уж тут она знала что бежит как никто потому и проявила такую прыть чтобы он увидел как у нее подол нижней юбки развевается на бегу да голенастые ноги оголяются выше границ приличия. Просто очень было бы поделом, если бы вот сейчас она зацепилась за что-нибудь этими высоченными

⁶ Молись за нас (лат.).

гнутыми французскими каблуками, все хочет повыше быть, да шлепнулась в землю носом. Tableau!⁷ Дивное зрелище, мужчине есть на что посмотреть.

Царица ангелов, царица патриархов, царица пророков и всех святых, так молились они, царица трисвятейшего вертограда, а потом отец Конрой передал кадило канонику О'Ханлону и тот, положив туда ладан, окадил Святые Дары, а Сисси Кэффри изловила близнецов, и руки у нее так и чесались хорошенько надрать им уши но она не стала потому что думала может он на нее смотрит только на этот счет она очень глубоко ошибалась потому что Герти даже не глядя видела как он не сводил с нее глаз а потом каноник О'Ханлон снова отдал кадило отцу Конрою и стал на колени глядя кверху на Святые Дары и хор запел *Tantum ergo* и она стала покачивать ногой в такт музыке, тантумер госа крамен тум⁸. Три шиллинга и одиннадцать пенсов она отдала за эти чулки у Спэрроу на Джордж-стрит это было во вторник нет в понедельник на Страстной и до сих пор все петли целы вот он на что смотрел, прозрачные, а вовсе не на ее замухрышные там ни тела ни линии (какая нахалка!) он же не слепой сам как-нибудь видит разницу.

Сисси поднималась с моря с двумя близнецами и с мячиком и, таща за собой мальчишек, выглядела под стать любой стрил⁹, шляпка у нее от бега съехала набок, тонкая блузка, купленная всего полмесяца назад, превратилась чуть ли не в тряпку, и для полноты картины сзади торчала нижняя юбка, как рисуют на карикатурах. И вот тут Герти сняла на миг свою шляпу, чтобы поправить волосы. Истинный Бог, более изящной, очаровательной головки не красовалось никогда на девичьих плечиках, маленькое сияющее диво, способное свести с ума своей нежной прелестью. Долго пришлось бы постранствовать по свету, чтобы отыскать что-либо подобное роскоши этих ореховых локонов. Она почти уловила, как быстрая искорка восхищения ответно вспыхнула у него в глазах, и от этого все струнки в ней затрепетали и напряглись. Она снова надела шляпу, опустив поля настолько, чтобы из-под них можно было наблюдать, и ножка, посверкивая пряжкой, стала покачиваться чуть быстрее, потому что дыхание у Герти перехватило, когда она перехватила это выражение в его глазах. Он смотрел на нее так, как смотрит удав на свою жертву. Женский инстинкт подсказывал ей, что она разбудила в нем дьявола, и при этой мысли горячая алость начала подниматься от ее шеи ко лбу, пока все личико не сделалось пунцовое розы.

Это не укрылось от Эди Бордмен, потому что она все время косилась на Герти, с кривой улыбочкой, в очках, как старой деве положено, а сама делала вид, как будто баюкает малыша. Настырней всякого комара, такая она и была и будет, вот потому с ней никто и не мог поладить, потому что она вечно суется не в свое дело. И Эди сказала Герти:

– Интересненько, что это у тебя на уме.

– Что? – отвечала Герти с улыбкой, приоткрывшей белые зубки. – Я просто подумала, что уже поздно.

Потому что она не чаяла дожидаться, когда наконец эти сопливые близнецы, а заодно и младенец, уберутся подобру-поздорову, поэтому она и намекнула вежливо, что уже поздно. И когда Сисси вернулась к ним, Эди спросила у нее, который час, а мисс Сисс, что за словом в карман не лезет, ответила без пяти поцелуев час целоваться. Но Эди непременно хотела знать, потому что им наказали быть пораньше.

– Погоди тогда, – сказала ей Сисси, – сбегая спрошу у своего дядюшки Питера, который вон там торчит, сколько на его луковице.

И она направилась к нему, а когда он увидел, как она подходит, то Герти заметила, что он вытащил руку из кармана, как-то занервничал и стал поигрывать часовой цепочкой и раз-

⁷ Картина! (*фр.*)

⁸ *Tantum ergo sacramentum* – Вот великое таинство (*лат.*).

⁹ Баба-неряха (*ирл.*).

глядывать церковь. Да, у него была страстная натура, но при этом, как теперь Герти видела, он потрясающе владел собой. Только что он был весь под ее обаянием, глаз от нее не мог оторвать – и вот, в один миг, перед вами серьезнейший джентльмен, и каждая черточка его солидной фигуры выражает полное самообладание.

Сисси попросила ее извинить, и не будет ли он так добр сказать ей точное время, и Герти видела, как он достает часы, подносит их к уху, потом поднимает глаза и, кашлянув, говорит, что, к величайшему его сожалению, часы у него остановились, но он полагает, сейчас уже больше восьми, потому что солнце зашло. Он говорил с очень культурными интонациями, размеренным голосом, но, несмотря на это, словно какая-то дрожь проскальзывала в мягком звучании его речи. Сисси сказала спасибо и, вернувшись обратно, высунула им язык и объявила, дядюшка говорит, его луковица слегка протухла.

Потом они запели второй стих из «*Tantum ergo*» и каноник О'Ханлон снова поднялся и окадил Святые Дары и стал на колени, и тут он сказал отцу Конрою, что от одной из свечек вот-вот могут загореться цветы и отец Конрой поднялся и поправил цветы и свечу и она видела как джентльмен заводит свои часы и прислушивается идут ли они и она снова стала покачивать ножкой в такт музыке. Уже темнело, но все-таки ему еще было видно, и он, не отрываясь, смотрел все время пока заводил часы или что там он с ними делал а потом он положил их назад и снова сунул руки в карманы. Она почувствовала некое ощущение во всем теле: покалывало кожу на голове, планшетки корсета раздражали, и она знала что у нее начинается потому что в последний раз это было тоже когда она подрезала волосы в новолуние. Его темные глаза, снова прикованные к ней, впивали все ее очертания, поклонялись ей как божеству, это совершенно буквально. Если вообще когда-нибудь взгляд мужчины может выражать страстное и неприкрытое обожание – сейчас оно было написано на его лице. И эта дань обожания – тебе, Гертруда Макдауэлл, и ты знаешь это.

Эди начала собираться в путь, давно ей было пора, и Герти заметила, что ее намек возымел желанное действие потому что по пляжу было довольно далеко до того места где можно подняться с коляской а Сисси сняла с близнецов беретки и принялась заботливо их причесывать конечно чтобы самой выглядеть симпатичней а каноник О'Ханлон поднялся риза его встопорщилась колом на спине и отец Конрой передал ему листок с текстом и он начал читать *Panem de coelo praestitisti eis*¹⁰ а Эди и Сисси тараторили все время про время и приставали к ней но Герти превосходно сумела им дать отпор и отвечала коротко с убийственной вежливостью когда Эди спросила не разбил ли ей сердце ее лучший поклонник внезапно бросив ее. Герти вся сжалась, словно от резкой боли. Глаза ее в тот же миг метнули холодную молнию, вместившую в себя безмерный заряд презрения. О да, это мучило ее, это резало по живому, потому что Эди, эта коварная кошка, отлично усвоила манеру говорить с невинным видом такие вещи, которые, как сама она знала, ранят и убивают. Губы Герти раскрылись, слово уже готово было слететь с них, но ей так и не удалось его сказать, потому что рыдания подступили к горлу, ее гибкому, совершенно идеальному горлу, линии которого восхитили бы любого художника. Он ведать не ведал, как сильно она любила его. Легкомысленный обманщик, ненадежный, непостоянный, как весь его пол, он никогда в жизни не сумел бы понять, сколько он значил для нее, и на мгновение ее глаза уже защипало от слез. Но они так и сверлили ее своими безжалостными глазами, и, сделав героическое усилие, она нарочно для них бросила самый благосклонный взгляд на нового своего вассала.

– О, – с быстротою молнии парировала Герти, смеясь и гордо вздернув головку, – год-то ведь високосный, я и сама могу выбрать, кого захочу.

Она говорила чистым и звонким голосом, мелодичным как воркованье лесного голубя, и все же в наступившем молчании ее слова падали резко и холодно. Что-то явно слышалось в

¹⁰ Хлеб небесный Ты дал им (лат.).

этом молодом голосе, что давало понять: такая девушка никому не игрушка. А мистера Регги со всем его бахвальством и с капиталами она бы просто отодвинула ножкой, как мусор с дороги, и больше никогда бы не вспоминала, и эту его несчастную открытку разорвала бы на мелкие кусочки. И если бы он когда-нибудь еще осмелился, она бы его наградила таким взглядом, с таким презрением, что он бы умер на месте. У ее ничтожества мисс Эди физиономия весьма вытянулась, стала, можно сказать, темней черной тучи, и Герти насквозь видела, что она готова просто лопнуть со злости, хотя и не подает виду, маленькая киннат¹¹, потому что у ней задела самое больное место, ее мелкую зависть, они же обе знали, что она-то в этих делах при пиковом интересе, навек чужая на этом празднике жизни, и кое-кто еще тоже это отлично знал и видел, так что им теперь только оставалось утереться.

Эди уложила поудобней малютку, готовясь в путь, Сисси собрала лопатки, ведерки, мячик, и было уже совсем пора, Бордмену-младшему подошло время засыпать. И Сисси ему сказала, что где-то тут уже бродит Вилли Закрой Глазки и, значит, малюткам пора бай-бай, но малютка, никак не унимаясь, радостно тарашил глазенки и хохотал, так что Сисси стало самой смешно, и она пощекотала слегка его пухленькое брюшко, а он, не нуждаясь в позволении, тут же излил свою горячую благодарность на новенький нарядный слюнявчик.

– Вот тебе на! – расстроилась Сисси. – Приехали с орехами. Совсем слюнявчик испортил.

Этот легкий *contretemps*¹² потребовал ее внимания, но в два счета она вновь навела порядок.

У Герти вырвалось сдавленное восклицание, она нервно кашлянула, и Эди тут же переспросила что-то, и ей хотелось ответить глухим две обедни не служат, но она всегда соблюдала самые светские манеры и поэтому просто тактично обошла, ответив что это благословение потому что как раз в ту минуту над берегом прозвучал в тишине удар церковного колокола потому что каноник О'Ханлон вошел в алтарь в облачении которое надел ему на плечи отец Конрой и благословлял держа в руках Святые Дары.

Как трогала чувства вся эта сцена в наплывающих сумерках, и Эрина прощальная краса, и наводящий думы вечерний звон, и юркая тень летучей мыши, что снялась с колокольни, увитой плющом, и с тоненьким жалобно-растерянным криком носилась острыми зигзагами на гаснущем фоне неба. Далеко-далеко светились огни маяков, так красиво, ей бы очень хотелось нарисовать это красками ведь это легче чем человека и скоро уже фонарщик выйдет в свой путь мимо пресвитерианской церкви потом по тенистой Трайтонвилл авеню где прогуливаются парочки потом он зажжет фонарь невдалеке от ее окна тот самый где Регги Уайли всегда разворачивал свой велосипед и все как в книжке «Фонарщик» мисс Камминс, которая еще написала «Мейбл Вохен» и другие истории. Дело в том, что у Герти были свои сокровенные мечты, которых она не открывала никому. Она любила стихи, и когда Берта Сапл подарила ей альбом для записи разных мыслей, очень миленький, в кораллово-розовой обложке, она его спрятала к себе, в свой туалетный столик, который, правда, нельзя было упрекнуть в роскоши, но зато он просто сверкал образцовой чистотой и порядком. Там, в ящичке, она сберегала свои девичьи сокровища, там у нее хранились черепаховые гребни, значок Детей Марии, духи «Белая роза», краска для бровей, гипсовая шкатулочка для духов, ленточки, которые она меняла на белье, когда его приносили из стирки, а в альбоме уже были разные красивые изречения она их записывала фиолетовыми чернилами купленными у Хили на Дэйм-стрит и как ей чувствовалось она бы даже могла сама сочинять стихи если бы только умела так хорошо выражаться как в этом стихотворении она его случайно увидела в газете куда были завернуты овощи и оно так понравилось ей что она тут же переписала его все целиком. Оно называлось «Идеал мой, ты лишь греза», сочинил Луис Дж. Уолш из Маэрфелта, и дальше шло «сумерки, о ты, о скоро ль?» или

¹¹ Сучка (*ирл.*).

¹² Затруднение (*фр.*).

вроде этого и часто от прелести стихов, столь грустной в своей хрупкой красе, взор ее застилали тихие слезы потому что она чувствовала что годы ее уходят один за другим и если бы не этот единственный недостаток она бы вообще не знала соперниц все из-за того случая когда она спускалась по Долки-хилл и она всячески старалась это скрывать. Но она чувствовала, дальше так не может тянуться. Если бы только она уловила в его глазах этот волшебный зов, ее бы ничто не остановило. Любовь не запереть под замок. Она бы принесла великую жертву. Она бы старалась всеми усилиями разделить его мысли. И она стала бы для него дорожее всего на свете и наполнила его дни счастьем. Но тут оставался наиважнейший вопрос, ей просто смертельно надо было узнать, женат он или вдовец, потерявший свою супругу, а может быть, случилась трагедия, как у того знатного дворянина из страны песен, который вынужден был поместить ее в сумасшедший дом, из жалости жестокость проявляя. Но даже допустим – ну и что? Такая ли уж большая разница? Глубоко сидящий инстинкт отталкивал ее от малейшей не деликатности, грубости. Ей были отвратительны эти создания, падшие женщины, что прохаживаются по берегу Доддера, не гнушаясь солдатами и мужичьем, забыв про девичью честь и позоря свой пол, их даже забирают в полицию. Нет, нет, что угодно, только не это. Они будут просто хорошие друзья, как взрослые брат с сестрой, и больше ничего такого, вопреки всем нравам Общества с большой буквы. А может быть, он носил траур в память о бывшей страсти, владевшей им в незапамятные деньки. Ей думалось, она поняла. Она постаралась бы его понять, потому что мужчины, они настолько отличаются. Старая любовь все ждала, ждала, простирая тонкие белоснежные руки, с мольбою устремляя голубые глаза. Сердце мое! Она пошла бы за своей любовью, своей мечтой, не оглядываясь, следуя только голосу сердца, которое говорило ей, что он – все для нее, единственный в целом мире, ибо одна любовь правит всем. Больше ничего не важно. Будь что будет, она порвала бы все оковы, все запреты, она была бы свободна.

Каноник О'Ханлон положил Святые Дары обратно в дарохранительницу и преклонил колена, хор запел «*Laudate Dominum omnes gentes*»¹³, и он запер дарохранительницу потому что обряд благословения был окончен и отец Конрой подал ему шляпу а Эди, противная кошка, спросила ты что не собираешься идти но тут Джеки Кэффри закричал:

– Ой, Сисси, погляди!

И все посмотрели, может быть, это зарницы, но Томми тоже это увидел, там, над деревьями, за церковью, красное и синее и зеленое.

– А, это фейерверк, – сказала Сисси.

И все они побежали по пляжу, чтобы поспеть увидеть над церковью и над домами, всей гурьбой, Эди с коляской, в ней малыш Бордмен, Сисси и Томми и Джеки, она их держала за руки, а то могли упасть на бегу.

– Герти, иди сюда, – позвала Сисси. – Это фейерверк в честь благотворительного праздника.

Но Герти была тверда. Она не намерена бегать за ними как на веревочке. И она отвечала, что если им нравится, они могут скакать как угорелые, а она посидит, ей и отсюда хорошо видно. Глаза, что были прикованы к ней, волновали ей кровь и сердце. На миг она глянула прямо на него, и взоры их встретились, и словно молния озарила все ее существо. Жгучая страсть была на его лице, безмолвная как могила, и эта страсть покорила ее ему. Наконец-то они были одни, без людской зависти и доуки, и она знала, что этому человеку можно довериться на жизнь и на смерть, что он верен и тверд и что он человек чести до последнего дюйма. И руки и лицо его были в возбуждении, и ее охватила дрожь. Она сильно откинулась назад, стараясь разглядеть фейерверк, обхватила колени руками, чтобы не потерять равновесие, и совершенно никто не мог увидеть, только она и он, когда она совсем открыла свои хорошенькие ножки, вот так, они были нежно упругие, изящно округленные, словно выточенные, и ей каза-

¹³ Хвалите Господа все люди Его (*лат.*).

лось, будто она так и слышит его неровное тяжелое дыхание и гулкий стук его сердца, потому что она уже знала насчет таких вот мужчин, страстных, с горячей кровью, потому что Берта Сапл однажды ей рассказала под самым страшным секретом, чтобы никогда никому, про их квартиранта из Комиссии по Перенаселенным Районам, он вырезал из журналов картинки с полуголыми шансонетками и с танцовщицами, задирающими ноги, и она сказала он занимался кое-чем нехорошим можешь сама догадаться чем иногда у себя в постели. Но тут ведь совершенно другое потому что огромная разница потому что она почти чувствовала как он привлекает ее лицо к своему, почти осызала первое быстрое обжигающее прикосновение этих красивых губ. И потом, есть ведь и отпущение грехов, если только ты не позволила этого самого до свадьбы и еще пусть были бы священники женщины им бы не нужно было все говорить словами они бы так поняли а у Сисси Кэффри тоже иногда бывает такой блаженный вид с совершенно блаженными глазками так что и ты, моя милочка, а эта Уинни Риппингам что просто помешана на фотографиях актеров и потом это все из-за того что как раз это самое начинается вот это из-за чего.

И Джеки Кэффри закричал, смотрите, там еще, и она еще отклонилась назад, и подвязки у нее были голубые, это подходило к прозрачному, и все увидели и закричали смотрите, смотрите, вон там, и она еще и еще сильнее отклонялась назад, чтобы разглядеть фейерверк, и что-то непонятное носилось в воздухе, темное, туда и сюда. И она увидела большую римскую свечу, которая поднималась над деревьями, выше и выше, и все в восторге затаили дыхание, молча и напряженно следя, как она поднимается все выше, выше, и ей приходилось все дальше и дальше запрокидываться назад, почти ложась на спину, чтобы следить за ней, еще, еще выше, почти скрылась из глаз, и лицо ее залилось дивным пленительным румянцем от такой позы, и теперь он мог увидеть еще много нового, батистовые панталоны, материя прямо ласкает кожу, и лучше чем те зауженные зеленые за четыре одиннадцать, а эти беленькие, и она ему позволяла и видела что он видит а свеча поднялась так высоко что на мгновение совсем исчезла и все мускулы у нее дрожали из-за того что так запрокинулась а перед ним было полное зрелище гораздо выше колен такого она еще никогда никому даже на качелях или переходя вброд но ей не было стыдно и ему тоже не было что он так неприлично впился глазами он же не мог устоять перед таким дивным зрелищем когда перед ним все так открыто как у тех танцовщиц что задирают ноги совершенно неприлично а мужчины смотрят на них и он все смотрел смотрел. Ей хотелось закричать, позвать его задыхающимся голосом, протянуть к нему свои тонкие белоснежные руки, чтобы он пришел, чтобы она ощутила его губы на своем чистом лбу, крик любви юной девушки, слабый сдавленный крик исторгнутый у нее против воли, звенящий сквозь все века и эпохи. И тут взвилась ракета, на мгновение ослепив, Ах! и лопнула римская свеча, и донесся вздох, словно Ах! и в экстазе никто не мог удержаться, Ах! Ах! и оттуда хлынул целый поток золотых нитей, они сверкали, струились, ах! и падали вниз как зелено-золотые звезды-росинки, ах, это так прекрасно! ах, это дивно, сказочно, дивно!

И как росинки, они растаяли в сгустившихся сумерках – и настало молчание. Ах! Она поспешно выпрямилась и бросила на него быстрый несмелый взгляд, полный кроткого протеста, мягкого застенчивого упрека, и под этим взглядом он покраснел словно девушка. Спиною он прислонялся к скале. Леопольд Блум (ибо это был он) стоит молча, потупив голову под ее чистым невинным взглядом. Какой же он гнусный тип! Снова за старое? Юная неиспорченная душа воззвала к нему, а он, жалкое существо, как же он на это откликнулся? Проявил себя как последний подонок! Причем не кто-нибудь, он! Но в этих глазах светилось безграничное милосердие, они и его готовы были простить, пускай он сбился с пути, блуждал и грешил. Разве девушка должна говорить? Нет, тысячу раз нет. Это их секрет, их личная тайна, которую скрыли сумерки и которую будут знать лишь они одни – да маленькая летучая мышь, что мягко носилась туда-сюда, а летучие мыши умеют хранить секреты.

Сисси Кэффри свистнула по-мальчишечьи, показать свои необыкновенные таланты, и громко позвала:

– Герти! Герти! Мы уходим, пошли! Мы еще оттуда, сверху, посмотрим.

И тут у Герти мелькнула мысль, одна из маленьких уловок любви. Ее пальцы скользнули в нагрудный кармашек, вынули надушенную ватку, и она помахала ею, как бы в ответ, конечно, следя за ним, и потом сунула обратно. Хотя не слишком ли далеко до него. Она поднялась. Так это прощание? О нет. Ей нужно идти, но они еще встретятся, снова встретятся здесь, а до той минуты она будет мечтать об этом, мечтать завтра о том, что привиделось накануне. Она выпрямилась во весь рост. Их души слились в последнем, долгом и томном взгляде, и глаза его, полные странным сиянием, проникли в глубь ее сердца и сами, словно замороженные, не могли оторваться от ее лица, нежного как цветок. Она слабо улыбнулась ему, улыбкой нежной и всепрощающей, улыбкой, готовою перейти в слезы, – и они расстались.

Медленно, не оглядываясь назад, она шла по неровной полосе пляжа туда, к Сисси, Эди, к Томми и Джеки Кэффри, к малышу Бордмену. Заметно стемнело, а на пляже там и сям попадались камни, обломки дерева, скользкие водоросли. Она двигалась со спокойным достоинством, свойственным ей всегда, однако осторожно и очень медленно, потому что – потому что Герти Макдауэлл...

Туфли жмут? Нет. Она хромая! О-о!

Мистер Блум смотрел, как она ковыляет прочь. Бедняжка! Так вот она почему осталась сидеть, когда все помчались. Я так и думал, тут что-то не то, по всему ее виду. Покинутая красotka. Когда такое у женщины, это в десять раз хуже. Зато делаются обходительней. Хорошо, что еще не знал, когда она устроила свою выставку. Но все равно, горячий чертенок. Не возражал бы. Из разряда диковинок как с монахиней, или с негритянкой, или когда она в очках. Та косоглазенькая, кстати, весьма сублильна. Наверно, месячные скоро, это подзуживает их. У меня сегодня ужасно болит голова. А куда я его сунул, это письмо? Тут, все в порядке. Всяческие бредовые прихоти. Полизать монетку. Та монахиня в монастыре Транквилла рассказывала, что у них одна девица обожает запах нефти. У старых дев, думаю, уже помешательство под конец. Сестра, как ее? А у скольких женщин в Дублине это сегодня? Марта, эта. Что-то такое в воздухе. Луна влияет. А тогда почему не у всех женщин менструации в одно время, фазы-то у луны те же? Наверно, еще зависит от даты рождения. А может, все начинают одинаково, а после выходят из графика. У Молли и Милли иногда совпадает. Как бы ни было я-то воспользовался случаем. Правильно что не стал утром в бане над этим ее дурацким я тебя прочту посланием. Это мне в утешение за тот трамвай утром. Болван Маккой привязался со всякой чушью. А эта его жена ангажемент в провинции чемодан, голосишком пополам перепилит. Признателен за вашу небольшую услугу. Притом дешево. По первой просьбе. Потому что им самим хочется. Естественное желание. Каждый вечер их целые косяки из контор. Лучше держиваться. Когда за ними не бегаешь, сами липнут. Так и бери тепленькими. Жаль, они сами себя не видят. Грезы о чулочках с аппетитной начинкой. Где это было? Ах да. Картинки в райке на Кейпл-стрит, только для мужчин. Что подглядел Том. Шляпа Вилли и как девочки позабавились с ней. Их правда снимают в таком виде или тут трюк? *Lingerie*¹⁴ придает эффект. Ласкал ее формы под легким дезабилье. Их это самих возбуждает. Я вся чистенькая, иди запачкай меня. Любят наряжать друг дружку перед великой жертвой. Милли была в восторге от новой блузки у Молли. Для начала. Все наденет, чтобы потом все снять. Молли. С чего я купил ей сиреневые подвязки. Да и мы тоже: какой он галстук надел, и брюки с манжетами, и носки красивые. Пришел он в новых гетрах в тот первый вечерок. Нарядная рубашка и на кудрях – чего бы там? – венки. Говорят, потерять шпильку – потерять поклонника. Пришпиливают. Эх, у Мэри панталоны на одной булавке. Нарядилась для кого-то как модная куколка. Во многом

¹⁴ Белье (*фр.*).

их шарм за счет моды. Как только раскусят моду, она меняется. А на Востоке не так: Мария, Марфа, что сейчас что тогда. Никакие серьезные предложения не отвергаются. Она вовсе не торопилась. Спешат они только на свидание. В жизни не позабудут. Наверно, просто так вышла, поискать счастья. Они все верят в случай, это у них в натуре. А другие все ее норовили подколоть. Школьные подружки ходят, обнявшись или переплетя пальцы, целуются каждую минуту и нашептывают друг дружке всякую чепуху под страшным секретом где-нибудь в монастырском садике. Монашки в строгих наколках, лицо вымыто известковым молоком, трясут своими четками, злобятся на все, чего им не полагается. Колючая проволока. Не беспокойся и пиши мне. А я тебе. Только будешь ли? Молли и Джози Пауэлл. Пока не найдет себе, а там видятся раз в год по обещанию. Tableau! Господи, нет, вы посмотрите, кто это! Ну как, как ты там? Что у вас делается? Целуются я так рада целуются что я тебя встретила. Вот-вот пробуравят друг дружку, выискивая изъяны в наружности. Ты выглядишь изумительно. Души-сестры нежно оскателились в улыбке. Так-так, а зубы-то у тебя все? Щепотку соли одна другой пожалеет.

Эх!

Когда у них это дело, они словно сатанеют. Мрачное дьявольское выражение. Молли говорит, любая вещь кажется в тонну весом. Или вдруг почешет мне пятки. Ага, ага, вот так! Ах, как чудесно! Со мной такое тоже бывает. Полезная передышка своего рода. Интересно, не вредно ли в эти дни быть с ними. С одной стороны, безопасно. При них молоко скисает, скрипичные струны лопаются. Где-то еще читал, в саду цветы вянут. Говорят если на ней цветок быстро вянет значит кокетка. Да они все. Пожалуй она заметила что я. Когда на это настроен, почти всегда это подвернется. Понравился я ей, что ли? Они всегда смотрят как одет. Если он за кем ухаживает, тут же это определяют: при воротничке, при манжетах. А что точно так же петухи львы или там олени. А иногда вдруг им нравится, если галстук или еще там что не в порядке. Брюки? А вдруг бы я в тот момент, когда я? Нет-нет. Надо деликатно. Не любят, когда грубо набрасываются. Поцелуй во тьме и вечная тайна. Что-то она нашла во мне. Интересно что. Уж лучше я, чем какой-нибудь рифмоплет, волосенки мажет медвежьим салом, над десным оком завиточек приклеен. Для помощи джентльмену в литературных. В моем возрасте уже надо следить за внешностью. В профиль я к ней не поворачивался. Хотя тут не угадаешь. Хорошенькие за уродов выходят. Чудище и красавица. Потом я уж не совсем как-никак Молли. Сняла шляпу показать волосы. Поля широкие. С такими покупают прятать лицо, если кого знакомого встретит, опустит голову или станет нюхать букетик ах как пахнет. От волос во время любви. Очески Молли я продал за десять шиллингов, когда бедствовали на Холлис-стрит. А что такого? Или допустим он ей даст денег. Что такого? Одни предрассудки. Она стоит и десять, и пятнадцать, и фунт. А то все за так. Почерк, и тот нахальный. Миссис Мэрион. Адрес-то я не забыл на письме, а то может как с той открыткой, что послал Флинну? А однажды пошел к Дримми и галстук забыл надеть. Но тогда это сцена с Молли меня расклеила. Нет помню написал. Ричи Гулдинг, тот не такой. Все взвесит. Странно, мои часы остановились в полпятого. Пыль. Маслом из акульей печени их смазывают. Я бы и сам мог. Дешевле. Может, это точно в момент, когда он с ней?

Да, он был с ней. В ней. Она с ним. Заделано.

Эх!

Мистер Блум аккуратно расправил влажный подол рубашки. Все эта хромая бестия. Становится липко, зябко. Последствия не очень приятны. Что делать, надо же как-то разрядиться. Их это не смущает. Может даже им льстит. Потом домой, к вечерней булочке с молочком, перед сном прочтет молитву с детишками. Что, не такие они? Увидишь ее какая есть, и все испорчено. Тут требуются декорации, костюм и грим, позы, музыка. И имя важно. Амуры актрис. Нелл Гвин, миссис Брейсгердл, Мод Брэнском. Поднимается занавес. Лучезарное серебро луны. Выступает дева с задумчивым лоном. Приди в мои объятия, сладость моя. Но все-таки

чувствуется. Придает силы человеку. В чем вся тайна этого дела. Хорошо я там у стенки отлил выйдя от Дигнама. Сидр. Иначе не вышло бы. А после тянет запеть.

*Лакауз эсант*¹⁵, *тара-тара*. Допустим, я бы заговорил с ней. О чем только? Лучше не начинать разговор когда не знаешь чем кончить. Задай вопрос, они тебе другой. Хороший выход если видишь завяз. Конечно, это приятно, если ты ей: добрый вечер, и сразу видишь она тоже идет навстречу: добрый вечер. Ох, но как вспомню тот вечер, когда чуть-чуть не заговорил с миссис Клинч на Аппиевой дороге, принял ее в потемках за. Ужас! А в другой вечер девка на Мит-стрит. Заставлял ее повторять всякую похабень. Она коверкала, конечно. Моя жожо, называла свою. Редко найдешь, которая бы. Хо-хо! Пока не свыклась ей наверно ужасно, когда заговорит с кем-то, а тот ноль внимания. Поцеловала руку, когда дал ей лишних два шиллинга. Автоматы. Нажмешь кнопку – птичка чирикнет. Но все-таки лучше б не называла сэр. А какие у нее губы в темноте, о! Женатый мужчина со свободной девицей. Вот что им самое приятное. Отнять у другой ее мужчину. Или хоть послушать про это. Во мне нет такого. Не стал бы связываться с чужой женой. Обьедки с чужой тарелки. Как у того типа в трактире, хрящи непрожеванные. А презерватив все еще у меня в бумажнике. Из-за чего половина проблем. Но может же однажды стрястись, правда? Входишь. Все приготовлено. Я тут вздремнула. Что? Хуже всего начало. Меняются как по волшебству едва увидят что не в их вкусе. Вопросы: а вы любите грибы, это значит, знала кого-то кто. Или: а как вы думаете, что он, кто-то там, этим хотел сказать, когда вдруг раздумал и перестал. Но если уж ты всерьез, так и говори, мол, хочу, или в этом роде. Раз уж решил. И она. Вроде обидь ее. А потом загладь. Сделай вид как будто чего-то до смерти хочешь потом как бы откажись ради нее. Это им льстит. Наверняка она думает про кого-то другого все это время. Ну и что? Как выучилась думать с тех пор и думает, не про того, так про этого. Первый поцелуй все решает. Роковой миг. Пружинка какая-то разжимается. Вся сразу млеет, хоть держится, а по глазам видно. Первый порыв не сравнить ни с чем. Помнится до смертного часа. У Молли, это когда ее лейтенант Малви поцеловал за садами, под Мавританской стеной. Пятнадцать, по ее словам. Но уже груди были вполне. А после крепко заснула. После обеда в Гленкри когда ехали домой через гору Фезербед. Скрипела зубами во сне. Лорд-мэр на нее очень поглядывал. Вэл Диллон. Апоплектик.

Вон она там, с ними, глядят фейерверк. И у меня фейерверк. Подымется ракетой, опадет плетью. А ребятишки, похоже что близнецы, только и ждут каких-нибудь происшествий. Хочется быть взрослыми. Наряжаются в мамашины платья. Будет время, еще поймут, как все на свете устроено. А эта растрепанная чернушка с негритянскими губами. Так и знал, что она умеет свистеть. Подходящие губы для этого. Как у Молли. Та шикарная шлюха у Джеммета странно отчего у нее такая вуаль короткая, только до носа.

Будьте добры, вы мне не скажете время? Скажу в свое время, где-нибудь в укромном местечке. Если толстые губы, каждое утро сорок раз повторять: пруды, призмы. И очень ласковая с младенцем. Со стороны видно. Конечно они чувствуют животных птиц маленьких детей. Это по их части.

Когда шла по пляжу, не оглянулась. Не снизошла. Те приморские красотки. Красивые у нее глаза, ясные. Это скорей белки создают впечатление, зрачки не так важно. А все-таки знала она, что я? Наверняка. Так кошка вспрыгнет где не достать собаке и глядит на нее. Женщины всегда остерегаются таких как наш Уилкинс в школе, рисует Венеру, а у самого так и выпячивается. Может, это и есть невинность? Бедный кретин! Жене его авансом полное обозрение. Они в жизни не сядут на свежеевыкрашенную скамью. Все вокруг обшарят глазами. Заглянут под кровать неизвестно зачем. Все время ищут чего-то остренького. И сами востры как иголки. Говорю Молли что этот встречный на углу Кафф-стрит был приятной наружности, показалось, он ей понравился, а она отвечает, у него же вместо руки протез. И правда. Как это у

¹⁵ *Искаж.* La causa è santa – дело свято (*ит.*).

них так выходит? Секретарша у Роджера Грина поднималась по лестнице через две ступеньки, чтобы кто сзади видели бы всю канцелярию. Передается от отца, то бишь от матери, к дочери. В крови у них. Милли, например, сушит свои платочки на зеркале, чтоб не гладить. Лучшее место для рекламы, если что-нибудь дамское, это на зеркале. Или когда послали ее забрать шотландскую шаль от Прескотта, не забыть кстати про объявление для него, на обратном пути спрятала сдачу в чулок. Догадливая плутовка! Никто ее этому не учил. Идет с какой-нибудь ношей, несет изящно, легко. Такие мелочи привлекают мужчин. Когда руки красные, поднимет в воздух, помашет, чтобы кровь отлила. Это кто ж научил тебя? Никто. Мне няня сказала. Их и учить не надо! Однажды когда годика три было, уселась за туалетным столиком Молли, на Западной Ломбард-стрит, уже съезжать собирались. Я класивая! Маллинггар. Кто знает? Так на свете устроено. Студент молоденький. Но что бы ни было уже твердо на ногах не то что эта сегодня. Хотя и эта ого-го штучка. Боже, до чего мокро. Черт, еще как. Ножки кругленькие. Чулочки прозрачные, натянутые – вот-вот лопнут. Не то что то чучело. А. Э. Чулки гармошкой. Или та что на Грэфтон-стрит. В белых. Фу! Толстомяся.

Взорвалась с шумом шутиха, разбрызгивая трескучие искры. Трах-тарарах! И Сисси с Томми и Джеки побежали смотреть, следом Эди с коляской, а за ними и Герти, огибая скалу. Оглянется? Оглянись! Взгляни! Посмотрела. Словно почувяла. Миленькая, я видел твои. Все-все видел.

О Господи!

По крайней мере мне полегчало. А то после Кирнана, после Дигнама совсем сник. Признателен я вам за облегченье. Из «Гамлета». О Господи! Тут все было сразу. Возбуждает. Когда она навзничь даже кончик языка засвербило. Вскружат голову бедняжке. Это он верно. Мог бы худшего дурака свалить. Лучше так чем трепаться ни о чем. Тогда я тебе скажу все. А пожалуй, у нас и было какое-то общение. Кстати, а вдруг она и есть? Да нет, они ее звали Герти. Ну и что, могло быть фальшивое имя, как у меня, и адрес Долфинс-барн липовый.

Она звалась в девицах Джемма Браун
И приглашала в гости в Айриштаун.

Это место меня навело на такие мысли. Все они одним миром мазаны. Об чулки вытирают перья. Но мячик будто знал подкатился к ней. Пуля сама цель знает. Конечно, я и в школе-то не умел кидать прямо. Вечно куда-нибудь по кривой. А грустно, что им всего-то отпущено два-три года, а там пойдут кастрюли да скоро папины штаны будут Вилли впору да присыпка для малыша после того как высадили сделать а-а. Житье не сахар. Зато спасительно. Не даст сойти с пути истинного. Естество. Обмывают младенцев, обмывают покойников. Дигнам. Вечно облеплены детишками. Головенки с кокосовый орех, еще мозжечок не затянулся, как есть мартышки, в пеленках кислое молоко, разложившийся творожок. Не надо было давать тому ребенку пустую соску. От этого у них только газы. Миссис Бьюфой, Пьюрфой. Стоило бы зайти в больницу. Там ли еще та медсестра, Каллан. Иногда заходила приглядеть за ребенком, когда Молли работала в кафе. А этот молодой доктор О'Хейр, смотрю однажды она чистит ему пальто. Когда-то миссис Брин с миссис Дигнам были такие же вот, на выданье. Самое худшее по ночам, как миссис Дугган рассказывала в «Городском гербе». Муж притащится на бровях, от него смердит кабаком как от хорька. А ты дыши всю ночь этим вонючим перегаром. Наутро спросит: никак я был под хмельком с вечера? Но все-таки неправильно все валить на мужей. Тут как аукнется, так и откликнется. Рыбак рыбака видит издалека. Женщины не без греха тоже. И вот уж тут Молли вне конкуренции. Южная кровь. Мавританская. К тому же лицо, фигура. Руки ласкали ее пышные. С другими никакого сравнения. Запрет жене дома как скелет в гардеробе. Позвольте вам представить мою. И выплывает нечто неописуемое, не знаешь каким словом назвать. Всегда видно по жене, где слабые места у мужчины. С другой стороны,

судьба, уж кого полюбишь. У каждой пары есть свой секрет. Иной давно пошел бы ко дну, если бы жена его не взяла в ежовые рукавицы. Или, скажем, жена – малявочка, и муж – коротышка. Созданы друг для друга. А дети, глядишь, получатся вполне ничего. Ноль да ноль единица. Или еще богатый старик под семьдесят и рядом с ним юная, краснеющая. Женился-вздурился, наутро каялся. Фу, как мокрое неприятно. Липнет. Хорошо не залуплен. Давай отлепи-ка.

М-ме!

Или наоборот сам каланча а жена ему до пупка. В длинном и кратком варианте. Огромный и крохотная. Очень что-то странное с моими часами. Наручные вечно портятся. Может есть какие-то магнитные волны от людей, ведь именно в это время он. Да, я думаю, сразу. Кот со двора – мышки за пирушку. Помню, на Пилл-лейн я смотрел. И что сейчас, тоже магнетизм. За всем скрывается магнетизм. Земля, например, притягивает и сама притягивается. Отсюда происходит движение. А время? Тоже понятно, раз есть движение на него нужно время. Значит, если где-то что-то там остановится, так и вся эта астрология постепенно. Уж так устроено. Магнитная стрелка может сказать, что делается на солнце, на звездах. Простой кусочек железа. Когда подносишь магнит к железу. Ближе. Ближе. Хоп! В точности женщина и мужчина. Магнит и железо. Молли и он. Разоденутся, строят глазки, делают намеки, позволяют себя разглядывать, поддразнивают, ну погляди хорошенько, мужчина ты или нет, и уж тут, это как тяга чихнуть, ножки, глядишь, глядишь, и если ты только не деревяшка. Хоп! Прощайся со всем.

Интересно как у нее самочувствие в тех местах. Стыд, это только на зрителя. А так ее дырка на чулке больше волнует. Молли, голова вздернута, губы сжаты, это она на конной выставке, из-за того фермера в сапогах со шпорами. На Западной Ломбард-стрит были художники. У одного замечательный голос. Джульини так начинал. Понюхай-ка мою мазню. Как цветы. И правда. Фиалками. Наверно, от скипидара в краске. Чего только не пускают в дело. А когда этим занималась, возила по полу шлепанцем, чтобы они не слышали. Мне кажется, из них очень многие неспособны кончить. Продолжают часами. Это как будто по всему телу и сзади до поясницы.

Погоди-ка. Хм-хм. Точно. Ее духи. Вот она что махала рукой. Оставляю на память чтобы ты думал обо мне, когда я уже далеко, под одеялом. Что же это такое? Гелиотроп? Нет. Гиацинт? Хм-м. Пожалуй, роза. Такое она и должна любить. Дешево и сердито, но быстро портятся. Молли поэтому предпочитает опопонакс. Очень идет ей, когда с маленькой добавкой жасмина. Как низкие и высокие ноты в ее голосе. Она с ним познакомилась на танцевальном вечере, танец часов. В жару запахи сильнее. Она была в своем черном, на нем сохранились еще духи от прошлого раза. Черное хороший проводник. Или плохой? То же самое для света. Может, есть связь. Например, если спустишься в темный погреб. Вообще загадочно. Почему я только сейчас почувял? Двигается медленно но верно, как и она сама. Ведь это, если представить, миллионы и миллионы крохотных зернышек летят по воздуху. Именно так. Потому что Острова Пряностей, кстати, вспоминал сингалезов утром, они чувствуются по запаху за много миль. Сейчас скажу что это такое. Это как тонкое кружево или паутинка, что их окутывает с головы до ног, тонкое-тонкое, как эта, как ее, кисея, и они беспрерывно ткут это из себя, тонкое как воздух, всех цветов радуги, сами того не чувствуя. И на всем что она снимет с себя, оно остается. Подошвы ее чулок. Теплая туфелька. Корсет. Панталоны: слегка взмахнет ножкой, чтобы сбросить. Пока, до встречи. Кошка тоже любит зарываться в ее белье. Узнал бы ее запах из тысячи. И вода в ее ванне. Напоминает землянику со сливками. Интересно, откуда идет. Оттуда, или из подмышек, или между грудей. Такое впечатление, будто изо всех дырок и уголков. Гиацинтовые духи делают на эфирных маслах, кажется. Muskusная крыса. У ней под хвостом мешочек, там зернышки, и от каждого одного запах может стоять годами. Собаки друг друга сзади. Фук-фук. Наше почтение. Вам также. Как вам нюхается? Фук-фук-фук. Отлично, благодарю. Животных ведет чутье. А присмотришь, у нас то же самое. Например, некоторые женщины так отпугивают, когда у них месячные. Подойдешь поближе почувешь такое что хоть

топор вешай. Похоже на что? Может, на тухлую селедку? Бр-р! Просьба на этот газон не ступать.

А они от нас, может быть, чуют мужской запах. Хотя что там? Перчатки, пропахшие сигарой, у Длинного Джона на столе. Дыхание? В нем только то что съел или выпил. Не тут. В смысле, мужской запах. Скорей связан с этим делом, потому что у священников, которые обходятся без, у них другой. Женщины выются вокруг них, как мухи над патокой. В алтарь не пускают – подберутся иначе, любой ценой. Запретный поп сладок. Ах, отче, а вам не хотелось бы? Пусть я буду первой. Это как-то расходится по всему телу и все пропитывает. Источник жизни. И запах такой интересный, странный. Как сельдерейный соус. А ну, дай-ка.

Мистер Блум сунул свой нос. Фук-фук. За. Фук-фук. Пазуху своего жилета. Миндалем, что ли. Нет. Лимоном. Ах ты, да это ж мыло.

А кстати-кстати, лосьон-то. Я помню, еще что-то в голове было. Не зашел и за мыло не заплатил. Не люблю таскаться с бутылочками, как та карга утром. Хайнсу пора бы уже отдать три шиллинга. Можно упомянуть просто Маэра, чтоб напомнить. Хотя, если он поможет с тем объявлением. Два и девять. Что он теперь обо мне подумает. Завтра зайти. Сколько я должен вам? Три девять? Два и девять, сэр. Ах, да. В другой раз может не отпустить в кредит. Вот так и теряют клиентов. В трактирах та же история. Иной дождется, пока счет стал в локоть длиной, и переключает в другое заведение, а это будет сторонкой обходить.

Опять этот важный, что уже проходил. Каким его ветром? Едва туда и уже обратно. К ужину минута в минуту. Гладкий, так и лоснится: недурно подзакусил. Теперь наслаждается природой. Его молитва после еды, пройти пешком милю. Наверняка счетец в банке, казенная служба. Можно пойти за ним по пятам, поставить в глупое положение как меня мальчишки сегодня. Но это чему-то учит. Что видит взор его и прочих. Лишь бы женщины не смеялись, а остальное какая важность? Можно таким путем разведать. Или попробуй так угадай, кто он. «Таинственный незнакомец на пляже», премированный рассказ мистера Леопольда Блума. Гонорар гинея за столбец. Как сегодня этот на кладбище в коричневом макинтоше. Хотя его фортуна натерла себе мозоли. Кажется, у здоровых рассасываются. Свист говорят насылает дождик. Верно, идет где-нибудь. В «Ормонде» соль влажная. Тело чувствует перемену в воздухе. У старушки Бетти суставы ноют. Матушка Шиптон пророчила насчет кораблей, что смогут в один миг вокруг света. Нет. Это к дождю. Королевская предсказательница. И дальние холмы как будто стали ближе.

Хоут. Маяк Бейли. Два, четыре, шесть, восемь, девять. Гляди-ка. Он должен мигать, иначе подумают это дом. Спасатели. Грейс Дарлинг. Люди боятся темноты. И светлячки, велосипедисты, им тоже пора включать свет. Лучше всего сверкают драгоценные камни, алмазы. Женщины. Свет как-то успокаивает. Ничего нехорошего не случится. Конечно сейчас лучше чем в старину. На большой дороге. Кишки тебе выпустят ни за что ни про что. Бывают два типа, когда с кем-то столкнешься. Угрюмые и любезные. Пардон! Нет-нет, ничего. Для поливки растений сейчас лучшее время, сразу после захода. Еще немного светло. Красные лучи самые длинные. Вэнс нас учил, как однажды Жак-звонарь головой свалил фонарь: красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый. А вот и звезда. Венера? Еще пока не скажешь. Вон и вторая, а ночь считается когда три. Ночные облака, они там были все время? Словно корабль-призрак. Нет. Погоди. Может, это деревья? Оптический обман. Мираж. Здесь страна заходящего солнца. Солнце гомруля садится на юго-востоке. Родимая земля, спокойной ночи.

Роса выпала. Милочка, тебе вредно сидеть на камне. Белые выделения. Ребеночек не сможет родиться, разве что будет такой силач, пробьется с боем наружу. И сам могу схватить геморрой. Липуч как простуда летом или как лихорадка на губах. А еще хуже, если порежешься бумажкой или травинкой. Трение сидения. Было бы недурно побыть той скалой, на которой она сидела. Ах, милая крошка, ты и сама не знаешь, как ты была прелестна. Мне уже начинают

нравиться в таком возрасте, зелененькие. Ключут на все, что им предлагают. Думаю, только в этом возрасте любят сидеть, поджав ноги. Сегодня в библиотеке, дипломницы. Блаженны стулья под ними. Но тут и вечер влияет. Они все это чувствуют. Знают свой час, раскрываются как цветы, подсолнухи, земляные груши, в бальных залах, люстры, фонари на аллеях. Какой-то ночной цветок у Мэта Диллона в саду, где я поцеловал ее в плечо. Хорошо бы иметь ее портрет маслом, во весь рост, какой она была тогда. И тоже был июнь когда я за ней ухаживал. Возвращается год. История повторяется. О горные вершины, я к вам вернулся вновь. Жизнь и любовь путешествуют вокруг нашего маленького шарика. Что же на этот раз? Грустно, конечно, что она хромая, но надо остерегаться, слишком уж не впадать в жалость. Они на этом играют.

На мысе Хоут сейчас все тихо. И дальние холмы как будто. Там, где мы. Рододендроны. Может быть, я осел. Ему достаются сливы, мне косточки от слив. Моя доля. А старый холм этого навидался. Меняются имена – и только. Влюбленные знай чмок-чмок.

Устал я что-то. Хватит уже сидеть? Ох, погоди. Выпила из меня мужскую силу, негодница. Она меня целовала. Молодость моя. Больше уж не вернется. Раз в жизни. И у нее. Съездить бы туда завтра. Нет. Это уже не то. Как ребенку второй раз в тот же дом. Хочешь нового. Ничто не ново под солнцем. Долфинс-барн, до востребования. Так ты несчастлив в семейной? Мой противный, мой миленький. В Долфинс-барн играли в шарады у Люка Дойла. Мэт Диллон со своим выводком дочерей: Тайни, Этти, Флуи, Мэйми, Луи, Гетти. И Молли с ними. В восемьдесят седьмом это было. За год до нашей. Старый майор, любитель пропустить рюмочку. Интересно что она единственный ребенок и я тоже. Все возвращается. Думаешь, убежал и налетаешь на самого себя. Кружной путь домой самый короткий. И в точности, когда она с ним. Цирковая лошадь по арене кругами. Мы разыграли Рип ван Винкль. Рип – прицепили Хенни Дойлу репей. Ван – ванна у них в доме. Винкль – бутылка вина и бумажный куль. А в конце я представил возвращение Рипа ван Винкля. Она смотрела, облокотясь на буфет. Мавританские глаза. Проспал двадцать лет в Сонной Пещере. Все изменилось. О нем забыли. Молодые состарились. Ружье заржавело от росы.

Фрр. Что это тут летает? Ласточка? Никак, летучая мышь. Подслеповата, думает, что я дерево. А нюха разве у птиц нет? Метемпсихоз. Они верили, что от горя можно превратиться в дерево. В плакучую иву. Вон, вон полетела. Ишь ты, козявка-нищенка. Где она живет, интересно. Колокольня виднеется. Верней всего там. Висит вверх ногами и дышит святостью. Видимо, звон вспугнул. А месса, кажется, кончилась. Все было слышно. Молись за нас. Да молись за нас. Повторение это ценный прием. Как в рекламном деле. Покупай у нас. Да покупай у нас. Окошко в доме священника светится. За скромным ужином. Помнится, я ошибся в оценке когда работал у Тома. На самом деле там двадцать восемь. У них два дома. У Габриэла Конроя брат викарий. Фрр. Снова она. И почему они шастают по ночам, как мыши. Какая-то помесь. Птицы вообще вроде скачущих мышей. А что их пугает, свет или звук? Лучше не двигаться. Всякий инстинкт, это как у той птицы когда захотела пить догадалась набросать в кувшин камешков. Похожа на человечка в плаще и с крохотными ручонками. Тонкие косточки. Чуть ли не видно как поблескивают, такие голубовато-белесоватые. Цвет зависит от освещения. Например, погляди на солнце, только не шурься, а как орел, и после на свой башмак: покажется желтое пятно. Хочет поставить свой штамп на всем. Скажем, этот кот на лестнице утром. Какого-то торфяного цвета. Говорят, будто не бывает трехцветных. Неправда. В «Городском гербе» был тигровый кот, рыжий, черный и белый, и на лбу метка как буква эм. Шкура пятидесяти цветов. Хоут только что засветился как аметист. Маяк сверкнул. Так вот этот мудрец, как бишь его, своим зажигательным стеклом. А бывает вдруг загорится вереск. И не от того, что турист бросил спичку. А от чего? Может, от ветра сухие стебли трутся один о другой и загораются. Или разбитая бутылка в кустах, луч солнца упадет – она как зажигательное стекло. Архимед. Эврика! Память пока работает.

Фрр, еще раз. Кто знает чего они без конца летают. За насекомыми? На прошлой неделе пчела влетела в комнату, гонялась за своей тенью на потолке. Может, та самая, что меня ужалила, вернулась проведать. И птицы тоже. Никогда не узнаешь, о чем говорят. Как наше чириканье. А он сказал а она сказала. Какие им нужны нервы, лететь через океан и обратно. Массами гибнут, штормы, телеграфные провода. И у моряков ужасная жизнь. Громадины, океанские пароходы, прут, пыхтя, сквозь ночную тьму, мычат как морские коровы. Faugh a ballagh!¹⁶ С дороги, так вашу перетак! А другие суденышки, парус что детская рубашонка, как пробки прыгают на волне, едва посильней задует. Взять кто женаты. Не бывают дома годами, мотаются по разным концам земли. У нее нет концов, круглая. Жена в каждом порту, так про них говорят. Суровая у ней жизнь, если не позволяет себе, пока Джонни не явился домой. Если он вообще появится. Пропахший всеми портовыми закоулками. И за что любить море? А они любят. Подняли якорь и в плаванье, на нем иконка или наплечник на счастье. Ну и что. А у отца бедного папы над дверью висели эти, как же их, тефилим, нет, как-то иначе, и полагалось до них дотрагиваться. Исход из земли Египетской и в дом рабства. Что-то в них есть, во всех этих суевериях, не знаешь ведь, уходя в путь, что тебе там грозит. Ухватившись за доску или верхом на бревне, в жилетике надувном, цепляется за свою горемычную жизнь, глотает морскую воду, и такова его последняя выпивка, перед тем как акулы разорвут. Интересно, рыбы страдают морской болезнью?

А чуть позже – дивная гладь, на небе ни облачка, полное спокойствие и безмятежность. Команда и груз мелким крошечком в брюхе у морского царя. С высоты мирно глядит луна. Не моя вина, храбрецы.

Последняя запоздалая ракета благотворительного базара Майрас взлетела в небо для сбора средств на нужды больницы Мерсера и, падая вниз, рассыпалась гроздьями лиловых звезд, среди которых сверкала одна серебряная. Они плыли по небу, опускались, гасли. Час сумерек, час обаяний, обетов. Почтальон с вечернею почтой снует от домика к домику, радуя обитателей знакомым двойным постукиваньем, и светлячок-фонарик на поясе у него мерцает то тут, то там в кустах молодого лавра. Фонарщик, подняв высоко свой пальник, зажигает фонарь, стоящий на Лихи-террас в окружении пяти молодых деревьев. Мимо освещенных экранов окон, мимо неотличимых садиков несется, ударяясь, пронзительный и жалобный крик: *«Ивнинг телеграф», экстренный выпуск! Итоги скачек на Золотой кубок!* и из дверей дома Дигнамов выбежал мальчуган, окликаая вдогонку. Летучая мышь, попискивая, металась взад и вперед. Прилив, пенистый, грязно-серый, набирал силу, подкрадывался к дальним пескам. Хоут укладывался спать, его, старика, утомил долгий день и чмокания в рододендронах, и он с приятностью чувствовал, как ночной ветерок ерошит, почесывает его папоротную шкуру. Он улегся, но выставил сторожко красное недреманное око, дыша медленно, глубоко, дремля и бодрствуя в то же время. И вдалеке на отмели Киш плавучий маяк мигал, подмигивая мистеру Блуму.

Несладко тем парням, которые там. Сиди, как на привязи. Ирландское Управление маяков. В наказание за грехи. И береговая охрана. У тех ракеты, багры, буйки, лодки спасательные. Когда ездили на морскую экскурсию на «Короле Эрина», бросили им тюк старых газет. Медведи в зверинце. Вшивая прогулочка. Пьянчуги вылезли протрясти печенку. Блюют через борт, кормят рыбок. Морская болезнь. Все женщины с перепуганными лицами. А Милли как ни в чем не бывало хохочет. Голубой шарфик вьется по ветру. Не знают, что такое смерть, в эти годы. Притом желудки еще здоровые. Зато их пугает потеряться. Когда мы спрятались за дерево в Кромлине. Я был против. Мама! Мамочка! Детки в лесу. Еще любят пугать их масками. Или подкидывать в воздух и ловить. У-у, сейчас как брошу и разобьешься. Что тут забавного? А сами они играют в войну. Со всей серьезностью. Как это можно целиться в чело-

¹⁶ Дай дорогу! (ирл.)

века из ружья? Бывает, иногда само выстрелит. Бедные дети. Ничем не болела, только крапивница и краснуха. Принес помню каломель. Как полегчало, уснула рядышком с Молли. У них зубы совсем одинаковые. Что в них любят? Свое подобие? А ведь как-то утром гонялась за ней с зонтиком. Может быть, только так, не больно. Я щупал у нее пульс. Бьется. Была маленькая ручонка – теперь большая. Дражайший папулька. Рука говорит все, когда ее трогаешь. Любила считать пуговицы у меня на жилете. Помню ее первый корсетик. Так смешно было. Грудки уже начинались. Кажется, левая чувствительней. У меня тоже так. Ближе к сердцу? Если в моде пышная грудь, вату подкладывают. В период созревания боли по ночам, стонала, я просыпался. А как испугалась, когда природа в первый раз заявила ей о себе. Бедный ребенок! И для матери это странный момент. Вспоминает свое девичество. Гибралтар. Вид от Буэна Виста. Башня О'Хара. Птичьи крики над морем. Мартышки, один старый самец сожрал все свое семейство. Заход солнца, выстрел из пушки – сигнал всем вернуться в крепость. Смотрела на море, когда дала мне ответ. Вечер как сегодня, только ясней, безоблачней. Я всегда думала, что я выйду за лорда или за богача со своей яхтой. *Buenas noches, señorita. El hombre ama la muchacha hermosa*¹⁷. Тогда почему же я? А ты очень отличался от других.

Чего я прилип к этой скале как улитка. Такая погода отупляет. Судя по свету, около девяти. На «Лию» или «Лилию Килларни» уже поздно. Домой. Хотя нет. Вдруг еще не легла. Зайду в больницу, проведаю. Надеюсь, она уже родила. Длинный денек мне выдался. Марта, в баню, на похороны, дом Ключей, музей и богини. Дедалово пение. Потом этот горлопан у Барни Кирнана. Но я там перед ними не спасовал. Пьяные пустозвоны. Как сказал про его Бога, его аж перекосило. Ударом отвечать на удар – ошибка. Или нет? Нет-нет. Лучше бы разошлись по домам да там посмеялись над собой. Одно желание, собраться всем в кучу да наподдать. Как малые дети, бояться одни остаться. А если бы он в меня попал. Посмотрим с его точки зрения. Тогда ничего ужасного. Может, он и не хотел причинить боль. Тройное ура Израилю. Тройное ура его невестке, которую он расхваливал, с тремя последними зубами во рту. Тот же тип красоты. Милейшее общество для светского чаепития. Сестра жены дикаря с Борнео приехала в наш город. Представь-ка себе такое рядышком с собой поутру. На вкус и на цвет товарища нет, как сказал Моррис, облобызав корову. Но визит к Дигнамам меня совсем доконал. Дом в трауре страшно угнетает, потому что никогда не известно. Но ясно, что деньги ей требуются. Надо зайти к «Шотландским вдовам», раз обещал. Странное название. Подразумевает, что непременно мы раньше. Какая-то вдова возле Крамера – когда это было, в понедельник? – так на меня посмотрела. Схоронила беднягу-мужа и здравствует себе на страховку. Лепта вдовицы. А что такого? Чего ты от нее хочешь? Должна как-то устраиваться, чтоб жить дальше. Вот на вдовцов ужасно смотреть. Ходит словно потерянный. У несчастного О'Коннора жена и пятеро детей отравились моллюсками. Сточные воды. Совсем пал духом. Пусть бы какая-нибудь сердобольная купчиха в шляпе кастрюлей его пригрела. С физиономией как луна, в широченном фартуке, и прочно на буксир горемыку. Женские панталоны серой фланели по три шиллинга за пару, фантастическая дешевка. Говорят, дурнушку полюбишь – не разлюбишь. Только ни одна себя такой не считает. Люби, лги и будь красивой, потому что завтра умрем. Уж несколько раз его видел, все бродит доискивается кто же сыграл с ним шутку. К. к.: ку-ку. Такая судьба. Выпало ему, могло мне. Часто с какой-нибудь торговлей бывает так. Словно злой рок привяжется. Что-нибудь снилось мне этой ночью? Постой. Какая-то путаница. Она в красных шлепанцах. Турецких. И в мужских брюках. А положим, она попробует? Понравилась бы она мне в пижаме? Ужасно трудно сказать. Наннетти уехал. С почтовым. Сейчас уже где-то у Холихеда. Надо пробить эту рекламу для Ключчи. Хайнса обработать и Кроуфорда. И гарнитурчик для Молли. Ей-то уж есть на что его натянуть. А что это там? Может, деньги?

¹⁷ Добрый вечер, сеньорита. Мужчина любит красивую девушку (*исп.*).

Мистер Блум нагнулся и подобрал листок бумаги с песка. Поднес к глазам, пристально разглядел. Письмо? Нет. Ничего не разобрать. Надо бы идти. В самом деле. Только устал, не пошевелинуться. Из старой тетрадки. Все эти лунки, гальки, кто их сочтет? Можно найти что угодно. Бутылку с запиской о зарытых сокровищах, брошенную при кораблекрушении. Почта для посылок. Детишки любят бросать всякие вещи в море. Доверчивость? Хлеб, отпущенный по водам. А это что? Так, чурочка.

Ох! Измочалила меня эта дева. Уже не чувствуешь себя молодым. А придет она сюда завтра? Ждать ее где-нибудь весь век. Должна вернуться. Убийцы всегда. А я?

Подобрав маленькую чурку, мистер Блум вяло потыкал ею в песок. А если написать что-нибудь для нее? Может, и сохранится. Только что?

Я.

Все равно какой-нибудь косолапый утром наступит. Бесполезно. Или же смочет. Прилив доходит сюда. У ее ног была лужица. Наклониться, увидеть там свое лицо, в темном зеркале, дохнуть на него, пойдет рябью. Кругом скалы, покрытые царапинами рисунками надписями. Ах, эти ее прозрачные! И они не знают к тому же. Что он означает, тот свет. Я назвала тебя противным мальчишкой, потому что мне совершенно не нравится.

ЕСТЬ. А.

Места нет. Ну его.

Мистера Блума башмак медленно затер буквы. Песок – гиблая штука. На нем ничего не растет. Все вянет. Здесь нечего опасаться больших судов. Одни только баржи Гиннеса. Вокруг Киша за восемьдесят дней. Как будто нарочно сделано.

Он отбросил свое стило, и чурка торчком воткнулась в вязкий песок. А мог бы попусту неделю стараться, чтобы вот так. Случай. Мы больше никогда не увидимся. Но это было чудесно. Прощай, милая, спасибо тебе. Я почувствовал снова молодость.

Если бы чуточку вздремнуть. Сейчас около девяти. Ливерпульский давно ушел. Уже и дымка не видно. И она пусть тоже. Впрочем, она уже. Белфаст. Я не поеду. Спешить туда, оттуда спешить в Эннис. Пускай уж он. Просто прикрою на минутку глаза. Не спать, только подремать. Сон никогда не повторяется точно тот же. Опять летучая мышь. Никакого вреда. Я только чуть-чуть.

Ах милая все твои беленькие девичьи до самого верха я видел шлюха брейстердл меня заставила любви липнет мы вдвоем противный Грейс Дарлинг она с ним в пол в постели метим псу хвост безделушки для Рауля какими духами твоя жена черные волосы вздымались ее окру сеньорита юные глаза Малви пухленькие сны вернуться закоулки Агендат чаровница-баловница мне показала свои на будущий год в панталончиках вернуться на будущий в свои будущий свои будущий.

Летучая мышь мелькнула. Туда. Обратно. Туда. Мистер Блум с приоткрытым ртом, зарыв левый ботинок в песок, накрываясь набок, посапывал. Я только чуть-чуть. Издалека донесся во тьме бой часов, и в их мерном бом-бам отчетливо слышалось

Ро-га

Ро-га

Ро-га

Пробили и часы на каминной полке в доме священника, где каноник О'Ханлон, отец Конрой и преподобный Джон Хьюз, О. И., подкреплялись бараными отбивными под острым соусом, пили чай с бутербродами и беседовали про

Ро-га

Ро-га

Ро-га

Потому что в этих часах выскакивала птичка из домика и так выкрикивала и Герти Макдауэлл ее заметила когда была здесь потому что она моментально все замечала, такой уж она была, Герти Макдауэлл, и она тут же заметила что этот иностранный джентльмен который сидел на камнях и смотрел что у него были

Ро-га

Ро-га

Ро-га

Эпизод 14

На Полдень к Холлсу Грядем. На Полдень к Холлсу Грядем. На Полдень к Холлсу Грядем¹⁸.

Ниспошли нам, о лучезарный ясноликий Хорхорн, разрешение от бремени и приплод. Ниспошли нам, о лучезарный ясноликий Хорхорн, разрешение от бремени и приплод. Ниспошли нам, о лучезарный ясноликий Хорхорн, разрешение от бремени и приплод.

Гоп-ля мужичок гоп-ля! Гоп-ля мужичок гоп-ля! Гоп-ля мужичок гоп-ля.

Всегда и повсюду того человека разумение весьма недалеким полагают во всяческих предметах что сведущими из смертных наиболее признаются полезными для изучения коему то неведомо чего самые искушенные в учености и особливого почитания достойные за драгоценное убранство высокого их ума неизменно придерживались когда утверждали единодушно что при одинаковых прочих обстоятельствах процветание державы наивернейше свидетельствуется не блеском и пышностью а более мерою того сколь растут дани приносимые заботам о деле продолжения и умножения рода каковое терпя ущерб составляет корень всех зол при успешном же совершении сугубый являет знак нескудеющего благоволения властительныя натуры. Ибо сыщется ли где тот кто хотя малую улучив толику разумения не раскусил бы что пышность и блеск коснодвижное и к низости наклонное естество собою прикрывать могут или кто напротив столь туп и непросвещен чтобы того не постигать что изо всех благодеяний натуры ни одному с даром размножения отнюдь не сравниться так что надлежит всякому благонаравному обывателю соделаться проповедником и наставником себе подобных и трепетать дабы то чему в прошлом столь блистательный был дан в державе почин в грядущем не оказалось бы отправляемо без прежнего совершенства буде с течением времени постыдные нравы низведут дошедшие к нам от предков почтенные обычаи до такого падения что потребна будет великая отвага тому кто возвысить дерзнет свой голос утверждая что нет на свете более гнусного проступка нежели в небрежении и забвении покинуть оный завет равно и заповедь и обетование каковой всем смертным предрекая изобилие либо грозя оскудением навек и неотвратимо высшим их долгом определил беспрестанное продолжение рода?

А посему нет резонов нам повергаться в недоумение, ежели, как надежнейшие летописания повествуют, меж кельтами, не в обычае коих было нечто превозносить, по естеству своему превознесения не достойное, искусство врачевания всемерно почитаемо было. Не говоря уж об устройении домов призрения, приютов для прокаженных, парных бань, чумных ям, славнейшие их целители, происходившие из родов О'Шил, О'Ли и О'Хикки, измыслили многообразные способы, коими больных, а равно и расположенных к возврату недуга сызнова приводить в здравие, пускай бы снедали их даже бледная немочь либо Коннеллово детское недержание. И как неусумнительно что во всяком деле хоть несколько имеющем важности для общего блага сообразное с тою важностью приуготовление потребно, то посему решен был меж ними план (а был ли он сочинен как бы в предвиденье либо по зрелом опыте, то сказать затруднительно, оттого что суждения позднейших разыскателей между собою разноречивы и даже дондесь нимало не приведены в ясность) в согласии с коим материнство от всякой превратности вполне бы сделалось упасенно, чрез то что каковой бы уход ни оказался потребен в сей жесточайший для всякой женщины час разрешения от бремени и тот за самую малую мзду бывал бы незамедлительно доставляем, притом же не только тем кто многой казной владеет, но равно и тем кто, не имея достатков, скудную, а порой даже и худшую скудной влачит долю.

Отныне и впредь никакие досаждения им не могли быть чинимы, ибо согласно все сознали и порешили, что не бывать никоим образом благоденствию, когда нет оно у матерей

¹⁸ В оригинале смесь языков: Deshil Holles Eamus – На Юг (ирл.) к Холлсу Пойдем (лат.).

чадордных и коль скоро подобает вечность богам смертным же продолжение рода то присматривали за нею и как подходил час родильницу доставляли туда повозкою имея к сему большое усердие и побуждая один другого дабы она была принята в тот приют. О мудрой державы знак не только при узрении своем но даже и при одном заочном о нем узнании премной хвалы достойный что они в предвидении своем чтили уже в ней мать, что тотчас зрела и чувствовала она как начинает быть всемерно оберегаемою и холимою!..

Отроча еще не раждено рачителей рвение разожже. Еще в лоне лежаша любовию людскою лелеемо. Вся надлежащая о сем с надлежащим же прилежанием съвершена быша. Ложе покойно и многоусердныя повитухы яди питательныя и пелены чистейшая преже премудро уготованы яко же бо аще свершишися раздрешение и с тем вкупе быша вся средства целительная яже потребна суть и такожде многоразличныи снаряди врачевския хитрости причастнии ко делесем ражения незабвенным сущим и приятности исполненным зраком мест от всяких земьских широт и купно же образом божьским и чловечьским ихже созерцанием кровь жен в уединении сущих разожжена бывает и благое споспешествуется раздрешение в сиих хоромех родилных иже высоци суть и от слнца осияваеми преискусно здани и украсьне украшени егда зримей ей с велиим чревом и близь рожества сущей грядеть да впуститься ту яко же наста ея час.

Муж некий странен прииде и ста у двери дома сего при настаннии ноши. Сей бе от племени Израилева еже по свету носимо беаше и в далнюю сию даль притече. И се единым влечкомь благоутробием чловеческимь одиноко влачися и дома сего достиже.

Сему же дому Хорн есть хозяин. Ту содержит он одры числомь седьмдесят на нихже матере лежаща и страждуща суть да изведуть в мир здравая чада яко же ангел Господень провеща Марии. Сестрицы белыя четою тамо безсонно бдять болящим благоугождающе. Страсти лехчат сущим ту, ихже за двенадцать лун три сотни. Добрыя ложеслужительницы сии суть именем Хорна покой в полатах храняще.

Служительница же услышавши яко прииде муж сей мяхкосерд убрусом главу покрыту подья и иде еже ему врата отверсти. Зри, и се во мгновение ока молние твердь неба Ирландскаго на западе блистанием велиим облиста. И велми ужасеся си яко Господь Воздаятель хотяя сгубити водою весь род людский за беззаконие и грехы его. И се знаменiem крестным осени перси своя влече его да внидеть вборзе под кров. И муж сый ведый яко воля ея добра есть взыде в Хорна хоромы.

Страшася в поздню пору прерывати покой преминашеся пришлец в передней. Во время оно с нею во суседстве витааху с возлюбленною женою и с любезною дщерию обаче оттоле девять уже лет яко странствова по разным морем и землям. В некий день повстреча ю во пристанищи града онаго и поклонение ея не отдасть. И се моляше ю еже его простити и добру указа вину юже си прият яко точию мельком лице ея увиде и не позна мняй яко младо зело. И от оных его словес просияста очеса ея и ланиты зардестася.

И убо увиде на нем ризы темны и ужасеся яко горе его постиже. Обаче посем радовася яже опасася преже. Вопросы ю аще не присылаше О'Хейр Целитель некая добры вести от далняго брега и на то рече горестно воздыхаючи яко О'Хейр Целитель на небеси есть. И слыша то оный муж опечален премного бысть и вся внутренняя его испостраданием велми отяготишася. И ту поведи ему вся, кончину друга столь млада оплакивающи обаче аще горюючи ничтоже хотящи прекословити правосудию Божию. Рече яко удостоился бе кончины лепы и мирны по благостыни Господней отпущение грехов и приобщение святых таин получивый и елеопомазание удом своим. Посем же муж инокиню вопросы со участием каковою смертию умерший умре и глагола ему еже умре от рака утробна на острове Моне трем летом минувшим на Избиение Младенец и моляшеся она Всемиловитейшему Господу да упокоит душу его идеже жизнь вечная. Печалным речем сиим внимай, с главы он своя убор сложи и взор печален прият. И се некий час в скорби купно стояста.

Да воззрит убо всяк на конец грядущь иже есть смерть твоя и на персть объемлющу коегождо от жены рожденна яко аще наг изыде от чрева матере своея и такожде наг возвратися в последний час отшед яко же пришед.

Муж пришедый в дом глагола к сиделице и вопросы ю о здравии тоя жены яже тамо бе и разрешения ждаше. И сиделица восприявши рече яко тая жена ныне три дни кряду муки терпяше яко рожеству зело люту быти обаче ныне конец уже приблизися. И рече еже виде рожества многа но ни едино тольми жестоко бысть яко сия жены.

Напослед же возвести вся ему зане ведаше яко сый витааху во время оно близь того дома. И муж словесем ея внимаше зане чюдишися яко жены тяжко труждахуся чад родити и такожде чюдишися зрети лице ея еже муж всяк мняй яко лепо есть аще и лета мнози она яко служительница труждашися. Девятью двенадцать истечений крови в неплодии ю укаряху.

И егда тако беседоваста храмины двери отверзостася и клики слышны быша яко же бо аще мнозем за трапезою сидящим. И се убо вниде идеже они стояста уноша благороден ученик сый нарицаемый Диксон. Леополд же странный ведяше и от того часу егда сретостася в доме милосердия идеже пребываше сей ученик благороден понеже Леополд странный ту притече исцеления искати яко же бысть в персех уязвлен копием имже порази его летящий змий зело ужасен и лют и того ради сотвори ученик врачебное былие из нюхателныя соли и помазания елико же довлеет ему. И рече яко достоин ему ныне внити в тую храмину и с теми веселие имети иже суть тамо. И Леополд странный рече еже достоин ему инуду отгити яко же бе муж потаен и лукав. Такоже и госпожа согласие с тем восприя и укори ученика сего аще и добре разуме яко странный сей прорече ложная словеса ради лукавства его. Обаче ученик тый не хотяше ни слышати ниже покорятися госпоже ниже прияти противное его желанию и глагола яко храмина сия чюдна есть. И Леополд странный вниде во храмину хотя аще и малое прохладение дати удом своим яко изнеможе зане поприща мнози прошед по окрестным землем и овогда похоти покоряшися.

И посреде храмины сея столешница бе сотворена от брезы корелския и четыре карлы от тоя же земли ю держажу и шевелнутися не можажу яко закланы бяху волхвованием. И на той столешнице мечи и ножи ужасны ихже сотвориша в велицей пещере ис пламене бела бесы тяжко труждающиеся и укрепиша в розех буих и елениих имиже ту избыточествующе. И такожде быша сосуди иже соделаны по чародействам Бохмита из воздуха и песка морскаго яко же некий волхв дыхание свое в няже вдуваше яко в пузырь. И неиздреченна обилность на сей столешнице бе и всякая богатая и драгая и никтоже помысли вящшей обилности ниже вящшаго богатства. И такожде бе ковчежец сребрян иже отверст бе токмо велицей хитростию и заключаше чюдны рыбы безглавы и аще мужи маловернии рекут яко же сему не лзе быти доколе не узрят обаче тако есть. И ты рыбы лежаху в воде елейне яже принесена бысть от Лузитанския земле понеже тук имяше яко же вода от гнета маслична. И такожде дивно бе зрети во храмине сей яко учиниша они смешение ис тука пшенична плодороднаго иже от Халдеи и пустиша тамо некие гневливые дуси ихже тцанием сие раздувася предивно яко гора велика. И обучаху змии увиватися круг долги посохи иже ис земли торчаще и ис чешуи змиев сих питье творяху еже подобно меду.

И ученик благороден наполни чару знатну отроку Леополду и понуди испити ю яко же и елицы бяху ту кийждо свою испиваше. И Леополд отрок знатен подъя чару ту яко да угодит ему и в очех его малая некая от нея пит токмо единыя любве ради зане николиже ничтоже пияше меду и посем в суседа сосудец отай болшую долю излия суседу же онаго лукавства не ведущу. И седяше с ними во храмине той дабы имети некое прохладение. И Богу Всемогущу хвала и слава.

Во время сие благая она служительница прииде и ста у двери и моли их именем Исуса Господа нашего оставити козлогласование свое яко есть верху госпожа благородна носящи во чреве и ей же время родити. Леополд же боярин слыша в верхних хоромех вопль велий и

дивися аще вопль сей чада или жены есть и рече чюдно ми яко же несть конца сему. Непщюю яко длится паче терпения. И яко муж благоразумен увиде он некоего вотчинника худородна нарицаема Ленехан иже седяше против него при столе и старей бе прочих всех и понеже оба беста витязе добли и приведется им подвизатися вкупе и такожде зане бе старей его глагола ему зело умильно. По велицей милости Божией тако рече к нему вскоре уже родит и возрадуется чаду своему яко жданием множим мучашеся. Вотчинник же худороден испия чашу рече, Ждет что вот-вот ей малец. Такожде прия чашу пред ним стоящу зане николиже укусни чая да его понудят или просят пити. Выпьем-ка мы рече и к вящшему услаждению своему единымъ духомъ чашу ту осуши за здравие их понеже бе богатырския силы муж в похотениях своих. И Леополд боярин иже бе муж честен паче всех гостей иже неколи седяху за трапезою премудрых и бе кроток и благ паче всех иже неколи под куры владычну руку соваху и бе поистине верен паче всех иже неколи служение госпоже благородней воздаяху чашу свою учтиво за здравие его осуши. Долготерпению дивися дарованному женам.

Се убо слово молвим о той дружине яже собрася ту помысл имея опойство велие учинити. По всякой стране стола школяры седяху, иже сии суть, уноша Диксон нарицаемый от Святыя Марии милосердныя и искреннии его Линч и Мэден, школяры учашиеся врачеванию, и оный вотчинник худороден глаголемый Ленехан, и некто от Алба Лонги нарицаемый Кротерс, и Стивен ун иже образ послушника имяше и в головах сего же стола седяще и Костело иже нарицаем бе Панч сиречь Пясть зане велику славу имяше яко витязь храбр (и бе паче всех пьян разве едина уноши Стивена и паки и паки себе меда просяше), и подле смиренный боярин Леополд. Обаче ждаху они Малахию млада иже обещевася онуду приити и елицы не хотяху благоутробия явити рекоша яко сей преступи слово свое. И Леополд боярин с ними седе яко крепкое имяше приятелство к боярину Саймону и к оному Стивену иже бе сын его и такожде яко скорби его утишишася от странствий многих тем паче яко бе потчuem и почтен. Жалость жалит его, страсть стремит к странствию, обаче не отыде оттуду.

Седяху бо тамо школяры хитроумны. И нача слушати их беседу о сем еже есть праведно в делах ражения зане млад Мэден рече яко аще сице случится и то буде лютость велия аще ли жене умерети (сие же времени некому минувшу поистине учинися в Хорна хоромех нецей жене от Ебланы яже ныне остави мир сей и в ночь преже кончины ея вси целители и врачи о том деле совет держажу). И последе вси они рекли еже подобало ей жити вначале бо речено бысть яко да жене в болезни родити чад и помышляюще сице крепляхуся яко же млада Мэдена словеса истинны суть зане сей терзася яко оставили ю умерети. И немало беша сицевых, и уный Линч с ними, иже сумняшася аще зло имат ныне владычество в мире яко же и от века бе аще и безумнии инако мнят обаче закон ниже судии от сего избавления не умыслиша. Бог дарует воздаяние. Едва же сие проречено бысть и вси гласом единым возгласиша яко же ни, николиже, во имя Пречистыя Девы Матере, жене подобает жити, чаду же умерети. Сие же помысливше начаша стя-затися яро о сем взискании, овый являше разумения, овый же точию от подпития яко же оный вотчинник худороден Ленехан зело борз бысть егда кому надобе добавляти пива и сице веселие их не убываше. И се убо Мэден млад им яви яко вся сия быша и егда глагола яко она преставися и ея муж честен святыя веры ради и по слову некоего паломника и инока и от обета иже дал бе святому Ултану Арбраканскому не мог ея кончины прияти то их великая скорбь обя. И на то уный Стивен сице глагола. Роптание, почтенные, сие есть вещь чястая у мирян. Чадо же и мати оба ныне прославляете своего Творца, ов в бездне мрачне, ова же в огне очистителнемъ. И за то Ему от нас грамерси. Обаче како тии все души яже Господь яко возможнии сотвори и мы еженощно их в невозможная учиняем еже есть грех против Духа Святаго, Бога Истинна, Владыки и Живота Подателя? Помните бо, рече, яко же вся услаждения наша мимотекуща суть. Для тварей малых иже суть внутри нас мы точию ради них есмы и такожде натура разве нас замысления иные имяше. И се вопросы Диксон Панча Костело аще ведаеши яковы те замысления суть. Обаче оный Панч зело пьян бе и точию единое изрыгаше

яко еще удача будет ему да похоти своей волю дати и тогда каяждо жена чрез него чести бы лишилася еще случися то мужняя жена или девица или наложница. Кротерс же из Алба Лонги нача песню про зверя единорога юже сочини млад Малахия яко сей зверь единойды в тысящу лет рогом своим кончаше и прочии во время сие великая насмевания творяще над ним во свидетели призывая уд святого Футиния еже горазд он вся и всяческая свершити яже человеку возможна. И тако смеяхуся и играху разве токмо млада Стивена и Леополда боярина иже ни единойды не рассмеяся ради некоего чюдного душерасположения еже не хотя оставити и такожде зане жалостию снедашеся до кийждо жены имущей во чреве ничтоже разсуждая кто и где она бе. Стивен же млад нача с надмением глаголати о матери Церкви яже изгна его из лона своя и о догматах и канонех и о Лилит яже абортom покровительница и о сем яко же зачатие учиняется ветром семени сверкающего или от лобзания упырскаго уста ко устом или чрез действие запада яко Виргилий рече или чрез смрад цветка луннаго или яко еще она возлежи с женою юже пред тем муж поя, *effectu secuto*¹⁹, или по случаю омовения яко же непщеваху Авероес и Маймонид Моисей. И такожде рече яко душа человеческая к концу другого месяца вдуновляется и яко во всех и всегда наша Святая Матерь окормляет души матерь же земная ничтоже есть яко точию самка приносящая приплод по образу скотию и се убо подобает по канонem ей сгинути сие бо рече сей иже рыбаля печать емлет, сам Петр благословен, на его же камении созиждена Святая Церковь на вся времена. И яко вси они тамо бяху брака не восприявши вопрошаху боярина Леополда еще случилось бе сие и тогда еда воля его была бысть дозволити толикое для нея бедство яко живот под прещение ввергнуть дабы живот спасти. И он яко хотя отвещати со блюдением и благоугодно для всех и емля в руку челюсть свою рече по своему обычаю лицемерие еже елико то ведомо ему иже познание натуры искони любяше елико мирянину то возможно и в согласии с разумением своим о сиевом толико редкостном случае и то есть благо яко же zde матерь Церковь вкупе мзду емлет и за рождение и за смерть и сиевым образом вопрошания их избеже искусно. И рече Диксон, сие есть сущая истина, накажи мя Господь, и слово сие имат во чреве еще не я блуждаю зело. Сие же услыша млад Стивен возрадовася и возгласи яко крадущий у беднаго дает взаймы Господу зане буйи зело бываше егда пьян и еже он ныне в сиевом образе бе и то уявился вскоре.

Обаче сии словеса не извлекоша боярина Леополда из великой туги его зане ужас вселяюще вопли жен иже в муках ражения яко прежде его терзаху и такожде вспоминаше яко добра его жена Мэрион ему роди младенца мужска пола и той на единадесятый день умре и никтоже бе муж искусен его спасти толико жестока судьба бысть. И злая сия утрата великою кручиною сердце жены снедаше и ради погребения младенца она ему сотвори душегреечку вязену зело красну из шерсти агнчей, от лучшаго агнца из стада, боящися яко измерзнет (бо тогда бе зимы преполовение) и се ныне боярин Леополд иже не имяше чада мужеска пола яко наследника по себе взираше на него иже сын его друга бысть и печалишеся зело о сгибших своих благых и се убо скорбя понеже несть у него сына толико любезна и добля (о нем же вси глагола яко имат дары мнози) не мене удручася понеже млад Стивен беспутное имат житие с оными опоями и добро свое с блудницами расточает.

О ту же пору млад Стивен чаши все наполни кои пусты стояху и се убо пития точию малая толика осталась бе еще иже благоразумнии не заслоняху доступы свои от него иже их преусердно понуждаше и за верховнаго понтифекса моляся возгласи заздравную чашу о викарии Христове глаголя яко же сей есть и викарий Брэйский. И рече да убо подъемлем ныне фиял сей и испием его мед сие бо истинно есть не тела частица моего но души моя воплощение. Да оставите преломляти хлеб хлебом единым живущим. И да не убоитесь любябы нужды сие бо утешит вящше нежели то устрашит. Воззрите же. И се им яви златицы дани блескающе и златокузнец грамоты и тому вся цены два фунта и девятнадцать шилингов и рече яко получи сие за

¹⁹ С последующим результатом (*лат.*).

песнь юже он сложи. И зело возликовали они зряще сицевые богатства зане ту бе преже великая в денгах скудость. И сице глагола им: то всем мужем ведомо еже пустыни времени воздвизают дворцы вечности. Яко да сие навькнути? Желанья ветр ломает терн колючий обаче напоследь процветет из терниев роза на крестном древе времени. И сему вонмите. Во чреве жены слово плоть бысть обаче во душе Создателя всяка преходяща плоть слово бысть еже не преидет. Сие же есть послетворение. *Omnis caro ad te veniet*. Безсомнительно еже могуще есть имя тоя яже имяше во чреве драгое тело Искупителя нашего, Исцелителя и Пастыря, наша владычня матере и матере преславныя и покланяемая, и истинно Бернардус рече яко же свершает Она *omnipotentiam deiparae supplicem*²⁰, сиречь всемогущее предстательство понеже она есть вторая Ева яже нас вызволила яко и Августин рече а та, первая, яже нам баба есть с ней же нас связует чредою анастомосис пуповин наших, и та нас предала целокупно, и семья наше и племя, и вся колена, за яблоко еже не стоит полушки медныя. Обаче же ту зрится ми преткновение. Позна ли его она, сиречь та, вторая, и бе точию тварь твари своя, *vergine madre figlia di tuo figlio*²¹, или же она его не позна и тогда пребысть в отречении либо неведении купно с Петром Пискатором живущим в доме иже построил Джек и с Иосифом плотником иже есть святой покровитель расторгений счастливых всех несчастливых браков *parce que M. Léo Taxil nous a dit que qui l'avait mise dans cette fichue position c'était le sacré pigeon, ventre de Dieu!*²² Entweder иносущие *oder*²³ единосущие токмо ни в коем случае не ущербносущие. И ту вси возопиша яко сие есть слово хулно зело. Зачатие без радости, тако рече сей, рождение без мучений, тело без изъяна и чрево без вздутия. Да оставим бессрамником сему покланяться с верою и усердием. Мы же, противоборствующе и противоречуще, прямо противное проповедуем.

По сих же Панч Костело брязне кулаком по столу и зача велегласно вопияти злосрамну песнь «Стабу Стабела» про девку юже обрюхатил некий удалый молодец в земле Немецкой и егда распеваше: *Первые три месяца вси болезнь бяше*, то Квигли сиделица рекла им из дверей гневне нишкните и устыдитесь и то ли не бысть благозаконно еже напосади им яко же сия бе ея послушания вся ту в добротчииныи содержати дондеже сам Эндрю господин приидет понеже она вельми благострадаше аще сие непотребное козлогласование чести ея служения не бы могло повреши. Она же бе жена печална и ветха денми, обличия степенна и нрава благочестивна, в ризах темных яко же и подобает к лицу ея еже уныло и морщиновато, и увещания ея не бысть втуне понеже оног Панча Костело вси абие нача испонашати и лаяти, одни с чинною жестостию, иные же тычки отпуская с грозными уещениями, обаче вси браняху его, чума де сего разрази болвана, да какова он диавола хошет, и ты де грубля, и ты де мелкота, шут гороховой, ты еси лиходеи, ты еси требуха свинья, бусурманско отродье, под забором ражден, ты еси измет, дабы заткнути пьяну околесину юже отрыгаше овый пифик, яко наказание Божие, а добрый Леополд боярин, емуже ведом бе цвет благодушия, майоран тихий, такожде наставляше яко час сей наисвятей есть от всех и наипаче заслужен наисвятым быти. В Хорна бо хоромех подобает покой.

Коротко сказать, помянутая дистракция достойную возымела резолюцию, и посем Диксон магистр, что от Марии Экклской, с приятностию разсмехнувшись, полюбопытствовал, из каковых резонов юный Стивен не восприя иноческие обеты, и на то последний отвечал так: послушание во утробе, целомудрие же во гробе, а бедность аще и нежеланна да непрестанна. Магистр же Ленехан здесь заметил что он зело наслышан о неких нечестивых деяниях и, как то утверждают толки, им слышанные, сгубил он лилею добродетели доверившейся ему особы дамского пола, сие же не что иное как совращение малолетних, и при таковой вести все живейше

²⁰ Всемогущее предстательство Богородицы (лат.).

²¹ Дева мать, дочь сына твоего (ит. Данте. Рай, XXXIII, 1).

²² Ибо г. Лео Таксиль сообщил нам, что тот, кто ее привел в это положенье, это был священный голубь, клянусь брюхом Господним! (фр.)

²³ Или... или (нем.).

возликовали, веселяся и поднимая кубки за грядущее его отцовство. Однако же тот с пылкостью возразил, де истина гораздо противна их поклепам, для того что есть он извечный сын и нерушимо хранящий девство. Сие изрядно прибавило веселия их сердцам, и принялись они поминать свадебный обряд, о коем он прежде поведал им, и тот обряд превеликия куриозности жрецами есть отправляем на острове Мадагаскаре, свершается же в нем одежд совлечение у новобрачной и девства отъятие, и у нея одежды белого и шафранного цвета, а у жениха белого и шарлахова, возле ложа брачна возжигаются свечи и фимиамы курятся, клирики распевают Аллилуйя и тому купно гимн «*Ut novetur sexus omnis corporis mysterium*»²⁴, и с таковым церемониалом учиняется лишение ее девства. Он же в ответ преподал им дивну хотя невелику эпиталаму из «Трагедии девы», коя принадлежит перу магистра Флетчера и магистра Бомонта, преискусных сиих поэтов, и равномерно живописует соединение возлюбленных. «В постель, в постель!» таков ее был рефрен, сопровождение же к нему исполнять подобало в сообразной позиции, на спинете. То была песнь прелестна и сладкозвучна и полна необоримой любово-страстной истомы для юных амантов, коим благовонные светильники паранимфов освещают восшествие их на четырехногий феатр амуров супружеских. Славная была парочка, промолвил, возвеселяся, Диксон магистр, однако послушайте меня, юный сэр, не лучше ль было им прозываться Фаллос и Бабонт, сиречь бабец, мнится бо мне, из такового союза великая бы произошла приятность. Юный же Стивен отвечал, что буде не изменяет память ему, имели они сообща одну девицу из веселого дома и с тою амурам предавались поочередно, поелику в те времена жизнь была ключом и обычай страны оное одобрял. Нет большия любви, рече, как если кто положит жену свою со другом своим. Иди же и совершай по сему. Так, а коли не так, тем хуже, говаривал Заратустра в бытность свою доцентом французской любви в Оксбордельском Университете, и доселе не нарождался под луной человек, коему род людской толико был бы обязан. Введи пришлеца в башню замка твоего, и едва ли того избежишь, чтобы досталась тебе кровать похуже. *Orate, fratres, pro memetipso*²⁵. И все ответят миром, аминь. Воспомяни, Эрин, твои колена и дни твои древнии, яко еси отринул мя и слово мое и отверзл пришлецу врата мои да творити блуд при моих глазах и утучняться и расширяться яко Израиль. И посему согрешил еси против света и мя, Господа твоего, соделал рабом рабов. Обратися же, обратися, клан Милли, не позабудь мя, о семя Милезиево. Вскую сотвори предо мною сию мерзость, яко предпочел еси мене торговца ялапою и от мене откреклся еси пред римлянином и пред индийцем темноглазым, с ним же возлежали любово-страстно дщери твои? Воззри же ныне, народ мой, на землю обетованную от Хорива и от Нево, от Фасги и от Рогов Хеттийских, на землю, текущу млеком и пивом. Ты же мя млеком горьким вспоил, луну мою и солнце мое ты угасил навеки. И навеки едина покинул еси мя на путях моих иже суть пути горести, и лобзание тлена положил на уста мои. Сия же тма внутренняя, так продолжал он речь свою, премудростию семидесяти толковников не была просвещенна ниже хотя бы помянута, Восток бо с вышних иже сокруши врата адовы на сласть тую тму, коя была предвечна. Обыкновение умаляет свирепства (яко же Туллий рече о возлюбленных своих Стоиках) и Гамлету принцу отец его отнюдь не являет язвы иже от пламене чистилища. Непрозрачность в жизни полдневный час воистину есть казнь египетская, каковая и составляет ночам предрождества и послеуспения доподлинное их *ubi* и *quomodo*²⁶. И как завершения и концы всего сущего в некой мере и неким образом соответственны истокам и началам его, так подобное же многоликое соответствие, что от рожденья движет и направляет рост наш, завершаясь ретрогрессивной метаморфозою, тем нисхождением и убываньем к финалу, каковое приятно ладу натуры, присуще и нашему подлунному бытию. Старухи-сестры втаскивают нас в жизнь – мы вопим, подрастаем,

²⁴ «Да познается тайна тела всякого пола» (*искаж. лат.*).

²⁵ Прошу, братия, и за меня помолитесь (*лат.*).

²⁶ Где (и) каким образом (*лат.*).

резвимся, обнимаемся, сходимся, разлучаемся, хиреем, помираем – и вновь они склоняются над нами умершими. В начале спасенный из вод древнего Нила, среди тростников, в плетеной зыбке из прутьев; в конце же – горная пещера, тайное погребение под совозглашенья орла и пардуса. И как ни единому из смертных не ведом тафоса его топос ниже будет ли возвешено нам посем путь держати во Тофет или во град Едем, и таковым же образом утаено, егда будет нам в задняя наша зримо, из каковых дальних пределов чтойность ктойности нашей почерпнула свою причинность.

Тут Панч Костелло, не утерпев, взревел громогласно: Etienne, chanson²⁷, однако же тот с пушею зычностью к ним воззвал, любуйтесь каков премудрость построила себе дом, сей свод толико прочен и древен, обширен и величав, хрустальный Творца дворец, ухожен как стеклышко, и тому грошик, кто отыщет горошек.

Взгляни, каков дворец построил умник Бак,
Найдешь ты там вино, и пиво, и табак,
В предивном погребке, где Бак разбил бивак.

Оле, устрашающий треск снаружи, грозный рокот и рык. Громогласно ошую Тор громыхнул млатовержец, распалясь ярим гневом. И се грянула буря, страхом его полня сердце. И Линч магистр остерег его, дабы укротил он свои балясы и блядословия, понеже сам Бог прогневался за адовы его поганства и шпынства. И оный храбрец, похвалявшийся надменно, во мгновение ока стал бледен и съежился в виду всех, речь, коя столь зычно и вольно лилась дотоле, стала тиха и смирна на диво, и сердце аки заяц заматалось в клетке груди его, едва он почуял сей бури мощь. Иные тут зачали потешаться, иные глумиться над ним, Панч же Костелло с великим рвением налег вновь на пиво, а Ленехан магистр божился и клялся в том от него не отстать, и он был вправде куда как спор на всяк пустяк и безделицу. Однако тут бравый наш фанфарон вскричал, что де, видно, Никтоотец старикан сам обретається в подпитии, и на то де ему плевать, а он яко питух верха никому же даст над собою. Сим точию тщился он отчаяние свое унять, яко, труся, дрожал он в Хорна хоромах. И, как сказал, немедля и опростал кубок свой, спеша любыми благами упавший дух поддержати, ибо паки и пуще раскатилось по небесам громыхание, а Мэдден магистр, кой в иные поры учинялся сугубо набожен, при сем раскате отпусти под ребра ему тычка, а магистр Блум, близ фанфарона сидяще и страхи его великие желая утишити, зача ободряти его всемерно, толкуя, что де все громы сии точию звук пустой, истечение влаги, в грозочреватом облаке сущей, воззри де и убедишься, и вся сия совершается яко предуказано феноменам натуры.

Однако победился ли юного Бахвала страх тыми Доброхота речами? Никак, понеже угнездился в груди его заноза, Горечь рекомая, и тоя занозы избытисся речами не можно. И се убо не имел он набожства, присущего одному, ниже благоразумия, отпущенного другому? Истинно так, не имел отнюдь, елико бы ни желал обоя имети. Но ужли не мог он приложить тцания дабы вновь, яко во дни юности своея, обрести тую бутылъ, Святость именем, коя прежде была ему толико душепитательна? Отнюдь нет, для того что не снизошла на него Благодать обрести бутылъ ту. А что же слышал он в тех раскатах, глас бога Плодорода либо, по слову оногo Доброхота, точию Феномена пустой звук? Слышал? Обаче истинно, как мог он не слышати, разве закупорил себе плотно трубу, Разумение рекомую (сего же не содеял отнюдь). Ведь преотлично было зримо ему чрез трубу сию, яко пребывает в земле Феномена, где и предстоит ему в некий день умерети, коль скоро являет он собою, подобно прочим, точию преходящий зрак. А не приял ли он сию участь, умерети и исчезнути, подобно прочим? Инде ни в какую не приял сего аще и должен был, ниже приял умножати зраки себе подобны, по обычаю яко у мужей с

²⁷ Стивен, песню (фр.).

женами, о том же заповедал им Феномен чрез книгу Закон. Не ведал он ничесоме про землю иную, глаголемую Веруй-в-Мя, землю обетованную идеже царствует царь Блаженство ныне и присно и во веки веков, и несть тамо смерти ниже рождения и несть замужства и материнства, и собраны будут тамо вси, кто верует в то? То правда, Благодетель ему сказывал про землю ту, а Целомудр указал и путь в оную, однако случися тут, яко стала ему пути сего поперек некая блудница зело прелестна, назвалась же она Пташка-в-Руках, и льстивыми речами уклонила его с пути истинна, глаголя, Эй, красавчик, а заверни-ка сюда, покажу райское местечко, и се ласкательствами и лестью залучила его в вертеп свой, прозываемый Гнездышко-в-Кустах, а сведущими глаголемый Плотское Похотение.

Сего-то и алкало то сборище, засевшее Чертог Материнства, и доведися им повстречати сию блудницу Пташку-в-Руках (а была она гнездилище всех язв и чудищ и козней диавольских) и они бы готовы из кожи лезти точию бы ея достигнути и познати. Нашот же Веруй-в-Мя они возглашали яко сие есть точию мудрование и в помыслах своих никогда одного не имели понеже, первое, Гнездышко-в-Кустах, куда она всех заманивала, было столь прелестно местечко и убрано четырьмя подушечками, и на тех подушечках четыре ж билетика, на коих выставлены сии слова, Рядышком, Бочком, Рачком, Язычком, и второе, понеже та язва Сифилла и чудища их нимало не устрашали, коль скоро был у них щит надежен Презерватив из бычьего пузыря, а во-третьях, понеже и козни диавольские, сиречь зарождение Отпрыска, такожде чаяли они отразить тем щитом, ему же иное прозвание Детогуб. И се убо все они были там в ослеплении хотения, сударь Придира и сударь Притвора и сударь Раз-в-Году-Набожен и сударь Троглодит-Пивоглот и сударь Петиметр Диксон и Юный Бахвал и Доброхот Благоразумен. О жалкое сборище, поистине, ты в гибельном заблуждении, понеже был то глас Бога, и он, исполняя великого гнева, уже готов подъяти десницу свою дабы расточить души их в прах за их хулы и расточения семени, кои перечили его заповеди, пламенно плодиться призывавшей.

Итак, четверг, июня шестнадцатого дня. Патк. Дигнам, жертва апоплексического удара, лежит в земле, и после жестокой засухи, хвала Господу, наконец разождало, барочник привез торф, проплыв миль пятьдесят или около того, и говорил, что посевы не всходят, поля засохли, глядят уныло и отменно смердят, будь то в низинах или на взгорье. Трудно дышать, и все молодые побеги погибли начисто, не имея капли дождя столь долго, что в прежние годы никто не упомянет подобного. У роз бутоны все почернели и вспузырились, а на холмах одна жухлая трава и сухой кустарник, который займется от первой искры. Как все твердят в один голос, тот страшный ураган, что разорил всю страну в прошлом феврале, сущий пустяк в сравнении с такою напастью. Однако нынче, как было уже помянуто, после захода солнца и при том же западном ветре стали мало-помалу собираться крупные набухшие облака, и сведущие в чтении небес мерили их взглядом, потом, ближе к ночи, запоблескивали зарницы, а еще позже, в одиннадцатом уже часу, раздался мощный, долгий удар грома, и вмиг все кинулись врассыпную по домам под дымящимся ливнем, мужчины – защищая соломку шляп платками или какими тряпицами, женского же пола особы – припрыгивая и подбирая юбки повыше, как только начало лить. Где только что была сушь как в Сахаре, по Или-плейс, Бэггот-стрит, Дьюкс-лаун, а оттуда по Меррион Грин на Холлс-стрит мчался поток воды, и повсюду кругом не было уже ни одного портшеза, ни одного экипажа или фиакра, однако гром больше не повторялся после того удара. Против дверей почтительного судьи Фицгиббона (к нему надлежало заседать с мистером Хили, стряпчим, насчет земель колледжа) Мал. Маллиган, благороднейший из благородных, вышед от мистера Мура, литератора (прежде паписта, однако ставшего добрым Вильямитом, как про то слышно), натолкнулся на Ал. Баннона с короткой стрижкой (какая модна сейчас, наряду с вечерними плащами из зеленого твида), а тот только что вернулся в город почтовою каретой из Маллингара, где его кузен и брат Мал. М. пробудут еще месяц, до св. Свитина, и спрашивает, как его сюда занесло, он к себе домой, а он к Эндрю Хорну, его там ждут опрокинуть стаканчик, как он доложил, но только ему охота порассказать про одну

телочку с норовом, формы не по годам развиты, слегка даже толстомяса, а дождь между тем все поливал да поливал их, так что оба они прямехонько к Хорну. Там Леоп. Блум из газеты Кроуфорда приятно заседал с ватагой бездельников, мастаков повздорить и покричать, были там Диксон мл., студюзул от Скорбящей Матери Божией, Вин. Линч, шотландского происхождения молодчик, Вил. Мэдден, Т. Ленехан, в глубокой печали из-за одной чистокровки, коей доверился он на скачках, и Стивен Д. Леоп. Блум там оказался из-за усталости, сморившей его, но сейчас уже вновь воспрянул, а прошлую ночь приснился ему весьма причудливый сон о его даме, миссис Молль, в красных домашних туфлях и в турецких шальварах, а это, как сведущие полагают, к перемене, и миссис Пьюрфой была там же, будучи туда принята по прошенью своего брюха, теперь она, бедное создание, мается, распростершись, уже два дня после срока и все не может родить, повитухи в отчаянии, от рисового отвара ее тошнит, а он обезвоживает лучше всего, дыхание тяжелое, затрудненное, но, судя по тому как толкается, младенец – отменный здоровячок, дал бы ей только Бог разрешиться. Я слышал, это у нее уж девятый, а последнему подрезали ногти на Благовещение, значит, ему тогда исполнялся годик, и, как и те трое, тоже все вскормленные грудью, он у нее умер и записан красивыми буквами в Библии короля Якова. Ее мужу с лихвою пятьдесят, он методист, но ходит к причастию, а в погожие деньки его всегда видят по воскресеньям с двумя сынишками возле Баллокской гавани, он там удит сайду и камбалу на удочку с тяжелой катушкой, с берега или с лодки-плоскодонки, старается забрасывать легонько и, как я слыхивал, имеет весьма недурной улов. Итак, словом, отменный ливень, натура сызнова ожила и доброго можно ждать уroda, хоть всякие кудесники предрекают, что вслед за ветром и за водою придет огонь, коль скоро по пророчеству календаря Малахии (также, дошло до меня, и мистер Рассел состряпал сего же толка прорицание с хиндустанского наречия для своей крестьянской газетки) сии три стихии всегда вместе, но это одна тень на плетень для старых бабок и несмышленишней, отнюдь без никакого резона, хотя порой они со своими чудасами бывает и угодят разом в самую истину, никому не ведомо как.

Тут поднялся в конце стола Ленехан, вознамерившись рассказать про письмо в вечернем листке, и сделал вид, будто усердно разыскивает его у себя (он клялся и божился, что-де оно волнует его безмерно), но, сдавшись на уговоры Стивена, бросил поиски и с большой ревностью последовал приглашению присесть рядом. Он был весьма разбитной господинчик, строил из себя рубаху-парня да валял дурака, и когда заходило дело о женщинах, лошадях или о свежем скандальчике, случался он всегда тут как тут. Сказать без обиняков, состояние его было скудным и время он проводил большей частью по трактирам и по кофейням в компании вербовщиков, кучеров, тунейдцев, посыльных, подмастерьев, жучков со скачек, девок уличных и бордельных и прочей избранной публики, а иной раз просиживал и ночь напролет с подвернувшимся сыщиком или судейским, выуживая у него еще тепленькие сплетни в промежутках меж возлияниями. Трапезовал он в самых захудалых обжорках, но хоть и доставалось ему порой одно месиво из объедков или тарелка требухи на последний родимый шестипенсовик, язык его никогда не давал поблажки унынию, и от иного соленого словца, подхваченного от шлюхи или еще неведомо от кого, все так и покатывались как одержимые. Другой же из бывших там, Костелло, услышав их разговор, спросил, а что это, стихи или какая история. Не угадал, Фрэнк (таково было его имя), отвечал тот, это про ирландских коров, которых велено забивать по причине чумы. Ну и хрен с ними, говорит он и подмигивает, по мне хоть провались они все со своей собачьей говядиной. Тут вот у нас в жестянке самолучшая рыба, какую отродясь лавливали, и с великим радушием он им протянул стоявшие рядом кильки, к которым уж давно подбирался, ради того и затеяв весь хитроумный маневр, поскольку брюхо у него совсем подвело. *Mort aux vaches*²⁸, выражается затем Фрэнк на французском наречии, он прежде служил в подручных у некоего виноторговца, имевшего склад в Бордо, и по-француз-

²⁸ Смерть коровам (*фр.*).

ски изъяснялся как джентльмен. Сей Фрэнк с самого нежного возраста был записной шалопаем, и его отец, околоточный, с превеликим трудом понуждал его ходить в школу, учиться грамоте да разбирать карту, после же этого он поместил его в университет изучать механику, однако тут малый совсем закусил удила как молодой жеребец и был в те поры знаком с судебными исполнителями и с ночными сторожами лучше чем со своей наукою. Одно время подумывал он в актеры, потом в маркитанты, потом в шулера, потом, глядишь, пропадает на петушинных боях да медвежьих травлях, а там ему загорится на моря-океаны или шататься по дорогам с цыганами, которые то сынка украдут у какого-нибудь помещика, то стянут белье, развешанное служанкой, а то курице свернут шею, притаясь за забором. Он пускался в похождения столько раз, сколько у Бога заповедей, и всякий раз возвращался несолоно хлебавши к своему отцу, околоточному, и тот при каждой такой оказии неизменно проливал не менее пинты слез. Как! восклицает мистер Леопольд, скрестив руки и непритворно будучи озабочен, неужели же все они пойдут на убой? Я протестую, заявляет он, я видел их не далее как сегодня утром, их гнали на ливерпульские пароходы. Я не могу поверить, что это настолько непоправимо, заявляет он. Притом же он был человек многоопытный по сей части, насчет племенного скота, телят, боровков, шерстных барашков, ибо тому несколько лет служил он клерком у мистера Джозефа Каффа, почтенного торговца, каковой скупал скот на фермах и себе не в убыток им торговал невдалеке от подворья мистера Гэвина Лоу на Праша-стрит. Я расхожусь в этом с вами, заявляет он. Гораздо вероятней, что тут все-таки не чума, а какое-либо бронхиальное заболевание или актиномикоз. Мистер Стивен, слегка задетый, однако же с совершенной учтивостью, ответил ему, что сомнения невозможны, ибо у него имеются депеши от главного хвостокрута императорского двора с выражениями благодарности за гостеприимство, и тот сюда направляет доктора Эпизоотьева, славнейшего укротителя коров во всей Московии, с парой бутылей снадобья, дабы взять быка за рога. Да уж полноте, вмешался мистер Винсент, привыкший говорить напрямик. Он сам живо попадет на рога, коли свяжется с ирландским быком. Ирландским по имени и по нраву, с чувством подчеркнул мистер Стивен, расплеснув свое пиво. Ирландский бык в английской посудной лавке. Уловил вашу мысль, говорит мистер Диксон. Это наверняка тот бык с изумрудным кольцом в носу, которого прислал на наш остров фермер Николай, самый лихой удалец из всех скотоводов. Твоя правда, отзывается через стол мистер Винсент, и клянусь бычьим ухом, говорит он, никогда еще не было такого гладкого тучного быка среди серящих на трилистник. Рога у него были на загляденье, шкура золотой масти, из ноздрей теплый пар, так что на острове все женщины побросали скалки и прялки да устремились за ним, увешивая его быкородие венками из маргариток. А что толку, говорит мистер Диксон, ведь перед тем, как его послать, фермер Николай, будучи сам евнух, приказал и его выхолостить в наилучшем виде, препоручив операцию коллегии докторов, которые по известной части все как один были под стать Николаю. Так что теперь ступай, говорит он, и делай все, что тебе прикажет Гарри-нечистый, мой двоюродный братец, и вот тебе наше фермерское благословение, и с этими словами он весьма звучно шлепнул его по мягким частям. Однако же тот шлепок, вместе с благословением, ему сослужил службу, замечает мистер Винсент, ведь тот, видно, в утешение выучил его кой-чему получше утраченного, коль скоро до сего дня и жена и девица, и вдова и черница, все в один голос скажут, что им куда желанней нашептывать ему на ушко в темном загончике да получать помазание в затылочек его длинным пресвятым языком, чем миловаться хоть с самым распригожим молодцем всех четырех царств Ирландии. Еще один из них вставляет здесь свое слово: И нарядили они его в кружевную рубашку и в нижнюю юбку, так он говорит, а сверху в палантин и в кружевные манжеты, на лбу приладили завиток, умастили все тело его амброй и на каждом повороте дороги соорудили для него стойла с золотыми кормушками, полными наилучшего сена, какое только было на рынке, дабы он мог и отоспаться и опростаться к вящему своему довольству. Но к этому времени отец верных (так они его называли) столь разжирел, что уже едва мог добраться до пастбища. Чтобы

помочь тому, хитроумные наши девы и дамы измыслили приносить ему пищу в своих передниках, и когда он вполне насыщал свое брюхо, то подымался иногда на задние ноги, являя высокородным дамам вся тайная, и издавал мычанье и рев на бычьем своем наречии, и все они вторили ему. Сушая истина, подхватил другой, и стал он до того привередлив, что уже требовал, чтобы нигде в стране ничего не росло, кроме одной зеленой травы ему на потребу (все остальные цвета он терпеть не мог), и потому водрузили в самой середине острова, на холме, печатное объявление, гласившее: волею Гарри-нечистого да будут zelo зелены все зелены, что на земле зеленеют. Мистер же Диксон добавляет, и едва случится ему зачуйть скотокрада в Роскоммоне или в глуши Коннемары, или прознать, что какой-нибудь землепашец в Слайго засеял полгрядки рапсом или горчицей, как он тут же в бешеной ярости готов мчаться через весь остров, чтоб вырвать рогами с корнем, что там росло, и все это волей Гарри-нечистого. Поначалу они не ладили, говорит мистер Винсент, Гарри-нечистый посылал фермера Николая ко всем чертям и называл его хозяином бардака с семьей шлюхами и сулил, что он еще разберется с его темными делишками. Я эту скотину заставлю понюхать, чем в аду пахнет, так он ему сулил, с помощью вот этого доброго уда, что мне от отца достался. Но как-то вечером, говорит мистер Диксон, когда Гарри-нечистый скреб свою королевскую шкуру, собираясь отобедать после гребных гонок, где он, конечно, всех победил (а правила там были что он вместо весел гребет лопатами, а все остальные – вилами), он вдруг у себя обнаружил разительное сходство с быком и, взявши замусоленную книжицу со старыми сказками, что у него хранилась в кладовке, с несомненностью там открыл, что происходит он по побочной линии от знаменитого призового быка римлян, *Bos Bovum*²⁹, что на чистейшей кухонной латыни обозначает босс всем быкам. После чего, продолжает мистер Винсент, Гарри-нечистый, собравши всех царедворцев, окунает свою башку в коровью поилку и, вынув ее оттуда, объявляет им новое свое имя. Затем, не успев обсохнуть, облачается в старую юбку и в кофту, которые остались от бабки, и спешит покупать учебник бычьего языка, только он все равно не сумел выучить ни одного слова, кроме местоимения первого лица, но зато уж его крупно переписал и вызубрил назубок и, выходя погулять, всегда прихватывал с собой мел, чтобы писать его везде, где понравится, на камне, на столике в трактире, на тюках с хлопком, на поплавах удочек. Одним словом, он и ирландский бык стали в такой тесной дружбе, как штаны с задницей. Стать-то стали, говорит мистер Стивен, а кончилось дело тем, что мужчины на острове, увидав, что на помощь им не рассчитывать, раз все женщины, неблагодарные, отвернулись, сколотили здоровый плот, загрузились на него со всеми узлами и потрохами, установили попрямей мачты, набрали на снасти команду, развернули переднюю шкаторину, легли в дрейф, залили горючего за воротничок, уставили нос ниже ватерлинии, выбрали якорь, положили руль лево по борту, подняли пиратский флаг, рявкнули тройное ура, запустили пыхтелку, отпихнули свой тузик и поехали переоткрывать Америку. И по такому случаю, заключает мистер Винсент, ихний боцман сочинил лихую припевку:

Эх, папа Петр пусть жрет помет
И все такое прочее.

Не успели студенты закончить описанной выше апологии, как на пороге явился достойный знакомец наш, мистер Мэйлахи Маллиган, в обществе одного своего приятеля, которого он только что повстречал. Имя сему последнему было Баннон Алек, и прибыл он в город нынешним вечером, имея желание купить себе чин прапорщика или поручика в ополчении да понюхать где-нибудь пороху. Мистер Маллиган весьма учтиво высказал сему одобрение, заметив, что не усматривает здесь ущерба собственному проекту, каковой он задумал ради иско-

²⁹ Бык Быков (лат.).

рения того зла, о коем выше было трактовано. И с этими словами он передал на обозрение собравшимся несколько карточек из твердого картона, что были заказаны им у мистера Квинелла, печатника, и несли следующую надпись, оттиснутую красивыми и крупными литерами: *Мистер Мэйлахи Маллиган. Оплодотворитель и Инкубатор. Остров Лэмби*. Помянутым проектом, как он открыл им, определялось ему отойти от праздных увеселений, подобных тем, коим неумеренно предавались сэр Франт Вертопрах и сэр Мямли Рохли, дабы всецело себя отдать благороднейшему занятию, на каковое особенно рассчитано и наше телесное устройство. Что же, дружище, порасскажи-ка об этом, пригласил мистер Диксон. Уж я уверен, тут не обойдется без девок. Да присаживайтесь оба, в ногах правды нет. Приняв сие любезное приглашение, мистер Маллиган приступил к рассказу о своем предприятии. Как поведал он слушателям, оная идея его посетила впервые при размышлении о причинах неплодия, кои равно происходят от препон умышленных и от неумышленных, притом же первые, в свой черед, семейными распрями либо скупой расчетливостью чинимы бывают, последние же могут происходить либо от врожденных изъянов, либо от благоприобретенных наклонностей. По его признанию, душа его исполнялась скорби, когда видел он, как лишают брачное ложе драгоценнейшей его службы; а если, к тому же, вспомнить о преизбытке нежных созданий с кругленьким вдовым капиталом, что станет добычею мерзких бонз, прячущих светоч свой под сосудом в какой-нибудь угрюмой обители, иль губящих цвет своих женских чар в объятиях иного наглого красавчика, владея между тем ключами несказанного счастья, иль приносящих в жертву бесценный пол своего перл, когда кругом несть числа статным кавалерам, весьма охочим амуриться, – все это, так уверил он их, терзало сердце его нещадно. Стремясь сие нестроение устранить (а происходило оно, как то уяснилось ему, от подавления внутреннего жара), обсудил он дело свое с людьми сведущими и достойными, с пристрастием разобрался в материях привходящих и сопредельных и надумал приобрести в вечную собственность ленное владение, остров Лэмби, у нынешнего его владельца, лорда Толбота де Малахайда, дворянина из ториев, которого не весьма жаловала правящая наша партия. Полагал же он там устроить национальную оплодотворительную ферму под названием «Омфал», вытесать и воздвигнуть на ней обелиск наподобие египетских и самым неукоснительным образом предоставлять услуги по оплодотворению любым особам женского пола, без различия сословий, какие будут направляться к нему, желая исполнить, что определено им натурой. Дело не ради дохода, заявил он, за труд свой не будет он брать ни единого пенса. Бедная кухарка и роскошная леди равно обретут в нем своего мужчину, коль скоро сложение их и темперамент с довольным красноречием убеждают склониться к их просьбам. В рассуждении же питания он им представил, как будет держаться рациона, сугубо состоящего из лакомых клубней, а также рыбы и кроликов, поскольку у сих последних, весьма плодовых грызунов, мясо как нельзя полезней для его цели, будь то тушеное или жаренное на вертеле, особенно если добавить мускатный цвет и толику кайенского перца. Произнеся сию проповедь с жаром и вдохновением, мистер Маллиган проворно снял со своей шляпы платок, коим пытался он ее защитить. Как без труда угадывалось, оба друга были застигнуты дождем, и, сколь ни резво ретировались они в укрытие, однако успели преизрядно намочнуть, чему свидетельством была нижняя часть костюма мистера Маллигана, каковой домотканая серая материя сделалась пегой, в яблоках. Проект между тем принят был благосклонно и снискал непритворные похвалы от всех слушателей, одного выключая мистера Диксона, что от Марии Скорбящей; последний же с коварной любезностью осведомился, не помышляет ли заодно мистер Маллиган возить воду в ближнюю речку Лиффи. Однако тут мистер Маллиган завоевал на свою сторону просвещенную часть братии подходящею цитатой из классиков, поскольку в той цитате, какую хранилась она в его памяти, мнил он найти изящное и вместе весомое подкрепление своим видам: *Talis ac tanta depravatio hujus seculi, O quirites, ut matres familiarum nostrae lascivas cujuslibet semiviri libici titillationes testibus ponderosis atque*

excelsis erectionibus centrurionum Romanorum magnopere anteponunt³⁰, а что до более неотесанных, то их он убедил помощью уподоблений из животного царства, кои для их желудков были куда съедобней, про лань с еленем в диких лесах да утку с селезнем во дворе фермы.

Имея весьма высокое мнение о благородстве манер своих и о щегольстве наряда, да и вправде будучи завидно лепообразен, многослов наш обратился засим к обозрению своего платья, приправляя оный обзор сварливыми осуждениями нежданных причуд натуры, между тем как собравшиеся щедро расточали хвалы услышанному прожектору. Молодой джентльмен, его друг, пребывая в нежном волнении от приятного похождения, ему недавно выпавшего на долю, не мог долго устоять и немедля пустился выкладывать о том походе ближайшему своему соседу. Мистер же Маллиган, обратя взгляд к столу, спросил, для кого тут столько хлебов и рыб; затем заметил он незнакомца и, поклонившись ему учтиво, промолвил: Прошу вас, скажите, сэр, не привела ли вас сюда нужда в услугах повивального ремесла, какие могли бы мы оказать вам? В ответ последний сердечно благодарил его, держась, однако, с достоинством и без панибратства, и сообщил им всем, что посетил он Хорна, тревожась о судьбе некой дамы, находящейся ныне здесь, поскольку недоля женская (тут испустил он глубокий вздох) привела ее в интересное положение, и желал бы он знать, не наступил ли уже счастливый исход. Засим мистер Диксон, решив отплатить противнику его же монетою, спросил у мистера Маллигана, надо ли полагать сфероидальную его корпуленцию в вентральной проекции, над которою он почасту подтрунивал, следствием овобластической гестации в утрикуле простаты, сиречь в утробе мужеской, либо же, как у мистера Остина Мелдона, именитого медика, симптомом синдрома прогрессирующей эндогенной филофагии. Вместо ответа мистер Маллиган, весьма веселившийся, глядя на свои панталоны, молодецки хлопнул себя пониже грудобрюшной преграды и, изобразив на лице презабавную мину матушки Гроган (заметим, милейшая женщина, хотя, к прискорбию, легких нравов), вскричал: вот чрево, что никогда не носило выbledка! Эта славная шутка родила целую бурю восторгов, так что сызнова все в зале той отдались буйному и разгульному веселью. И так продолжались их бойкие препирательства и скоморошства, покуда не послышалась некая тревога в передней.

Тут слушатель его, весьма восторженный юноша, шотландский студент с волосами белыми, словно лен, с великим жаром поздравил юного джентльмена и, прерывая его рассказ на самом красочном месте, учтиво адресовался к своему визави, не будет ли тот столь любезен передать ему сосуд с горячительным эликсиром, и в то же время, вопросительным наклоном головы, за коим тут же следовал равновеликий наклон бутылки в направлении обратном, – бесподобному сему жесту не выучит и целый век изящного воспитания – красноречивее нежели словами сделал рассказчику предложение попотчевать его рюмочкой. Mais bien sûr, благородный незнакомец, с готовностью откликнулся тот, et mille compliments³¹. Как нельзя кстати. Рюмки этой весьма мне доставало для полноты счастья. Но, милостивое небо, если бы даже остались мне лишь корка в котомке да глоток воды из колодца, и тогда, Господи, сердце повелело бы мне, приняв их, пасть на колена и возблагодарить вышние силы за все счастье, дарованное Подателем благ. С этими словами он поднес бокал свой к губам и с видимым удовольствием сделал добрый глоток, затем, поправивши свою куафюру, полез за пазуху к себе и показал медальон на шелковой ленточке, хранивший заветный образ, который лелеял он с той самой минуты, как ее ручка сделала на нем надпись. И с бесконечною нежностью устремив взгляд на ее черты, воскликнул: Ах, мсье, если бы видели вы ее, как довелось это мне в тот волнующий миг, в этой нарядной блузке, в новенькой шляпке не без кокетства (пода-рок ей ко дню ангела, она мило призналась мне), и, ко всему еще, в столь безыскусном бес-

³⁰ Столь велико развращение века нынешнего, О квириты, что наши матроны охотно предпочитают похотливые щупанья галлов-полумужчин мощным ятрам и превосходному удостоянию кентурионов римских (лат.).

³¹ Конечно же... и тысяча благодарностей (фр.).

порядке, в порыве самозабвенной нежности, я вам клянусь, мсье, даже и вас великодушная натура ваша побудила бы безраздельно сдаться на милость такого врага – или оставить навсегда поле битвы. Ручаюсь вам, никогда в жизни я не бывал так растроган. Хвала Тебе, Боже, Источнику и Творцу дней моих! Трикрат будет счастлив тот, кому столь чудесное создание подарит свою взаимность. Нежный вздох придал еще более красноречия его словам, и, спрятав медальон обратно к себе на грудь, он вытер глаза и снова вздохнул. О Всемогуший Сее-тель благ всем тварям Твоим, сколь велико и безгранично сие сладчайшее Твое иго, что может держать в оковах свободного и раба, деревенского простака и столичного щеголя, юношу в пору буйных страстей и умудренного годами супруга. Но, право, сэр, я отклоняюсь от своего предмета. Сколь неверны и хрупки подлунные наши радости! Проклятие! Отчего не угодно было Всевышнему, чтобы предчувствие шепнуло бы мне взять плащ? готов рыдать, думая об этом. Ведь тогда, хоть разверзлись хляби небесные, это нам не принесло бы никакого вреда. Однако черт с ним совсем, вскричал он, чувствительно хлопнув себя ладонью по лбу, утро вечера мудренее, и мне известен один marchand de capotes³², мсье Пойнц, у которого я за ливр могу купить самый удобный плащ по французской моде, какой только защищал когда-нибудь даму от сырости. Те-те-те! прервал его Le Fécondateur³³, друг мой мсье Мур, сей знаменитей-ший путешественник (мы только что приняли полбутылочки avec lui³⁴ в кругу избранных ост-рословов этого города), достоверно мне сообщал, что на мысе Горн, ventre biche³⁵, бывает и такой дождь, который промочит насквозь любой самый плотный плащ. От таких неистовых ливней, как он говорил мне, sans blague³⁶, не один несчастный скоропостижно отправился в лучший мир. Тьфу! Целый ливр! вскричал тут мсье Линч. Да эти неуклюжие изделия не стоят и одного су. Один-единственный зонтик, пускай не больше опенка, лучше целой их дюжины. Ни одна умная женщина не захочет подобных средств. Моя милая Китти мне сегодня сама сказала, что она скорее согласилась бы на потоп, чем на муки голода в таком ковчеге спасения, потому что, как напомнила она мне (прелестно покраснев и шепча мне на ушко, хотя подслушивать нас было некому, кроме порхавших бабочек), госпожа Природа, с соизволения Божия, внушила нам, и уже успело это войти в пословицу, что il y a deux choses³⁷ для коих невинность первозданного нашего наряда, при иных обстоятельствах нарушающая приличия, оказывается самым уместным и даже единственно подходящим одеянием. Первая из них, сказала она (и тут очаровательный мой философ, пока я подсаживал его в тильбюри, слегка лизнул мне ушную раковину язычком, чтобы получше привлечь мое внимание), первая это ванна... Но в этот самый миг дребезжание колокольчика в прихожей прервало его рассказ, суливший столь славно обогатить сокровищницу наших познаний.

Итак, посреди всеобщего праздного веселья, царившего в собрании, внезапно прозвенел колокольчик, и пока все гадали, какая бы причина была к тому, вошла мисс Каллан и, тихо сказав несколько слов молодому мистеру Диксону, вновь удалилась с низким поклоном. Даже и краткое присутствие среди разгульной компании этой женщины, украшенной всеми дарами скромности и столь же прекрасной, сколь благодетельной, весьма укротило сих необузданных нечестивцев, однако сразу с ее уходом все срамословия хлынули без препон наружу. Убей меня бог кувалдой, взревел Костелло, плюгавый малый в сильном подпитии. Вот это телочка, чтоб я сдох! Божусь, она тебе шепнула насчет свиданки. Скажешь, не так, ты, кобель! Да ты хоть уме-ешь с ними? В бога душу. Еще получше тебя, сказал Линч. Они-то уж у Скорбящей понимают в

³² Торговец плащами (или презервативами – жаргонное значение французского capote). В дальнейшем тексте эта двусмысленность дополняется другой: английское слово umbrella (зонтик) в жаргонном значении – пессарий.

³³ Оплодотворитель (фр.).

³⁴ С ним (фр.).

³⁵ Козье брюхо (фр.).

³⁶ Не шутя (фр.).

³⁷ Имеются две вещи (фр.).

постельном обращении. Ейбопра, там этот доктор О'Тэгл, он только и знает, что щекотать сестричек под подбородочком. Пусть мне души своей не спасти, мне все это Китти рассказывала, она сама там сиделкой уже семь месяцев. Ах, доктор, госпомил, доктор, воскликнул тут юнец в лимонном жилете, изображая жеманные ужимки и непристойно паясничая всем телом, ах, как вы меня раздражаете! Пропави все на свете! Боже милостивый, я вся дрожу как овечка. Да вы опасней, чем сам милейший Отец Поцелуйчик, ей-богу! Подавиться мне этой кружкой, снова взревел Костелло, если она не ждет прибавления. Я знаю дамочку, на которую стоит только мне поглядеть, как она тут же с начинкой. Однако здесь молодой хирург поднялся со своего места и попросил у собравшихся извинения за то, что вынужден их покинуть, поскольку требуется его присутствие в палате, как о том сообщила ему сестра. Милосердному провидению угодно было, чтобы наконец завершились страдания той дамы, которая была *enceinte*³⁸, переноса это с такой примерно твердостью, и она произвела на свет крепкого мальчугана. Я бы желал, молвил он, чтобы достало терпения моего для тех, кто, не имея решимости давать жизнь и не имея учености давать знания, поносит благородную профессию, которая, исключая лишь воздание почестей Божеству, является величайшей силою, приносящей счастье на земле. Я заверяю вас, что, будь в том нужда, я без труда представил бы облак свидетелей ее достойного и благородного служения, коему должно вызывать не развязные хулы, но гордость и ликование в людских сердцах. Я не могу их сбросить со счетов. Как? Чернить подобного человека, любезнейшую мисс Каллан, красу своего пола и диво для нашего, и это еще в самую значительную минуту, какая выпадает на долю слабого смертного создания? Да сгинет самая мысль об этом! Я содрогаюсь, когда я думаю о будущем того племени, где посеяны столь недобрые семена, где даже в храмине Хорна давно позабыли чтить мать и деву так, как то подобает. Произнося эту отповедь, он прощально приветствовал остающихся и скрылся в дверях. Гул одобрения раздался со всех сторон. Иные предлагали изгнать низкого пропойцу без дальних слов, и это намерение могло бы исполниться, так что тот получил бы полное воздаяние по заслугам, если бы сам не поспешил на попятный, уверяя их с ужаснейшею божбою (проклятия у него никогда не сходили с уст), что лучшего сына, чем он, вовеки не появлялось у святой и истинной церкви. Сдохнуть мне на месте, возопил он, да честной Фрэнк Костелло, который тут перед вами, да он завсегда имел чувства а пуще всего был научен чтить отца твоего и мать твою она у меня умела стряпать пудинг с вареньем язык проглотить всегда ее вспоминаю плачу.

Но вернемся к мистеру Блуму, который при своем появлении уловил кое-какие непристойные шуточки, однако стерпел, решившись смотреть на них как на плоды возраста, в коем, как это многие полагают, человек не ведает жалости. Совершенная правда, что молодые лоботрясы изощрялись в шальных проделках словно большие дети; слова, что слышались в их шумных беспорядочных спорах, были невразумительны и зачастую малопристойны; их грубость и оскорбительные *mots*³⁹ отталкивали от себя его разум; и уж тем паче не были они строги в соблюдении приличий, хотя неистощимые запасы их молодой животной энергии скорей привлекали к ним. Однако слова мистера Костелло звучали для него нежеланным наречием, ибо ему был тошен этот богомерзкий субъект, он казался ему неким корноухим отродьем, уродливо сторбленным, неведомо от кого рожденным и в мир явившимся, как горбуны, уже зубатым и ногами вперед, чему придавали вероятие следы от щипцов хирурга на его черепе, и наводил он его на мысль о том недостающем звене в цепочке творений, которого так искал изобретательный ум покойного мистера Дарвина. Он уж перевалил за половину сроков, отпускаемых нам судьбою, перенес бесчисленные превратности бытия; и, принадлежа к племени осторожному, а также имея редкостный дар предвиденья, давно уже наказал своему сердцу не поддаваться порывам гнева, а, утишая их незамедлительно и искусно, хранить у себя в груди то

³⁸ Беременная (*фр.*).

³⁹ Словечки (*фр.*).

покойное всеприятие, которое низкие люди поносят, скорые на суд презирают, и все находят терпимым – но не больше того. За теми, кто изощряется в острологии за счет хрупкой натуры женщин (наклонность, ему глубочайше чуждая), он не признал бы ни честного имени, ни благородного воспитания; противу же тех, кто, потеряв всякую меру, больше уже ничего не мог потерять, у него оставалось острое оружие – опытность, способная принудить их дерзость к бесславной и беспорядочной ретираде. Это не возбуждало ему сочувствия к пылкой юности, которая, невзирая на шамканье дряхлых и нареканья суровых, извечно стремится (как то выражают целомудренные образы Священного Писателя) вкусить от запретного плода; однако никогда он не мог бы дойти до такого пренебрежения человечностью в отношении к благородной даме, исполняющей возложенный на нее долг. Итак, заключим: хоть прежние слова сестры поддерживали в нем надежды на скорый исход, но, при всем том, нельзя не признать, велико было его облегчение, когда он узнал, что после столь тяжких испытаний благие предсказания сбылись, и через то вновь явлены были всем щедроты и милосердие Верховного Существа.

Свои раздумия, сообразные событию, решил он поведать соседу, изъяснив тому, что, касательно его понятий на сей предмет, его мнение (которого, пожалуй, ему бы не стоило выражать) таково, что лишь имеющий сердце из льда и весь духа состав бесчувственным не возрадуется при вести о завершении ее родов, поскольку достались ей жестокие испытания без всякой ее вины. Нарядно одетый юноша ему отвечал, что вина за те испытания на ее супруге или, по крайности, должна она быть на нем, если только дама не являет собою новую матрону эфесскую. Должен сказать вам, молвил тут мистер Кроттерс, постучав по столу, дабы звучно подкрепить свое сообщение, что ее старый Аллилуй опять приходил сегодня, совсем уже пожилой, с бакенбардишками, и гнусавит в нос, прошу одно словечко, как там Вильгельмина, жизнь моя, это он ее так называл. Я ему наказал быть в готовности, мол, событие вот-вот грянет. Ну и притча, я вам прямо скажу. Я только могу дивиться, какая потенция у этого старикана, если он из своей половины сумел вытрясти еще одного. Все принялись восхвалять его, каждый во что горазд, и только нарядный юноша, как прежде, стоял на том, что это-де некто, а не ее законный супруг, отличился в деле, лицо духовное или факельщик (весьма добродетельный) или бродячий торговец разным товаром, потребным домовитой хозяйке. Сколь изумительна, рассуждал гость сам с собою, сколь несравненна их способность к метемпсихозу, коль скоро и чадовосприимный покой и трупорассекновительный театр ныне обращены у них в академии безнравственного легкомыслия – и при всем том, уже одного вхождения в ученую корпорацию будет довольно, чтобы эти слуги праздных забав во мгновение ока преобразились в примерных служителей того искусства, которое столь многие славные мужи полагают из всех достойнейшим. Однако, прибавил он вслед за тем, может статься, это дает им случай не сдерживать томящих чувств, кои гнетут их в обычной жизни, ибо не раз наблюдал я подтвержденья тому, что рыбак с рыбаком веселятся рядом.

Но по какому праву, позвольте нам спросить благородного лорда, его покровителя, этот чужеземец, лишь милостью доброго государя получивший гражданские права, возводит себя в верховные судьи внутренних наших дел? Где та благодарность, какую предписывает ему уже простая лояльность подданного? Во время недавней войны, когда врагу порой удавалось приобрести перевес своими гранатами, разве этот предатель своего племени не пользовался всякий раз случаем, чтобы обратить оружие против империи, где его до времени терпят, сам между тем дрожа за судьбу своих четырех процентов? Или он позабыл об этом, как предпочитает забывать обо всех получаемых им благах? Или, привыкнув водить за нос других, он одурачил, наконец, самого себя, коль скоро, если слухи не лгут, он сам сделался единственным орудием своего наслаждения? Бесспорный грех против скромности – вторгаться в спальню почтенной дамы, дочери отважного майора, или же допускать хотя бы тень сомнения в ее добродетели, однако, уж если он сам привлекает к тому наше внимание (чего поистине ему бы лучше остерегаться), – что же, будь по сему. Несчастливая женщина, ей слишком упорно и слиш-

ком долго отказывали в ее законных прерогативах, чтобы она могла относиться к его упрекам иначе, нежели с презрением отчаявшихся. Это он-то осмеливается их бросать, этот блюститель нравов, истый пеликан в своей добродетели, он, не посовестившийся, забыв о природных узах, искать незаконных сношений со служанкой, взятою из самых низов общества! Да ведь если бы эта красotka не обрела в своей швабре своего ангела-хранителя, ей досталась бы столь же горькая участь, как египтянке Агари! А что до пастбищ, то здесь его сварливое упрямство давно снискало дурную славу, так что один скотовод, возмущившись, дал ему суровую отповедь в отборных буколических выражениях, чему мистер Кафф был свидетелем. Не слишком ему пристало проповедовать такое писание. Разве нет у него поблизости поля, что лежит невспаханным и ждет плуга? Порочная привычка поры созревания есть срам в зрелом возрасте, но, увы, делается второю натурой. Уж если желает он расточать свой бальзам из Галаада в рецептах и апофегмах сомнительного вкуса, дабы возвращать на стези здоровья желторотых распутников, то подобало бы его делам быть в лучшем согласии с ученьями, коим он ныне привержен. Супружеское его сердце таит секреты, которые благопристойность откажется выносить на свет. Развратные предложенья какой-нибудь увядшей красотки способны утешить его за супругу, отринутую и павшую; однако в обличье новоиспеченного целителя зол и поборника добронравия являет он собой в лучшем случае некое экзотическое древо, что, уходя корнями в землю родного Востока, росло и цвело и источало изобильный бальзам, но, будучи пересажено в более умеренный климат, утеряло былую крепость корней своих, а вещество, из него истекающее, загнило и скисло и утратило силу.

С великою осмотрительностью, достойной придворных нравов Блистательной Порты, новость была доверена второй санитаркою младшему из дежурных представителей врачебного корпуса, и тот, в свою очередь, известил депутацию о появлении на свет наследника. Когда же он удалился на женскую половину, дабы присутствовать на торжественной церемонии отделения послета, с участием государственного секретаря по внутренним делам и членов тайного совета, усталым молчаньем выражавших единодушное одобрение, депутаты, наскучив своим долгим и чинным бдением и уповая, что радостное событие освобождает их от гнета приличий, благо это освобождение облегчалось одновременным отсутствием и камеристки и должностного лица, без промедления пустились в пререканье языков. Тщетно раздавался там голос господина Комиссионера Блума, призывая их к мягкости, сдержанности, спокойствию. Минута была слишком благоприятна для упражнений в том роде речей, который единственно лишь и связывал меж собой эти весьма несходственные натуры. Безжалостный скальпель их не миновал ни единой подробности предмета: врожденная антипатия единоутробных братьев, кесарево сечение, роды после кончины отца или, реже, после кончины матери, братоубийственное дело Чайлдса, что прославилось благодаря страстной речи господина Адвоката Буша, обеспечившей оправдание невиновного, права первородства и получения пособий при рождении двойни или тройни, выкидыши и детоубийства, умышленные либо тайные, лишенные сердца *foetus in foetu*⁴⁰, апросопия от закупорки вен, агнатия неких китайцев без подбородка (случай, сообщенный господином Кандидатом Маллиганом) вследствие несовершенного сращения челюстных выступов вдоль медиальной линии, в каковом случае (по его выражению) одно ухо слышит, что другое говорит, преимущества обезболивания родов посредством снотворных, удлинение времени схваток в последней стадии беременности вследствие давления на вену, преждевременное отхождение вод (наблюдавшееся в настоящем случае), грозящее сепсисом матки, искусственное осеменение с помощью шприца, загибание матки с наступлением менопаузы, проблема продолжения рода в тех случаях, когда женщина зачала при изнасиловании, мучительный вид родов, называемый бранденбуржцами *Sturzgeburt*⁴¹, известные примеры рожде-

⁴⁰ Рождающийся зародыш (лат.).

⁴¹ Стремительные роды (нем.).

ний монстров, двусеменных и многоблизнецовых рождений, случающихся, когда зачатие было кровосмесительным или в период менструации, – словом, все разновидности человеческого рождения, каковые классифицирует Аристотель в своем шедевре, снабженном хромофотографическими иллюстрациями. Глубочайшие проблемы акушерской науки и судебной медицины подвергнуты были разбору с тем же вниманием, что и простонародные поверья, касающиеся беременности, как то: запрет беременной перелезать через плетень, чтобы при таком движении не задушился младенец пуповиной, или же указание ей, если возгорится пылко и тщетно желанием, то пусть прижмет руку к тому своему месту, каковое древним обычаем назначено для телесных наказаний. Такие аномальные отклонения, как заячья губа, родимые пятна, винные пятна, многопалость, синюха, ангиома, кем-то из собравшихся были помянуты как очевидное и естественное гипотетическое объяснение случающихся порою рождений свиноголовых (тут не была забыта мадам Гриссел Стивенс) или покрытых собачьей шерстью младенцев. Гипотеза же плазмической памяти, привлеченная посланцем Каледонии и достойная метафизических традиций представляемой им страны, усматривала в подобных случаях остановку эмбрионального развития на какой-либо из предчеловеческих стадий. Чужестранный депутат, отвергая обе эти теории, отстаивал с жаром почти убедительным теорию о совокуплении женщин с самцами животных, ручаясь за истинность басен, подобных легенде о Минотавре, которую изящный гений латинского поэта поведал нам на страницах его «Метаморфоз». Слова его произвели впечатление немедленное, но эфемерное. Оно исчезло столь же быстро, сколь и явилось, под воздействием речи господина Кандидата Маллигана, которую тот произнес в своем неподражаемом игривом стиле, провозгласив, что наилучший предмет желаний – это славный чистенький старичок. Одновременно с этим господин Депутат Мэдден и господин Кандидат Линч затеяли жаркий спор о юридической и богословской дилемме, возникающей в случае смерти одного из сиамских близнецов прежде другого, и оба решили изложить свои затруднения господину Комиссионеру Блуму для немедленной передачи господину Коадьютору Диакону Дедалу. Последний до этого молчал, повинувшись ли внутреннему голосу или, быть может, желая чрезмерно важною миной подчеркнуть странную чопорность своего наряда, и, будучи спрошен, напомнил кратко и, как показалось иным, с небрежностью, церковное установление, дабы не разлучал человек того, что соединил Бог.

Однако повесть Малахии начала уже наполнять трепетом их сердца. Вся сцена словно ожила перед глазами у них. Внезапно часть стены рядом с камином, скрывавшая потайной ход, бесшумно отошла в сторону, и в глубине показался... Хейнс! Кто из нас не ощутил, как плоть его застыла от ужаса? В одной руке его был портфель, плотно набитый кельтскими сказаниями, в другой – сосуд с надписью «Яд». Изумление, отвращение, трепет были написаны на всех лицах, меж тем как он взирал на них с мертвенною усмешкою. Я предвкушал подобный прием, промолвил он, сатанински расхохотавшись, в котором, надо полагать, повинна история. Да, вы не ошиблись. Я убийца Сэмюэла Чайлдса. Но как я наказан! Ад не страшит меня. Вот внешность, что на мне⁴². Пропасть и вечность, глухо пробормотал он, когда же обрету я покой, по стогам Дублина я влачусь с песенной своей ношей, и неотступно повсюду за мною он, словно *soulth*⁴³, словно *bullawuggus*⁴⁴. Ад мой и ад Ирландии – на этом свете. Как ни пытался я заставить себя забыть! Развлеченья, стрельба ворон, гэльский язык (он произнес на нем несколько фраз), опиум (он поднес к губам свой сосуд), занятия туризмом. Все тщетно! Его призрак преследует меня. Дурман – вот единственная моя надежда... О-о! Гибель! Черная пантера! И неожиданно он с жутким воплем исчез, и стена скользнула на место. Однако через мгновение голова его появилась из противоположной двери и произнесла: Ждите меня на станции Уэстленд-роу в

⁴² Калька английской кальки ирландской идиомы, означающей: «Вот участь, что постигла меня».

⁴³ Явление призрака (*ирл.*).

⁴⁴ Здесь: запах убийства (*ирл.*).

десять минут двенадцатого. Он ушел! Слезы заструились из глаз беспутного сборища. Провидец воздел длань свою к небесам, шепча: Возмездие Мананаана! Мудрые повторяли: *Lex talionis*. Сентиментальным нужно назвать того, кто способен наслаждаться, не обременяя себя долгом ответственности за содеянное. Малахия, охваченный волнением, смолк. Тайна раскрылась. Был третий брат, и этот брат – Хейнс, подлинная фамилия которого – Чайлдс. Черная же пантера – то был он сам, призрак своего собственного отца. Он пил одурманивающие снадобья, чтобы забыться. Признателен я вам за облегчение. Одинокый домик у кладбища необитаем. Ни единая душа не будет там жить. Лишь в одиночестве паук там тклет свою паутину да выглянет крыса из норы ночью порой. Проклятие тяготеет над этим местом. Тут бродит призрак. Тут земля убийцы.

Каков имеет возраст душа человеческая? Коль скоро прирожден ей хамелеонов талант менять оттенки свои при всякой перемене окрест, быть радостною с веселыми, печальной с поникшими, ужели не зрим, что и возраст ее столь же переменчив, как и ее настроенья? И Леопольд, что сидит здесь в раздумьи, без конца перелистывая листы памяти, вовсе уже не тот степенный служитель прессы, владелец скромного состояния в инвестициях. Умчались прочь годы. Он – юный Леопольд.словно в ретроспективном упорядочении, словно зеркало в зеркале (и – раз!), он созерцает себя. Вот юная фигура той далекой поры, она выглядит возмужалой не по годам, свежим холодным утром она поспешает в школу из старого дома на Клэнбрасл-стрит, опоясана ранцем как патронташем, и в ранце – добрый ломоть пшеничного хлеба, забота матери. А вот – та же фигура через год или два, в первом своем котелке (о, это был день!), уже при деле, полноправный коммивояжер в фирме отца, вооруженный книгой заказов, надушенным платком (вовсе не только напоказ), баульчиком с блестящими безделушками (увы, это уже в прошлом!) и неистощимым запасом льстивых улыбок для каждой наполовину поддавшейся хозяйки, прикидывающей цену на пальцах, или для расцветающей юной девы, застенчиво выслушивающей (но голос сердца? признайтесь!) его заученные любезности. Духи, улыбки, а еще важней, темные глаза и елейная обходительность добывали к вечеру немало заказов для главы фирмы, который после подобных же трудов восседает словно Иаков с трубою у домашнего очага (лапша, будьте покойны, вот-вот поспеет) и, вздев на нос круглые роговые очки, читает газету месячной давности с континента. Но дохнули на зеркало: и – раз! – и юный странствующий рыцарь отступает в глубину, делается все меньше, меньше и тает крохотной искоркою в тумане. Ныне он сам уже глава семьи, и те, что окружают его, могли бы быть его сыновьями. Кто здесь скажет? Мудр тот отец, что знает свое дитя. И вспоминается ему ночь с морозящим дождем, там, на Хэтч-стрит, возле запертых складов, та, первая. Они вместе (она – бесприютная бедняжка, дитя позора, твоя, моя, чья угодно за жалкий шиллинг с пенсом на счастье), вместе слышат тяжелый шаг стражей, когда две тени с острыми капюшонами движутся мимо нового королевского университета. Брайди! Брайди Келли! Навсегда ему запомнится это имя, никогда не забудется эта ночь, первая ночь, брачная ночь. В крошечной тьме сплетаются они воедино, жертва и жрец, и во мгновение ока (*fiat!*⁴⁵) море света затопит мир. Однако прильнуло ли сердце к сердцу? Увы, прекрасная читательница! Все свершилось единым духом – однако стойте! Назад! Не надо! Бедняжка в ужасе убегает, скрываясь во мраке. Она невеста ночи, дочь тьмы. Она не станет вынашивать солнцеликое чадо дня. Нет, Леопольд! Ни воспоминанье, ни имя не утешат тебя. Вотще миновало ликующее юное чувство собственной силы. Нет подле тебя сына от чресл твоих. Некому для Леопольда быть тем, кем был Леопольд для Рудольфа.

Голоса сливаются и растворяются в туманном безмолвии, безмолвии беспредельного пространства, и безмолвно, стремительно душа проносится над неведомыми краями бесчисленных поколений, что жили прежде. Край, где седые сумерки вечно спускаются, но никогда

⁴⁵ Да будет! (лат.)

не упадают на светло-зеленый простор пажитей, проливая свой сумрак, сея нетленные росы звезд. Неровным шагом она следует за своею матерью, словно кобыла ведет за собой жеребенка. Сумеречные виденья, однако облеченные в формы магической красоты, статный округлый круп, стройная мускулистая шея, тревожно-кроткие очертания головы. Печальные видения, они меркнут; и вот все исчезло. Агендат – бесплодная пустыня, приют ночных сов и подслеповатых удоов. Златого Нетайма нет больше. Они движутся облачною тропой, призраки скотов, глухим громом отдаются их мятежные рыки. У-уу! Рр-р! У-уу! Параллакс погоняет их, следуя позади, молнии чела его жалят как скорпионы.

Яки, лоси, быки Васанские и Вавилонские, мастодонты и мамонты густым стадом бредут к впадине моря, *Lacus Mortis*⁴⁶. Зловещее, мстительное воинство Зодиака! Они мычат, ступая по облакам, двурогие и козерогие, хоботастые и клыкастые, львиногривые и длиннопантые, пресмыкающиеся и свинорылые, грызуны, жвачные и толстокожие, все их движущееся мычащее скопище, убийцы солнца.

Все дальше, к Мертвому морю бредут они с топотом на водопой, пьют ужасающими глотками и не могут напиться от его соленых, дремотных, неиссякаемых вод. И знак конский вновь растет и восходит среди пустыни небес, едва ли не во всю ширь небосвода, покуда не заслонит своею огромностью дома Девы. И вот, взгляни, о чудо метемпсихоза, то она, присносушая невеста, вестница дневных звезды, невеста и приснодева. То она, Марта, моя утрата, Миллисент, юная, милая, сияющая. Сколь безмятежна она в царственном своем появлении среди Плеяд в последние предрассветные часы, в сандалиях из чистого золота, в уборе из этой, как ее, кисеи. Он окутывает ее, плывет над ее звездною плотью, играет сапфирным и изумрудным, лиловым и яркосолнечным, волнуется токами леденящих межзвездных ветров, свиваясь, кружась, кружа головы бедняжкам, змеясь по небу таинственными письменами, и наконец, после неисчислимых метаморфоз символа, гаснет, Альфа, рубиновый треугольный знак на челе Тельца.

Тут Фрэнсис напомнил Стивену о том, как они вместе учились в школе во времена Конми. Он стал расспрашивать его про Главкона, Алкивиада, Писистрата. Какова участь их? Оба были в неведеньи. Ты говоришь о прошлом и призраках его, молвил Стивен. Но что о них думать? Ежели я через воды Леты вновь призову их к жизни, разве бедные привиденья не поспешат толпой на мой зов? Кто властен над ними? Я, Бус Стефануменос, быколюбивый бард, я им господин и податель жизни. И, улыбнувшись Винсенту, он увенчал непокорные свои кудри короною виноградных листьев. Ответ сей, промолвил на то Винсент, как равно и сей венок, достойней украсили бы тебя, когда б побольше, да намного побольше творений, чем горсточка легковесных од, могли назвать твой гений своим отцом. И все твои доброжелатели с надеждой ожидают того. Все жаждут увидеть во плоти замысленный тобою труд. Сердечно желаю, чтобы не обманулись их ожидания. О нет, Винсент, сказал ободрительно Ленехан и положил руку на плечо ближайшего своего соседа. Можешь не опасаться. Он не оставит мать свою сиротой. Лицо юноши омрачилось. Все могли видеть, как тяжелы ему напоминанья о его обещаниях и свежей его утрате. Он бы покинул пир, если бы шумные голоса вокруг, отвлекая, не унимали боль. Мэдден потерял пять драхм на Короне, поставив на нее из причуды, ради имени жокея; таков же был и убыток Ленехана. Он принялся рассказывать о скачках. Упал флажок, и тут же, у-ух, они все помчались, кобылка взяла резво, свежо, жокей О. Мэдден. Она повела скачку, сердца у всех так и бились. Даже Филлис не могла удержаться, она махала шарфиком и кричала: Урра! Корона побеждает! И тут, уже на последней прямой, когда все шли плотной кучкой, с ними вдруг поравнялась темная лошадка, Реклама, догнала Корону и обскакала. Все было потеряно. Филлис молчала: глаза ее – грустные фиалки. О Юнона, воскликнула она, я разорена, я погибла. Однако она утешилась, когда ее возлюбленный подал ей золотой ларец, в котором лежали кругленькие засахаренные сливы, и охотно скушала дюжину.

⁴⁶ Озеро Смерти (лат.).

Лишь одна-единственная слезинка упала с ее ресниц. Самый лихой жокей, сказал Ленехан, это У. Лэйн. Четыре приза вчера, три сегодня. Кому еще такое под силу? Его посади на верблюда или на дикого буйвола, и он, не торопясь, придет первым. Однако перенесем немилость фортуны, как это умели древние. Милосердие к неудачникам! Бедная Корона! молвил он с легким вздохом. Кобылка, видно, сдала. Ручаюсь, другой такой уж не будет. А какой была, сэр! Не Корона, а королева! Помнишь ее, Винсент? Жаль, ты не видел сегодня мою королеву, отвечал Винсент, во всем ее юном блеске (сама Лалага не показалась бы хороша рядом с ней), в желтых туфельках и в муслиновом платье, не знаю, как этот фасон называется. Кругом стояли каштаны в буйном цвету, воздух был полон их густым ароматом, и облачка пылицы летали повсюду. Камни на солнцепеке нагрелись так, что ничего бы не стоило испечь на них толику булочек с коринфскими плодами, какими Периплепоменос⁴⁷ торгует в своей лавочке у моста. Но ей, увы, было нечего взять на зуб, разве что мою руку, которой я ее обнимал и которую она шаловливо покусывала, когда я жал слишком сильно. Неделью назад она болела, пролежала в постели четыре дня, но сегодня была уже весела и беспечна, смеясь над всеми опасностями. В такую пору она еще соблазнительней. А ее букеты! Вы бы видели, какой она нарвала вокруг, когда мы прилегли на травку. И по секрету, дружище, ты не поверишь, кого мы встретили с ней, когда уже уходили с поля. Конми собственной персоной! Прогуливался вдоль изгороди и что-то читал, верно, свой требник, где вместо закладки у него, я уверен, галантное послание от какой-нибудь Хлои или Гликеры. Милая моя бедняжка от смущенья не знала, куда деваться, сделала вид, словно поправляет платье, какая-то веточка пристала к нему, как будто даже деревья волочатся за ней. Когда Конми прошел, она вынула маленькое зеркальце, которое всегда у нее с собой, и поглядела на свое прелестное эхо. Но он был милостив. Дал нам благословение. Боги тоже должны быть милостивы, откликнулся Ленехан. Уж раз у меня неудача с кобылкой Басса, так, может быть, его снадобье пойдет мне на пользу. И он уже взялся было за ближний сосуд с вином, однако Малахия увидел это и удержал его, показывая на незнакомца и на красный ярлык. Тихо, прошептал он им, берегите молчание друида. Душа его далеко отсюда. Быть может, пробуждаться от видений столь же мучительно, как рождаться на свет. Любой предмет, при напряженном его созерцании, может служить вратами вхождения в нетленный эон богов. Ты с этим согласен, Стивен? Об этом поведал мне Теософий, отвечал Стивен, коего в предыдущем воплощении египетские жрецы посвятили в тайны кармического закона. Ярко-оранжевые повелители луны, так говорил Теософий, приплывшие с планеты Альфа лунной цепи, не допускают эфирных двойников, и оттого последние были воплощены темно-красными эго из второго созвездия.

Однако на деле несуразная идея о том, будто бы он пребывал в некоем гипнотическом либо ипохондрическом состоянии, была всецело порождена самым поверхностным заблуждением и вовсе не отвечала действительности. Индивид, зрительные органы которого, покуда все это происходило, при данных обстоятельствах начали подавать признаки оживления, был зорек не меньше, если не больше любого из живых смертных, и всякий, допустивший противное, не успев оглянуться, сел бы в калошу. В течение последних четырех минут (или, возможно, пяти) он пристально смотрел на некоторое количество пива марки «Басс, номер первый», разлива фирмы Басс и К°, в Бертоне-он-Трент, которое оказалось, среди прочих бутылок, в точности напротив него и было явно рассчитано на то, чтобы привлекать внимание своей ярко-красной наружностью. Он попросту всего-навсего, как далее обнаружилось по причинам, что лучше всех ведомы ему самому и дали совсем иную окраску происходящему, после предыдущих минут раздумий о днях своего отрочества и скачек, предался воспоминаниям о двух или трех частных своих поступках, в коих те двое были неповинны как нерожденный младенец. Однако в конце концов четыре их глаза встретились, и едва его осенило, что тот возна-

⁴⁷ Бродячий торговец фруктами (*греч.*).

мерился овладеть предметом в видах использования по назначению, как он неожиданно для себя решил в тех же видах сам воспользоваться последним и сообразно сему, взяв за горло средних размеров стеклянный приемник с искомою жидкостью, проделал в нем пространную пустоту, излив солидную часть содержимого наружу, однако равномерно направив неусыпную внимательность, чтобы ничего не расплескать из бывшего внутри пива.

Дальнейшие дебаты своим содержанием и развитием как бы изобразили в миниатюре течение самой жизни. И место собрания и его участники блистали неоспоримыми достоинствами. Дебатирующие принадлежали к числу самых незаурядных людей страны, предмет же их спора был благороден и важен. Высокие своды Хорновых хором никогда не видали столь представительного и многоликого общества, и старинные балки сего учреждения вовеки не слыхивали речей столь энциклопедических. Поистине, то было живописное зрелище. Там восседал в конце стола Кроттерс в экзотическом шотландском наряде, с лицом, выдубленным суровыми ветрами Малл-оф-Галловей. Напротив него помещался Линч, на лице у которого уже читались стигматы ранних пороков и преждевременной опытности. Место рядом с шотландцем занимал Костелло, субъект с большими причудами, подле которого громоздилась грузная флегматичная фигура Мэддена. Кресло здешнего обитателя оставалось незанятым перед камином, но зато по обе стороны от него являли резкий контраст друг другу Баннон, одетый как путешественник, в твидовых шортах и грубых воловьих башмаках, и лимонножелезный Мэйлахи Роланд Сент-Джон Маллиган, сияющий элегантностью и столичными манерами. И наконец, во главе стола обретался юный поэт, в дружеском оживлении сократической беседы нашедший убежище от педагогических трудов и метафизических созерцаний, а справа и слева от него располагались незадачливый предсказатель, явившийся прямо с ипподрома, и неутомимый наш странник, покрытый пылью дорог и битв, познавший неизгладимое бесчестие и позор, но вопреки всем соблазнам и страхам, тревогам и унижениям нерушимо хранящий в своем стойком и верном сердце тот пленительно-сладострастный образ, что был запечатлен для грядущих веков вдохновенным карандашом Лафайетта.

Целесообразно указать здесь же, в самом начале, что извращенный трансцендентализм, к которому суждения мистера С. Дедала (Скеп. Богосл.) показывают его неизлечимое, по всей видимости, пристрастие, идет целиком вразрез с установившимися научными методами. Наука, это необходимо подчеркивать беспрестанно, рассматривает лишь чувственные феномены. Человек науки, как и любой смертный, должен исходить из самых обыкновенных фактов, которые нельзя обойти, и должен пытаться дать им наилучшее объяснение. Имеются, совершенно верно, отдельные вопросы, на которые наука еще не нашла ответа, – как, например, первая из проблем, поставленных мистером Л. Блумом (Рекл. Аг.), то есть проблема предсказания пола младенца. Должны ли мы принять точку зрения Эмпедокла из Тринакрии, согласно которой правый яичник (по иным утверждениям, в постменструальный период) обеспечивает рождение мальчиков, или дифференцирующими факторами служат столь долго недооцениваемые сперматозоиды, иначе немаспермы, или же, как склонны полагать многие эмбриологи, в частности Калпеппер, Спалланцани, Блюменбах, Ласк, Хертвиг, Леопольд и Валенти, имеет место и то и другое? Последнее было бы равносильно сочетанию (одному из самых излюбленных приемов природы) *nisus formativus*⁴⁸ немасперма, с одной стороны, и удачного выбора положения, *succubitus felix*⁴⁹, пассивного элемента – с другой. Вторая проблема, поднятая тем же исследователем, нисколько не менее насущна – это смертность младенцев. Здесь примечательно то, что, по глубокому его замечанию, мы все рождаемся одинаковым образом, но умираем весьма по-разному. Мистер М. Маллиган (Hug. et Eug. Doc.⁵⁰) возлагает вину на сани-

⁴⁸ Формообразующий импульс (лат.).

⁴⁹ Удачное низлежание (лат.).

⁵⁰ Доктор Гигиены и Евгеники (лат.).

тарные условия, из-за которых наши городские жители с их серыми легкими приобретают аденоиды, болезни дыхательных органов, etc., будучи вынуждены вдыхать кишачих в пыли бактерий. Как он утверждает, именно эти факторы, а также отвратительные картины на наших улицах – безобразная реклама, служители религии всех конфессий и рангов, искалеченные солдаты и матросы, извозчики, щеголяющие цинготными язвами, развешанные останки мертвых животных, холостяки-параноики и неоплодотворенные приживалки, – вот что, по его словам, является истинной причиной вырождения нации. Он предсказывает, что каллипедия очень скоро получит всеобщее признание, и все лучшие блага жизни, подлинно хорошая музыка, занимательная литература, легкая философия, поучительные картины, копии классических статуй, прежде всего Венеры и Аполлона, цветные художественные фотографии образцовых младенцев, – все эти небольшие знаки внимания помогут дамам, находящимся в интересном положении, провести положенные месяцы самым приятным образом. Мистер Дж. Кроттерс (Disc. Bacc.⁵¹) относит известную часть из обсуждаемых смертных случаев на счет брюшных травм у женщин-работниц, принуждаемых на работе к тяжелому труду, а дома – к супружеской дисциплине, но подавляющее большинство – на счет небрежения (как официального, так и частных лиц), вершиною которого являются подбрасывание новорожденных, криминальные аборт и чудовищное преступление детоубийства. Хотя последнее (мы говорим о небрежении) отнюдь не может оспариваться, однако случай, им приводимый, когда сестры забыли пересчитать губки в брюшной полости, слишком редок, чтобы считаться типичным. В действительности же при ближайшем рассмотрении представляется удивительным скорее то, что столь многие беременности и роды проходят совершенно благополучно, если учесть все факторы, включая и наши человеческие недостатки, которые сплошь и рядом мешают осуществиться начертаньям природы. Мистер В. Линч (Bacc. Arith.⁵²) выдвинул глубокомысленную идею, согласно которой рождаемость и смертность, равно как и все прочие феномены эволюции, приливные движения, фазы луны, температура крови, заболевания – словом, все совершающееся в необъятной мастерской природы, от гибели отдаленных солнц и до расцветания любого мельчайшего цветка среди украшающих наши городские парки, – все это подчиняется некоему числовому закону, который пока не открыт. Однако с другой стороны, простой и прямой вопрос, отчего ребенок нормальных и здоровых родителей, по всем признакам и сам здоровый, имеющий правильный уход, непонятным образом умирает в раннем детстве (хотя с другими детьми от того же брака этого не происходит), заведомо, говоря словами поэта, велит нам призадуматься. Поскольку нельзя усомниться в том, что природа за каждым своим действием имеет благие и основательные причины, то, по всей вероятности, подобные смерти вызываются неким законом предвосхищения, в силу которого организмы, избранные для своего обитания болезнетворными бактериями (современная наука доказала окончательно, что одно только вещество протоплазмы может считаться бессмертным), предрасположены исчезать на гораздо более ранних стадиях развития – особенность, хотя и причиняющая страдания нашим чувствам (в первую очередь материнским), однако в конечном итоге, как некоторые из нас полагают, благотворная для рода в целом, поскольку она обеспечивает выживание наиболее приспособленных. Замечание (или уместней его называть вмешательством?) мистера С. Дедала (Скеп. Богосл.) о том, что всеядное существо, способное с завидной невозмутимостью разжевать, проглотить, переварить и вывести через обычный канал столь разнородные продукты питания, как канкреозные женщины, истощенные родами, тучные мужчины свободных профессий, не говоря уже о желтушных политиках и малокровных монашках, возможно, испытало бы желудочное облегчение, невинно закусывая валким телком, показывает как нельзя ясней и в самом отрицательном свете ту тенденцию, намекнуть на которую мы позволили себе выше. Для сведения

⁵¹ Бакалавр Риторики (лат.).

⁵² Бакалавр Арифметики (лат.).

же тех, кто не успел свести с бытом городской бойни столь тесного знакомства, как то, которым кичится сей эмбрион философа и болезненно чувствительный эстет, в делах научных полный тщеславной самонадеянности, но едва ли способный отличить кислоту от щелочи, возможно, следует пояснить, что на грубом наречии хозяев наших трактиров самого низкого пошиба валким телком именуют пригодное для стряпни в пищу мясо тельца, свежееисшедшего из чрева матери. В недавнем публичном диспуте с мистером Л. Блумом (Рекл. Аг.), происходившем в большом зале Центрального Родильного Дома, Холлс-стрит, 29, 30 и 31, главою которого является, как известно, наш талантливый и знаменитый доктор Э. Хорн (Вр, – Ак., Б. В.-П. К. О. И. В.⁵³), согласно свидетельствам очевидцев, он утверждал, что если женщина впустила котика в мешок (как можно догадываться, намек нашего эстета на один из самых сложных и удивительных природных процессов, акт полового соединения), то она должна также и выпустить его, или же дать ему жизнь, чтобы, как он выразился, спасти свою собственную. С риском для своей собственной, последовала на то уместная реплика собеседника, которой придавал еще больше веса его сдержанный и достойный тон.

Тем временем искусство и терпение врача привели к благополучному разрешению от бремени. Трудным, о каком трудным оказалось оно и для страждущей, и для ее доктора. Все, что способно сделать акушерское искусство, было сделано, и отважная женщина содействовала этим усилиям с решимостью, не уступавшей мужской. Мы смело поручимся за это. Добрым подвигом подвизалась она, и теперь наконец была счастлива, счастлива целиком. Казалось, и те, что уже покинули этот мир, что ушли прежде нас, счастливы тоже, с улыбкою взирая с небес на трогательную картину. Благоговейно взглянем и мы: вот труженица устало склонилась на подушки, материнское чувство светится в ее глазах, неутраченный голод по маленьким пальчикам дитяти (как сладко смотреть на это), и в первом расцвете своего нового материнства она возносит безмолвную благодарственную молитву Единому в вышних, Супругу Небесному. И с бесконечною нежностью взирая на своего малютку, она жаждет еще одной только милости – чтобы ее славный Доди был бы здесь, рядом, и разделил ее радость, и заключил бы в свои объятия эту малую кроху глины Божией, плод их освященной любви. Теперь уж он постарел (мы с вами можем это шепнуть друг другу), немного согбен в плечах, и все же в вихре лет прилежный младший бухгалтер Ольстерского банка, того отделения, что на Колледж Грин, обрел достоинство и солидность. О Доди, возлюбленный былых лет, верный жизненный спутник ныне, она никогда уж не повторится, далекая пора роз! Покачивая красивой головкой – ее прежний жест! – она вспоминает. Боже, как прекрасны те дни сейчас, в дымке ушедших лет! Но в то же время и дети их, его и ее, толпятся в ее воображении вокруг ее ложа, Чарли, Мэри Элис, Фредерик Альберт (будь он в живых), Мейми, Баджи (Виктория Фрэнсис), Том, Виолетта Констанция Луиза, милый крошка Бобси (названный в честь нашего знаменитого героя Южно-Африканской войны, лорда Бобса Уотерфордского и Кандагарского), и вот теперь – новый залог их союза, самый чистейший Пьюрфой, какой только может быть, с чисто пьюрфойским носом. Юное сокровище назовут Мортимер Эдвард, в честь четвероюродного брата мистера Пьюрфоя, влиятельного лица в Дублинском замке, в ведомстве задолженностей по казначейству. Так время влачится своим путем; однако здесь рука отца Хроноса была покуда легка. Нет, пусть не вырвется вздох из твоей груди, о добрая Майна. А ты, Доди, когда пробьет твой час (да не настанет скоро сей день!), выбей пепел из старой вересковой трубочки, столь любимой тобою, и погаси светильник, при котором читал ты Священное Писание, ибо уже иссякает масло в светильнике, и с сердцем чистым отойди на ложе упокоения. Он знает, и Он призовет тебя в час, угодный Ему. Ты также подвизался подвигом добрым и исполнил славно свое дело мужа. Вот вам моя рука, сэр. Все хорошо, добрый и верный раб!

⁵³ Врач-Акушер, Бывший Вице-Президент Королевского Общества Ирландских Врачей.

Существуют грехи или (назовем их так, как называет их мир) дурные воспоминания, которые человек стремится забыть, запрятать в самые дальние тайники души, – однако, скрываясь там, они ожидают своего часа. Он может заставить память о них поблекнуть, может забросить их, как если бы их не существовало, и почти убедить себя, что их не было вовсе или, по крайней мере, что они были совсем иными. Но одно случайное слово внезапно пробудит их, и они явятся перед ним при самых неожиданных обстоятельствах, в видении или во сне, или в минуты, когда тимпан и арфа веселят его душу, или в безмятежной прохладе серебристо-ясного вечера, или посреди полночного пира, когда он разгорячен вином. И это видение не обрушится на него во гневе, не причинит оскорбления, не будет мстить ему, отторгая от живущих, нет, оно предстанет в одеянии горести, в саване прошлого, безмолвным и отчужденным укором.

Незнакомец все еще наблюдал, как на том лице, которое он видел перед собой, медленно исчезает притворное спокойствие, казалось, лишь в силу привычки или заученной позы сопровождавшее слова, озлобленная резкость которых обличала в говорящем болезненное пристрастие, *flair*⁵⁴, к жестоким сторонам бытия. В памяти наблюдателя сама собою всплывала сцена, вызванная к жизни столь обыденным и простым словом, что, можно было подумать, те давние дни поистине пребывали там (в чем и убеждены некоторые) со всею осязательностью своих удовольствий. Майский погожий вечер, подстриженная лужайка, достопамятные купы сирени в Раундтауне, белые и лиловые соцветья, стройные и благоуханные зрители игры, с большим интересом следящие за шарами, что катятся медленно по зеленой траве или, столкнувшись, останавливаются друг подле друга, чутко вздрогнув и замерев. Поодаль у серого фонтана, чьи мерные струи задумчиво предаются орошению, виднеется еще одно благоухающее соцветие, сестрицы Флуи, Этти, Тайни и с ними темноволосая их подружка, что-то неуловимо останавливающее было тогда в ее позе, Мадонна с Вишнями, две изящные вишенки свешивались с ее ушка, и теплый нездешний тон ее кожи так утонченно подчеркивали прохладные рдеющие плоды. Мальчуган лет пяти или четырех в полушерстяном костюмчике (пора цветенья, но весело будет и с друзьями у очага, когда вскоре соберут и спрячут шары) стоит на кромке фонтана в кольце заботливых девичьих рук. Он слегка хмурится, в точности как сейчас этот юноша, слишком, пожалуй, сознательно наслаждаясь опасностью, однако чувствует необходимость время от времени поглядывать в сторону выходящей на цветник *piazza*⁵⁵, где сидит и смотрит на него его мать, в веселом взгляде которой таится легкая тень отрешенности или упрека (*alles Vergängliche*⁵⁶).

Отметь это на будущее и запомни. Конец приходит внезапно. Войди в это преддверие рождения, где собрались просвещающиеся, и взгляни на их лица. Кажется, что в них нет ничего поспешного, ничего невоздержного. Скорее, чуткое спокойствие стражей, подобающее их служению в этом доме, бдение пастухов и ангелов вокруг яслей в Вифлееме Иудейском, в давние времена. Однако, подобно тому как перед ударом грома сгрудившиеся грозовые тучи, огрузнув от преизбытка влаги, громоздятся огромными разбухшими массами, оковывая небо и землю одним всеохватным оцепенением, нависая над иссохшими нивами и дремлющими быками и увядшею порослью кустов и трав, пока во мгновение ока вспышка молнии не расколет самое их нутро, и под громовые раскаты не изольются потоки вод, – именно так и не иначе, неистово и мгновенно преобразилось все, едва произнесено было слово.

К Берку! первым, с призывным кличем, выскакивает милорд Стивен, и весь тамошний сброд мчится следом, задира и грубиян, жулик и шарлатан, и Блум-педант по пятам, и все разом расхватывать шляпы, шпаги, трости, панамы, ножны, альпенштоки и что попадется. Горячая

⁵⁴ Чутье (*фр.*).

⁵⁵ Площадка (*ит.*).

⁵⁶ Все преходящее (*нем.*).

юность, кровь с молоком, голубая кровь. В коридоре ошеломленная сестра Каллан бессильна их удержать, равно как и улыбающийся хирург, спустившийся вниз с известием об успешном отделении последа, на добрый фунт, разве без миллиграмма. Двигай следом! ему команда. Дверь! Открыта? Ха-ха. Скопом наружу и бодрой рысцей в пробежку. К Берку, на угол Дензилл и Холлс, вот им куда. Диксон распекает их на чем свет, но вскоре, сдавшись и чертыхнувшись покрепче, двигает следом. Блум задержался возле сестры, желая передать поздравление счастливой матери с новорожденным там, наверху. Главное – питание и покой. А у нее самой не изменился ли вид? Бденья в хоромы Хорна ясно читаются в этой меловой бледности. Кругом никого, и, решив отпустить шуточку на подходящую тему, он ей шепчет на ушко, уходя: Мадам, а когда же к вам прилетит аист?

Воздух снаружи насыщен дождевой влагой, небесною субстанцией жизни, поблескивающей на дублинских булыжниках под яркозвездным соelum⁵⁷. Воздух Божий, воздух Отца всех и вся, воздух искрометный, всепроникающий, рождающий. Глубже вдыхай его. Видит небо, Теодор Пьюрфой, ты отлично управился, не оплошал! Клянусь, ты самый выдающийся производитель, без всякого исключения, во всей этой склочной, всевместительной, сверхзапутанной истории. Восхищенья достойно! Внутри у нее лежала Возможность, Богом данная и Богом оправленная в оправу известной формы, и ты ее оплодотворил из скромных своих мужеских средств. Держись же за нее! Служи! Трудись и дальше, работай как верный пес, и к дьяволу всех мальтузианцев и всю ученость. Еси многоотец, папочка им всем, Теодор. Гнешься под тяжким бременем, замученный счетами от мясника и слитками золота (чужого!) у себя в банке? Выше голову! За каждого новозачатого пожнешь ты хомер спелой пшеницы. Взгляни, руно твое увлажнилось. Надеюсь, нет зависти у тебя к Дерби Далмеру с его Джоан? Крикливый попугай да паршивая дворняга – вот все их потомство. Тьфу, вот что я скажу! Он просто мул, дохлый брюхоног без всякого запаса силенок, ломаный крейцер ему цена. От их соития никакого события! Нет и нет, я скажу! Иродово избиение младенцев, вот как это надо назвать. Скажите пожалуйста, овощи и бездетное сожительство! Давай ей бифштексы, сырые, красные, с кровью! Она ж превратилась в пандемониум всех недугов, у нее гланды, свинка, волдыри, чирьи, пролежни, бородавки, сенная лихорадка, дербиширский зуб, стригущий лишай, блуждающая почка, желчные камни, приступы печени, медвежья болезнь и вздутые вены. Конец панихидам и плачам и причитаниям и всей застарелой заукойщине! Довольно, наслушался за двадцать лет. С тобой не так, как со многими, которые хотят, потом погодят, потом подумают и раздумают. Ты нашел свою Америку, свое дело жизни, ты покрывал ее яро, как американский бизон. Как там говорит Заратустра? *Deine Kuh Trübsal melkest Du. Nun trinkest Du die süsse Milch des Euters*⁵⁸. Взгляни! Вот оно льется в преизобилии для тебя. Пей, человек, сколько есть в этом вымени! Молоко матери, Пьюрфой, молоко роты человеческой, и молоко звездного пути, сверкающего сквозь тонкую пелену дождя, и молочко бешеной коровки, на которое кинутся в кабаке буйные питухи, и молоко безумия, и млеко и мед земли Ханаанския. Слишком туги сосцы коровы твоей? Пусть, но молоко ее теплое и сладкое и густое. Настоящий жирный *bonnyclaber*⁵⁹, не что-нибудь. Припади же к ней, старый патриарх! Испей! *Per deam Partulam et Pertundam nunc est bibendum!*⁶⁰

Из хором Хорна хором дернули все дерябнуть, взявшись за руки, горланя на всю округу. По правилам, путников и поздней обслуживат. Где нынче дрых? Тим Гнутая Кружка. Друг ситный. А есть у нас кто в кумпании окалошные? Где там чертовы костоправ и барахольщик? Звиняюсь, я почем знаю. Ура, вон он, Дикс! Жми-нагоняй, галантерея. А Панч где? Тих и ясен.

⁵⁷ Небо (лат.).

⁵⁸ Ты доишь корову твою по имени Скорбь. Ныне пьешь ты сладкое молоко ее вымени (нем).

⁵⁹ Пахта (ирл.).

⁶⁰ Во имя богинь Партулы и Пертунды сейчас надлежит нам выпить! (лат.)

Эва, глянь, из родилки пастор ползет под мухой! *Benedicat vos omnipotens Deus, Pater et Filius*⁶¹. Подайте, мистер. Молодцы с Дензилл-лейн. Тыща дьяволов! Вали с дороги. Абрам, шарахни-ка их с этой треклятой сцены. Изволите с нами, судырь? Не лезем не в свое тело. А Лу прям чок какой добрячок. Усе с аднаво теста. *En avant, mes enfants!*⁶² Орудие номер один, пли! К Берку! Итак, прошли они пять парасангов. Конная пехота Слэттри. Где этот гнусный офицер? Стиви-пастор, толкни-ка нам Верую неверных! Не пойдет, Маллиган! Там, на корме! Полный вперед. Время поджигает. Скоро вышибать будут. Малли! Чего там с тобой? *Ma mère m'a mariée*⁶³. Британские блаженства! Тррам тарарам парапапам. Хехейсу в книжицу. Выпустит издательство Дрын Друида. Переплетут две девы, бывшие в переплетах. Обложку телячьей кожи цвета мочи с прозеленью. Моднейший тон в современной живописи. Прекраснейшая из книг Ирландии на моем веку. *Silentium!*⁶⁴ Совершаем бросок. Ми-ирна! Задание: продвигаемся до ближайшего кабака и захватываем склады горючего. Арш! Трюх трюх трюх, мы все (равняйсь!) за пивом. Бутылка, бифштекс, бизнес, библия, бульдоги, броненосцы, бардаки и богослужители. Иль взойдем на эшафот. Бифштекс с бутылкой перевесят Библию. Если за Ирландию родную. Перевешаем перевесивших. Чертобразие! Держать строй! Мы умрем. Богослужителю бочку вместо бутылки. Стоп! Ложись в дрейф. Как в регби. Все в свалку. Игроков не пинать. Аай, моя лапка! Ах, вы задеты? Три короба извинений!

Вопрос такой. Кто нам ставит по? Гордый владелец шиша с маслом. Объявляю банкротство. Продулся в пух. Миа ниодина сольди. К концу недели ни медяка. А вам? Напиток наших отцов для *Übermensch*'а. То же самое. Пять пива «Басс номер первый». Вам, сэр? Имбирного безалкогольного. Держите меня, это чем извозчики лечатся. Масса калорий. Заводит свою тиктаку. Остановились навсегда в тот миг когда старик. Абсент для меня, ферштейн? Карамба! Лучше хлебни рассолу. Чево натикало? Мои золотые в закладе. Без десяти. Дьявольски признателен. Право, не за что. А у него травма груди была, Дикс? Знамо дело. Он у своему садику храпака ан тут ево шмелина и тяпни. Фатера возле Скорбящей. Охомутовый. А фрау видал его? Всеконечно видал. В дверь с трудом. Глянуть бы на нее в безбелье. Товар люкс. Хороша миляга здорова как фляга. Это вот да, не вашей тощей породы. Ах, закрой занавески, мой милый. Два Ардиллона. Сюда то же самое. Гляди, скользко. Загремишь – вставай, не валяйся. Пять, семь, девять. Готов! Не парни у ней пара буферов закачаешься. С ей бы под ручку к койке и к бочке рому. Не увидав не поверишь. Твой шалый взгляд и облевастровую шею я как завизжу сразу так и млею. Грязища – увязнуть. Сэр, а сэр! Картошка, это от рифматизмы? Ввы извините я что скажу ну только это есть чушь собачья. Для хой-полоев⁶⁵. Питаю опасение, вы полный лопух. Ну как, док? Вылез из своей Родляндии? Надеюсь, вашему толстомордию там окей? Как сквау с красножопыми крохами? Какая-нибудь еще опросталась? Стой, стрелять буду. Пароль. Держи хрен вдоль. Нам смерти белизна и алое рожденье. Привет. Не плюй себе на жилет. Деша от комедьянта. Умыта у Мередита. Ах он исусистый яйцедавленный клопозаеденный езуит! Тетушка меня кропает папане его. Клинка. Бяка Стивен сбил с пути паиньку Малахию.

Урря! Налетай на мяч, молодой-ранний. Бражку по кругу. Эй, горец-пивоборец, вот оно, твое ячменное пойло. Да смердит твоя печка две тыщи лет и не переводится похлебка на ней! Я ставлю. Мерси. Наше здоровье. Ты куда? Положение вне игры. Не лей на мои шикарные шкары. Которые там, перекиньте перцу. Держи. Нам ефта пряность повысит пьяность. Вдомек? Прон-

⁶¹ Да благословит вас всемогущий Бог, Отец и Сын (лат.).

⁶² Вперед, дети мои! (фр.)

⁶³ Моя мама замуж выдала меня (фр.).

⁶⁴ Молчание! (лат.)

⁶⁵ *Noi polloi* – толпа, простонародье (греч.).

зительное молчание. Всяк молодчик к своей марушке. Венера Пандемос. *Les petites femmes*⁶⁶. Отчаянная девчоночка из Маллингара. Шепни ей нащет нее интиресуюца. Сэру нежно обнял он. На дороге в Малахайд. Я? Пускай от нее что пленила меня осталось лишь имя одно. А ты хрена ли ждал за девять пенсов? Мачри макрускин⁶⁷. Плясики на матрасике с охочей Молль. Гребля всем хором. Класс!

За мздой, х'зяин? Как пить дать. Об заклад на твои колеса. Шары выкатил чо финаги ему не сызем. Кумекаешь? Вон у тово бабок адлиб⁶⁸. Токатока зырю маа у ево три червонных григ все ево. Нас кто всех свиснул ты или кто? И чешишь паря. На кон капусту. Два рваных с круглым. Гли не слиняй шустрить поднатыкался у лягушатников. Мы тут сам сусам. Наса мальсика заглустила. Зырю под нас ушлая чернота подваливает. А ты жох парняга. И вот мы под хмельком. Так славно под хмельком. Орезервуар, мусью. Балшой писиба.

Пра-слово. Слышь что талдычу? В пивнуху-потаюху. Там залейся. Ушвоил, шудырь. Бэн-там, два дня без капли. Он клялся пить одно бордо. Хряй к ляду! Гли сюда, ну. В бога, чтоб я подох. Надрался и накололся. До того бухой ни бумбум. И с ним темный хмырь хромой. Во, это ж надо так! А он оперу любит? Роза Кастилии. Рожа-костыль. Полиция! Подать H₂O, джентльмену дурно. Гли, а у Бэнтама цветочки. Братья родные, пошел драть глотку. О коллин бон. Ах коллин бон. Эй ты, замри! Кто там, засуньте ему сапог в хлебало. Ставил на победителя, пока я ему не дал верняка. Дьявол бы оторвал башку Стивену Хэнду, он ведь меня навел на эту вшивую клячу. Словил огольца-разносчика, у того депеша в околоток от босса бассовой всей конюшни. В лапу медяк, и по сэру Грэхэму. Кобылка в лучшей форме. Всех уделает за глаза. А депеша параша. Вот те истинный крест. Уголовно наказуемо? Я так считаю, да. Думать нечего. Кутузка без разговору, если законники копанут. Мэдден ставил на Мэддена, после рвал и мэддал. О похотение, нам прибежище и сила наша. Отчаливаю. Чо, поспешаешь? К мамочке. Ах, постойте. Вы должны прикрыть мою краску стыда. Если он меня выследил, все погибло. Бэнтам, по домам, старина. Адье, мовье⁶⁹. Не забывай свои лютики. Зазнайся-ка. Ну кто тебя навел на того жеребчика. Между нами. Как на духу. И Старого Хрена, ея супруга. Ну расколись, Лео, друг ситный. На честность, а? Провалиться, если я кому. Ты же самый наш закадычный пузатый святой отец. Так какого ж ты рожна запираешься? Уу, пархатый, устроим тебе мацу. И во имя хрена Господа нашего, аминь.

Вносишь предложение? Стиви, малыш, ну ты у нас клад. Есть тут еще чертово зелье? Не позволит ли наш благородственный великолепственный целовальник одному целомудреннику, существу в полной отошталости и эпохальной ультрафеноменальной охочести до сивухи, завершить одно роскошественное клевое возлияние? Фу, вспотел. Хозяин, дай вина скорей, стакан полней, стакан полней, Стабу Стабелла! Слышь, нам бы по наперсточку, на предмет дегустации. Повторить. Давай, Бонифаций! Абсент всей компании. *Nos omnes biberimus viridum toxicum, diabolus cariat posteriora nostra*⁷⁰. Джентльмены, мы закрываем. Как? Амброзии для барина Блума. Ну-ка, кто может сказать превысоко-превосходительство? Блу? Который рекламки клянчит? Папуля фотодевчонки, вот это номер. Трушище, трусим отсель. Смываемся. *Bonsoir la compagnie*⁷¹. И от козней врага злого, сифилиса. А куда ж это Бык со слюняйчиком? Слиняли? Совершили побег. Ладно, каждому своя дорога. Шах и мат. Король против ладьи. Добрыи Христиани памагити йунаши, укаторава друк атапрал ключат хижыны найти угал где йэму прикланить свайу увеньчану голаву в 7 горади. Никак я закосел, ну потеха.

⁶⁶ Маленькие женщины (фр.).

⁶⁷ Мое сердце, моя кружка (ирл.).

⁶⁸ Сколько угодно (лат.).

⁶⁹ *Искаж.* Adieux, mon vieux – прощай, старина (фр.).

⁷⁰ Мы все будем пить зеленый яд, а последки наши пойдут дьяволу (лат.).

⁷¹ Добрый вечер компании (фр.).

Порви мне шкары паршивый пес, когда у нас это не самая разухабистая раздухаристая распойка. Итак, о трактирщик, парочку бисквитов для этого детки. В кровь и в душу, как, нету? И ни на жуб жырку? И низринь его сифилиса во ад и вкупе с ним все разрешенные к продаже спиртные напитки. Время, джентльмены! Кои рыщут по свету. За всех присутствующих. *A la vôtre!*⁷²

Умора, братцы, а ктой-то этот выпердыш в макинтоше? Пыльный Родси. Из какой помойки он шмотье вытащил? Мать родная! А чем это он разжился? Юбилейный барашек. Ха, глянь-ка, Боврил. Ну сердяга дошел. Знакомы ль вам те рваные носки? Никак голодраный гриб из Ричмонда? Об заклад, он! Он думал, у него хер свинцовый. Может симулировал. Мы его звали Бартл-Хлебожор. Прежде, о сэры, это был почтеннейший обыватель. Оборванец бедный жил, он сиротку полюбил. Но она от него сбежала. Перед вами несчастный покинутый. Макинтош, скитающийся в диких каньонах. Тяпнул и двигай. Прикрывают. Где легавые дело крант. Чего? Видал его сегодня на прогребении? Что, кореш какой дал дуба? Аяяй, вспомил! А мал-мала, горе-то! Ты не трави мне душу, Польди керя! Ужь мы исключались в слезах думали утопнем кады глим прут друга Падни в черном мешке. Изю всей черноты Масса Пат была самая лутше. О да, я отроду не встречал подобных ему. *Tiens, tiens*⁷³, но все это грустно, дружище, грустно. Да не заливай, газанул на подъеме один к девяти. Авто на подвижных осях это лапша. Два против одного, Енаци ему утрет нос как младенцу. Япошки? Навесной огонь, *inyah!*⁷⁴ Потопили, в спецвыпусках было. Тем, грит, для него хуже, а не для русских. Время вышло. Их одиннадцать было. Двигайте, двигайте. Клячи косые, шевелись! Доброй. Доброй. Да сохранит твою душу Всевышний Аллах в эту ночь.

Постой-ка! Мы славно под хмельком. А ну скажи: полиция с палицей налицо. Налиция полицо. Остерегись, орлы, он тут блюет. Бунт в брюшной волости. Оппа. Доброй. Мона, моя верная любовь. Оп. Мона, ты одна моя любовь. Пам.

Слышите? Прикрой-ка свою коробочку. Бамм! Бамм! Огни. Вон она мчит. Пожарная! Поворачивай оглобли. Через Меррион-сквер. Срежем. Бамм! Понеслись? А вы не? Галопом, рванули, кто скорей. Баамм!

Линч! Ну? Швартуйся ко мне. Сюда в сторону Дензилл-лейн. Пересадка на Веселые Дома. Она сказала, мы вдвоем бардак хорошенький найдем, там есть оторва Мэри. Я чо, я с милой душой.

*Laetabuntur in cubilibus suis*⁷⁵. Где ты там? Шепни-ка мне, кто он, черт побери, этот чудик в черном? Тсс! Согрешил против света и близок сейчас уже день, когда он явится судить мир огнем. Бамм! *Ut implerentur scripturae*⁷⁶. Выдай-ка тот стишок, помнишь: И сказал тут медик Дик своему коллеге Дэви. В бога яйца, а это еще что за экскремент, этот англичанишка-проповедник на Меррион-холл? Илия грядет! Омытый в Крови Агнца. Приидите все твари вино-сосущие, пивоналитые, джиножаждущие! Приидите псиноухающие, быковыйные, жуколобые, мухомозглые, свинорылые, лисьеглазые, шулера, балаболки и людской сор! Приидите, подлецы отборные из отборных! Это я, Александр Дж. Христос Дауи, что приволок ко спасению колоссальную часть нашей планеты от Сан-Франциско до Владивостока. Бог это вам не балаган, где насулят с три короба и покажут шиш. Я вам заявляю, что Бог это самый потрясающий бизнес и все по-честному. Он есть самая сверхвеличайшая хреновина, вбейте это себе покрепче. И как один прокричим: спасение во Царе Иисусе. Рано тебе надо подняться, грешник, ох как рано, если думаешь обмишулить Всемогущего. Баам! Да уж куда там. Для тебя, дружище, припасена

⁷² За ваше! (фр.)

⁷³ Что же, что же (фр.).

⁷⁴ Верно! (ирл.)

⁷⁵ Возрадуются на ложах своих (лат.).

⁷⁶ Дабы сбылись писания (лат.).

у него в заднем кармане штанов такая микстурка от кашля, которая живо подействует. Бери скорей да попробуй.

Эпизод 15

Вход в Ночной Город со стороны Мэббот-стрит. Поодаль трамвайное кольцо, скелеты рельсов прямо на немощенной земле, красные и зеленые блуждающие огоньки, знаки опасности. Закопченные лачуги с разинутыми дверями. Редкие фонари, слабая радужная игра на их стеклах. Стоит ледяная гондола Рабайотти, вокруг нее чахлые людишки обоего пола. Расхвывают вафли, в которых зажаты куски медного и свекольного снега. Начинают их сосать, медленно расползаются. Дети. Гондолы лебединое увенчанье, вздымаясь, пронзает тьму, блестит белым и голубым в луче маяка. Посвисты зовут, откликаются.

Зов. Постой, сладенький, я к тебе.

Отклик. На задах, за конюшней.

Пучеглазый глухонемой идиот, пуская слюни обвислым ртом, дергается, трясется в трясушке. Вокруг хороводом дети, он в кольце их ручонок.

Дети. Kithogue!⁷⁷ Привет!

Идиот (*поднимает трясущуюся левую руку, гугнит*). Фхыхэ!

Дети. Где-где светит свет?

Идиот (*брызжа слюной*). Фхыпхыхо.

Они отпускают его. Дергаясь, он уходит. На веревке, протянутой между оградами, качается карлица и считает вслух. Смутная фигура раскинулась у помойки, заслонившись рукой и шапкой; она храпит, ворочается, мычит, скрежещет зубами и храпит дальше. Пигмей, роющийся на свалке, взойдя на ступеньку, приседает, чтобы взвалить на плечи мешок с тряпьем и костями. Возле него карга с чадающей масляной лампой заталкивает еще одну бутылку ему в мешок. Он забирает добычу, криво нахлобучивает фуражку, молча отчаливает. Карга тащится к себе в логово, мотая лампой. Рахитик, сидящий на крыльце, скрючась, с бумажным мячиком на резинке, ползет за ней боком, толчками, цепляется за подол, встает на ноги. Пьяный фабричный, качаясь, обеими руками хватается за ограду. На углу маячат двое рослых патрульных в дождевиках, руки на чехлах дубинок. Где-то разбивается тарелка; визжит баба; стихает детеныш. Мужская ругань громыхает, стихает, молкнет. Тени скользят, крадутся, выглядывают из нор. В лачуге, при свечке, воткнутой в пустую бутылку, девка вычесывает золотушному детенышу перхоть из головы. Из переулка голос Сисси Кэффри, пронзительный, еще молодой.

Сисси Кэффри.

В подарочек Молли
За лихость в застолье
Дам ножку гуся,
Эх, ножку гуся.

Рядовой Карр и рядовой Комптон, с тросточками под мышкой, бредут, спотыкаясь, затем разом поворачиваются и, как по команде, издают залп, подражая испусканию газов. Из переулка мужской смех.

Дюжая мужебаба с бранью на них.

Мужебаба. Чума на вас, распердяи. Девке с Кавана силов да укрепы.

Сисси Кэффри. Везет мне. Каван, Кутхилл, Белторбет. (*Поет.*)

В подарочек Нелли
За резвость в постели

⁷⁷ Левша! (*ирл.*)

Дам ножку гуся,
Эх, ножку гуся.

Рядовой Карр и рядовой Комптон оборачиваются, отругиваясь, мундиры их в тусклом фонарном свете ярко-красные, белообрывистые стриженные башки в черных гнездах фуражек. Стивен Дедал и Линч пробиваются сквозь толпу поблизости от красномундирных.

Рядовой Комптон (*тыкает пальцем*). Дорогу пастору.

Рядовой Карр (*оборачиваясь, окликает*). Эй-эй, пастор!

Сисси Кэффри (*голос ее забирает выше*).

Она сразу клюнет
И кой-куда сунет
Эх, ножку гуся.

Стивен, помахивая ясеновой тросточкой, зажатой в левой руке, ликующе распевает входной псалом из пасхальной службы. Линч, в жокейском картузике, надвинутом низко на лоб, сопровождает его с насмешливо-недовольной миной.

Стивен. Vidi aquam egredientem de templo a latere dextro. Alleluia⁷⁸.

Из двери высовываются голодные обломанные клыки старой сводни.

Сводня (*сиплым шепотом*). Тсс! Поди сюда, что скажу. Тут целочка есть. Только тсс!

Стивен (*altius aliquantulum*). Et omnes ad quos pervenit aqua ista⁷⁹.

Сводня (*ядовито сплевывает им вслед*). Коновалы из Тринити. Трубы фаллопиевы. В штанах ни пенса, один хрен.

Эди Бордмен сидит рядом с Бертой Сапл, засопев, смахивает шалью под носом.

Эди Бордмен (*язвительно*). И, значит, эта мне говорит: а я тебя видела на Фейтфул-плейс с твоим ухажером, с этим подлизой в шляпе фасона пошли-в-постельку. А я ей на это, да неужто? Уж чья б корова мычала. Меня еще покамест не накрывали с женатым шотландцем в бардаке. Вот так вот я ей. Ну, штучка! Притом вдобавок постукивает. Упрямства как у осла! А еще было, гуляла сразу с двумя, с Килбрайдом, он механик, и с Олифантом, с капралом.

Стивен (*triumphaliter*). Salvi facti sunt⁸⁰.

Размахивая ясеновой тросточкой, он колеблет фонарный луч, раскалывает свет над миром. Бело-рыжий спаниель подкрадывается сзади к нему, рычит. Линч отпускает ему пинка.

Линч. Ну и что?

Стивен (*оглядываясь*). А то, что именно жест, а не музыка, не запахи, стал бы универсальным языком, тем даром языков, что сделает зримым не обыденный смысл, а первую энтелехию, структурный ритм.

Линч. Порнософическая филологическая. Метафизика на Мекленбург-стрит!

Стивен. Шекспир был под башмаком у строптивой, Сократа заклевала его мегера. Даже премудрый Стагирит, и того некая прелестница зацапала, взнузда и оседлала.

Линч. Эва!

Стивен. Как бы там ни было, кто желает два жеста, изображающие ломоть и кувшин? Вот движение, что изображает ломоть и кувшин хлеба и вина у Омара. Подержи тросточку.

Линч. Да провались эта рыжая палка. Скажи лучше, куда мы идем?

⁷⁸ И узрел я поток, из храма истекающий с правой стороны. Аллилуйя (*лат.*).

⁷⁹ (Несколько громче). И все до кого достиг тот поток (*лат.*).

⁸⁰ (Торжественно). Были спасены (*лат.*).

Стивен. К Джорджине Джонсон, к *la belle dame sans merci*⁸¹, ad deam qui laetificat iuventutem meam⁸², о похотливый линкс⁸³.

Насильно сует ему трость и медленно, запрокидывая назад голову, вытягивает и разводит руки, пока они не раскинулись на полную ширь, ладони вниз в пересекающихся плоскостях, пальцы слегка раздвинуты, левая рука выше.

Линч. Ну и какая тут кувшин хлеба? Хотя все одно. Что это, что вон таможеню. Изображай, изображай. Возьми костыль свой и ходи.

Они идут дальше. Томми Кэффри на четвереньках подбегает к фонарному столбу, обхватывает его и карабкается вверх маленькими рывками. С верхней перекладины соскальзывает вниз. Столб обхватывает Джеки Кэффри, собираясь влезть. С другой стороны к фонарю приваливается фабричный. Близнецы ныряют во тьму. Фабричный, шатаясь, зажав одну ноздрю пальцем, извергает из другой мощную соплю. Потом он взваливает столб на плечо и тяжело прет сквозь толпу со своим пылающим факелом. От реки медленно подползают змейки тумана. Зловонные испарения поднимаются от луж, от выгребных ям, от сточных канав, от свалок и от помоек. Зарево брезжит где-то на юге от устья реки. Фабричный прет, прорезая толпу, правя к трамвайному кругу, пьяно шатаясь. С дальней стороны, из-под железнодорожного моста появляется Блум, красный, запыхавшийся, рассовывая по карманам хлеб и шоколад. В витрине парикмахерской Гиллена он видит сборный портрет храбреца Нельсона. Вогнутое зеркало сбоку являет ему любовнесчастливого забропокинутого угугугрюмого Буфлуффума. Важный Гладстон глядит на него в упор – на Блума каков он есть. Он следует мимо, сраженный было взглядом грозного Веллингтона, но в выпуклом зеркале ухмылка уже вновь оживляет пороссячи глазки и жирные щечки Польдика-толстомордика. У дверей Антонио Рабайотти Блум останавливается, блестя каплями пота под яркой дуговой лампой. Исчезает. Через миг опять появляется, спешит дальше.

Блум. Рыба с картошкой. Не то. Ага!

Исчезает к Олхаузену, торговцу свининой, под опускающуюся дверную завесу. Вскоре выныривает из-под нее, пыхтящий Польди, блудный Блумуфф. Держит в каждой руке по свертку, в одном – еще теплая свиная ножка, в другом – холодная ножка баранья, посыпанные немолотым перцем. Стоит, отдуваясь. Наклоняется вбок, прижимает к боку сверток, кричит.

Блум. Ох, аж в бок колет. И что я как угорелый?

Как следует отдышавшись, медленно движется к освещенным путям. Снова блеснуло зарево.

Блум. Это что еще? Вспышки какие-то. Прожектор?

Остановился возле Кормака, вглядываясь.

Блум. То ли *Aurora borealis*⁸⁴, то ли сталь плавят? Ах да, пожарная ехала. Ну и ладно, на юге. Ничего полыхает. А вдруг его дом. В районе Беггарс-буш. Нам не грозит. (*Бодро мурлычет.*) Лондон, Лондон весь горит, на пожар бегите! (*Видит в конце Толбот-стрит фабричного, прищего сквозь толпу.*) Этак я его упущу. Бежим. Быстро. Лучше тут перейду.

Бросается через улицу. Крики мальчишек.

Мальчишки. Эй, мистер, глаза дома забыл?

Два велосипедиста проносятся вплотную к нему, бумажные фонарики их покачиваются, звонки трезвонят.

Звонки. Стой-той-той!

Блум (*застывает, пораженный внезапной болью*). Ох!

⁸¹ Дама прекрасная и безжалостная (*фр.*).

⁸² К богине, которая веселит юность мою (*лат.*).

⁸³ Лупх – рысь (*лат.*).

⁸⁴ Северное сияние (*лат.*).

Оглядевшись по сторонам, резко кидается вперед. В сгущающемся тумане к нему коварно подкрадывается дракон пескоразбрасыватель, он едет на малой скорости, во лбу мигает большая красная фара, с шипением и треском искрит дуга. Вожатый жмет на педаль сигнального гонга.

Гонг. Динь Дон Трень Брень Блям Блюм.

Яростно взвизгнули тормоза. Блум, подняв руку в белой полисменской перчатке, торопится унести с рельсов ноги, которые внезапно не слушаются его. Вожатый, едва не налетев на свою баранку курносый носом, окруженный проводами и рычагами, проезжая, орет.

Вожатый. Ты, полные штаны, ты что тут трюки выкидываешь?

Блум (*выбравшись на обочину, опять останавливается. Свиноногой рукой утирает грязь со щеки*). Нет прохода. На волосок, зато колотье прошло. Надо бы снова взяться за упражнения по Сэндоу. Стойку на руках. И оформить страховку от несчастного случая на улице. У Провиденшел. (*Ощупывает брючный карман.*) Талисман бедной мамы. Каблук легко может в рельсах застрять, шнурки – в колесе запутаться. Уже мне однажды черный ворон ободрал башмак колесом. У Леонард на углу. Третий раз везучий. Полные штаны. Наглец. Стоит пожаловаться. У них плохие нервы от напряжения. Может, тот самый, что утром загородил мне ту модницу. Тот же тип красоты. Но ловко сообразил. Ноги-то у меня заплетались. Зерно истины в каждой шутке. Та жуткая канава на Лэд-лейн. Что-нибудь я вредное съел. Считается, к невезению. Почему бы? Наверно, мясо плохое. Знак зверя. (*На мгновение закрывает глаза.*) Что-то голова кружится. Ежемесячная мигрень или другое подействовало. Туман в мозгу. Какая усталость. Просто не могу больше. Ой!

Зловещая фигура стоит у магазина О'Бейрна, прислонясь к стенке и скрестив ноги, лицо незнакомое, меченое темною ртутью. Из-под широкополого сомбреро смотрит на него взглядом, не обещающим ничего хорошего.

Блум. Buenas noches, señorita Blanca, que calle es esta?⁸⁵

Фигура (*делает знак рукой и произносит бесстрастно*). Пароль. Срод Мэббот.

Блум. Ага. Мерси. Эсперанто. Slan leath. (*В сторону.*) Шпион Гэльской лиги, тот шут гороховый подослал.

Идет дальше. Путь преграждает тряпичник с мешком за плечами.

Блум берет влево, мешконосец влево.

Блум. Позвольте.

Сторонится от него, огибает боком, минует и идет дальше.

Блум. Держись правой, правой, правой. Если в Степсайде Турклуб поставил дорожный указатель, благодаря кому такое доброе дело? Только благодаря мне, тому, кто там заблудился, а после выступил на страницах «Ирландского велосипедиста» с заметкой «В дебрях Степсайда». Держись, держись, держись правой. Тряпичник в полночь стал смелей. Похоже, забор. Первое место, куда направляется убийца. Смыть свои грехи мира.

Джеки Кэффри, за которым гонится Томми Кэффри, со всего разбега налетает на Блума.

Блум. Ох!

Шатнувшись на слабых ногах, останавливается. Томми и Джеки испарились. Блум скотоногими руками хлопывает себя по заглазнику с бумажником, по часовому кармашку, внутреннему карману, по прелестям греха и по мылокартофелине.

Блум. Берегись карманников. Старая воровская уловка. На ходу столкнется с тобой и срежет бумажник.

Вокруг рыщет приبلудный пес, носом к земле, принюхиваясь. Смутная фигура чихает. Появляется бородатый согбенный человек, на нем долгополый кафтан сионских старейшин и

⁸⁵ Добрый вечер, сеньорита Бланка, как называется эта улица? (*исп.*)

серая ермолка с вишневыми кисточками. Роговые очки низко сползли на нос. Желтые потеки яда на бескровном лице.

Рудольф. И таки снова растранижил полкроны. Два раза за один день. Но я говорил тебе: никогда не води компанию с пьяными гоим. Э? Тебе не сколотить никакие деньги.

Блум (*стоит понуро, спрятав за спину свертки, ощущая спиной свиное тепло и бараний холод*). Ja, ich weiss, parashi⁸⁶.

Рудольф. Что же ты делаешь в таком месте? Или у тебя нет души? (*Дрожащие когти ощупывают безмолвное лицо Блума.*) Или ты не сын мой, не Леопольд, внук Леопольда? Или ты не милый мой сын Леопольд, что оставил дом отца своего и оставил бога своих праотцов Авраама и Иакова?

Блум (*осторожно*). Да, это так, папа. Мозенталь. Все, что осталось от него.

Рудольф (*суров и мрачен*). И таки однажды тебя привели домой пьяного как свинья и после траты все деньги. Хорошие деньги. Как ты зовешь их, эти юноши, что бегают?

Блум (*узкоплечий юноша в голубом элегантном оксфордском костюме, жилете с белой отделкой, каштановой тирольской шляпе, при часах Уотербери чистопробного серебра на двойной цепочке «Принц Альберт» с печаткою и брелками. Одна сторона костюма покрыта засыхающей грязью*). Кроссмены, папа. Это же единственный раз.

Рудольф. Единственный! По уши весь в грязи. Рука порезана. Столбняк. Они таки делают тебе капут, Леопольдлебен. Ты должен быть осторожно с этими юноши.

Блум (*неуверенно*). Они меня подговорили пробежать спринт. А там было грязно, и я нечаянно поскользнулся.

Рудольф (*с презрением*). Goim nachez⁸⁷. Прекрасная картина для твоей бедной матери!

Блум. Мама!

Элин Блум (*в чепце с лентами, как у барыни из райка, в кринолине и с турнюром наподобие вдовы Твэнки; блуза с пуговками на спине и рукавами фонариком, серые перчатки, камей; волосы уложены в сетку. Она появляется над перилами лестничной площадки, держа криво в руке подсвечник, испуганно и пронзительно вскрикивает*). О милостивый Боже, что они сделали с ним! Мои соли! (*Подбирает подол и роется бурно в кармане своей полосатой нижней юбки. Оттуда летят флакон, медалька с Агнцем Божьим, сморщенная картофелина, кукла из целлулоида.*) Святая Божия Матерь, но где же, где же ты был?

Блум, бормоча невнятно, потупив взгляд, пытается засунуть свои свертки в карманы, и без того набитые, терпит неудачу, стоит, продолжая что-то бубнить.

Голос (*резко*). Польди!

Блум. Кто это? (*Пригнувшись, неловко закрывается от удара.*) К вашим услугам.

Он поднимает глаза. Мираж финиковых пальм, и прямо перед ним – прекрасная женщина в костюме турчанки. Ее пышные округлости туго теснятся в алых шальварах и блузке, расшитой золотом. Широкий желтый кушак опоясывает ее стан. Белая чадра, лиловеющая в ночи, закрывает ее лицо, оставляя лишь черные большие глаза и волосы цвета воронова крыла.

Блум. Молли!

Мэрион. Ой ли? С этого дня, золотой мой, изволь говорить миссис Мэрион, когда ты ко мне обращаешься. (*Насмешливо.*) Наш бедненький муженек не застудил ли ножки, гуляя так долго?

Блум (*переминаясь с ноги на ногу*). Нет-нет. Совершенно ничуть.

Он дышит глубоко, возбужденно, глотая воздух, он спрашивает, надеется, вот тут для нее свиные ножки на ужин, ему надо столько ей высказать, извинения, желание, он словно весь в трансе. На лбу у нее блестящая монета, драгоценные кольца на пальцах ног. Лодыжки соеди-

⁸⁶ Да, папа, я знаю (*иди*).

⁸⁷ Гойское счастье (*иди*).

нены тонкой цепочкой. Подле нее верблюд, на голове у которого красуется высокий тюрбан, на спине – седло с балдахином, откуда свисает шелковая лесенка с бесчисленным множеством ступенек. Он переступает на месте, беспокойно дергая крупом. Она сердито хлопает его по окорокам, и на ее запястьях звякают золотозмейки звонкогневно.

Ругает его по-мавритански.

Мэрион. Nebrakada! Feminimum.

Верблюд, подняв переднюю ногу, срывает с дерева большой плод манго и протягивает госпоже, держа его своим раздвоенным копытом, моргая. Потом опускает голову и, посапывая, выгнув шею, неуклюже примеривается стать на колени. Блум сгибается и подставляет спину, как в чехарде.

Блум. Я бы мог вам... То есть как ваш менеджер... Миссис Мэрион... если вы...

Мэрион. Так что уловил перемену? (*Медленно ласкает пальцами свой стан, увешанный украшениями. В ее взгляде мягкая дружелюбная насмешка.*) Эх, Польди-Мольди, чурка ты неотесанная! Тебе бы надо повидать жизнь. Повидать белый свет.

Блум. Я все время хотел вернуться за этим лосьоном, воск с померанцевым цветом. В четверг рано закрывается. Я завтра с утра, первым делом. (*Хлопает себя по карманам.*) Эта блуждающая почка. А!

Он показывает на юг, потом на восток. Восходит новенький, чистенький кусок лимонного мыла, источая свет и душистость.

Мыло.

Я и Блум, мы всех важней, всякий видит сам:

Придает он блеск земле, я же – небесам.

В диске солнцемыла появляется веснушчатая физиономия аптекаря Свени.

Свени. Три и пенни, будьте любезны.

Блум. Да-да. Это для моей супруги, миссис Мэрион. По особому рецепту.

Молли (*ласково*). Польди!

Блум. Чего изволите, сударыня?

Молли. *Ti trema un roso il cuore?*⁸⁸

Презрительно отворачивается и уходит, холеная и пухленькая, соблазнительно семеня, напевая дуэт из «Дон Жуана».

Блум. Но вы уверены с этим *Voglio*? Я в смысле произноше...

Бредет следом, за ним терьер, вынюхивая. Старая сводня берет его за рукав, поблескивают волоски на ее бородавке.

Сводня. Десять шиллингов, целка. Свежачок, не притрагивались. Пятнадцать. И никого там, один папаша ее, бухой в подкладку.

Показывает рукой. В приотворенных дверях своей темной каморки стоит Брайди Келли, робкая, забрызганная дождем.

Брайди. Хэтч-стрит. Может, у вас есть настроение?

Слабо ойкнув, взмахнув шалью, словно летучая мышь крыльями, она убегает. Дюжий детина гонится за ней большими сапошажищами. Спотыкается о ступеньки, встает и исчезает во мраке. Доносятся слабые смешки, потом затихают.

Сводня (*ее волчьи глаза горят*). Ишь как ему приспичило. Ты слушай, в шикарном заведении ты девушку не найдешь. А тут за десять. Да не телись час, гляди в штатском засекут. А эта, из шестьдесят седьмого, сучка.

⁸⁸ Дрожит ли у тебя слегка сердце? (*ит.* Вариация фразы из дуэта «Дай руку мне, красотка».)

Герти Макдауэлл хромает к нему, строя нежные глазки. С жеманными ужимками вынимает из-за спины и показывает ему, скромно потупясь, запятнанное кровью белье.

Герти. Все мое достояние земное тебе я вверяю дабы ты. (*Понизив голос.*) Вы это сделали. Ах, я ненавижу вас.

Блум. Я? Когда? Это вам приснилось. Я вас первый раз вижу.

Сводня. А ну, отойди от джентльмена, ты, аферистка. Пишет обманные письма джентльмену. Ходит на панель, пристает к мужчинам. Твоей матери давно пора выдрать тебя как следует, шлюха ты эдакая.

Герти (*Блуму*). Вы подглядели все секреты у меня в нижнем ящичке. (*Гладит его рукав, хнычет.*) Несчастный женатик! Я тебя люблю за то, что ты мне так сделал.

Она уходит, ступая боком, прихрамывая. Посреди мостовой стоит миссис Брин в мужском фризovém пальто с большими накладными карманами. Ее глаза широко раскрыты, во взгляде бездна лукавства, улыбка обнажает все ее травоядные козьи зубы.

Миссис Брин. Мистер...

Блум (*солидно откашлявшись*). Сударыня, мы имели удовольствие в нашей последней корреспонденции от шестнадцатого сего...

Миссис Брин. Мистер Блум! Здесь, в самом гнездилище порока! Ха-ха, вы славно попались! Нет, каков негодник!

Блум (*поспешно*). Не надо имя так громко. Что это вы вообразили? Не выдавайте меня. У стен есть уши. Как ваши дела? Ведь мы целую вечность. Вы изумительно выглядите. Абсолютно безупречно. Погода стоит совсем по сезону. Черное преломляет тепло. А я, представляете, решил срезать, тут короче домой. Места интересные. Приют Марии Магдалины, спасение падших женщин. Я секретарь...

Миссис Брин (*протестующе машет пальцем*). Нет уж, нет уж, не сочиняйте! Я кой-кого знаю, кому это не понравится. Вот погодите, все расскажу Молли! (*Лукаво.*) Итак, сию минуту полный отчет или же горе вам!

Блум (*оглянувшись назад*). Она часто говорила, что ей хотелось бы побывать. Как вельможи в трущобах. Ради экзотики. Будь она богата, держала бы негритянскую прислугу в ливреях. Отелло, черный зверь. Юджин Стрэттон. Даже комики под негров в ливерморовском балагане. Братья Боухи. Чуть ли не трубочисты.

Выскакивают Том и Сэм Боухи, два черных эстрадника в белых костюмах, ярко-алых носках, перекрахмаленных манишках стиля самбо, с огромными алыми астрами в петлицах. У каждого болтается банджо. Их негроидные руки, странно маленькие и бледные, дергают тенькающие струны. Блестя бивнями и белками, стоя спиной к спине, гремя грубыми башмаками, они выбивают отчаянную дробь, носок – пятка, пятка – носок, разом тренькая, распевая, смачно причмокивая жирными негритосскими губами.

Кто-то есть у меня в доме с моей Диной,
Кто-то есть у меня в доме, знаю-знаю,
Кто-то есть у меня в доме с моей Диной,
Он бренчит на старом банджо.

Они срывают черные маски со своих толстых добродушных физиономий и, наявивая, нажаривая, притопывая, пристукивая, утанцовывают в кекуке чук-чуки-чук чиричи.

Блум (*с кисло-сладкой улыбкой*). Так не позволить ли нам маленькую вольность, если вы расположены? Быть может, вы бы не возражали оказаться в моих объятиях – о, всего на крошечную долю секунды?

Миссис Брин (*в веселом ужасе*). Фу, какой бред! Поглядите на себя в зеркало!

Блум. Ради старых времен, а? Я просто имею в виду вчетвером, этакое небольшое слияние двух наших супружеств. Знаете, у меня к вам всегда была слабость. (*Меланхолически*.) Ведь это я вам прислал валентинку со стихами про газель.

Миссис Брин. Всеблагие угодники, но вид у вас – чистый цирк! Это же умереть. (*Протягивает руку, строго допрашивает*.) А что это вы там прячете за спиной? Отвечайте сразу, как примерные дети.

Блум (*берет ее кисть свободной рукой*). И это была Джози Пауэлл, прелестнейшая дебютантка в Дублине! Как мчится время! Не вспоминаете ли вы, обращаясь к прошлому с ретроспективным упорядочением, тот давний рождественский вечер, новоселье Джорджины Симпсон, когда играли в Ирвинга Бишопа, читать чужие мысли или найти булавку с завязанными глазами? Следующему игроку: угадайте, что спрятано в этой коробочке!

Миссис Брин. С вашей трагикомической декламацией вы были первым львом этой вечеринки. И вы отлично справились с ролью. Вы ведь всегда имели успех у женщин.

Блум (*заправский кавалер, в смокинге с шелковыми отворотами, с голубым масонским значком в петлице, при черной бабочке и перламутровых запонках, поднимает высокий граненый бокал шампанского*). Леди и джентльмены, я предлагаю тост за Ирландию, дом и красу.

Миссис Брин. Те незапамятные милые деньки. Старая сладкая песня любви.

Блум (*многозначительно понижая голос*). Признаюсь вам, что я просто чайник от любопытства, не чайник ли сейчас кое-что кое у кого.

Миссис Брин (*живо подхватывает*). Еще как чайник! Я прямо вся чайник, как Лондон. (*Игриво задевает его бедром*.) Потом еще были игры с тайнами в гостиной, хлопущки с елки, и наконец мы уселись под веточкой омелы на оттоманке у лестницы. И никого нам не надо было.

Блум (*в красной наполеоновской треуголке с янтарным полумесяцем, пальцы его медленно скользят вдоль ее запястья к мягкой, влажной, пухлой ладошке; она мило уступает ему*). Сейчас пора ночного колдовства. Я вынимал из этой ручки занозу, бережно, осторожно. (*Надевая на палец ей рубиновое кольцо*.) *Là ci darem la mano*.

Миссис Брин (*в цельнокроеном бальном платье, синем, оттенка лунного света, на лбу у нее мишурная диадема сильфиды, бальная книжечка упала подле синелунной атласной туфельки. Мягко изгибая ладонь, дыша учащенно*). *Voglio e pop*. Ах, вы такой горячий! Вы прямо обжигаете. Левая рука ближе к сердцу.

Блум. И когда вы неожиданно сделали этот выбор, все говорили, что это точно по сказке. Чудище и красавица. Нет, этого я вам никогда не смогу простить. (*Подносит сжатый кулак ко лбу*.) Подумать только! Вы тогда значили для меня все! (*Хрипло*.) Женщина, это убивает меня!

Дэнис Брин в белом цилиндре, с рекламными щитами Уиздома Хили, шаркает мимо них в ночных шлепанцах, с пыльной косматой бородой, торчащей вперед, и что-то бормочет, адресуясь то вправо, то влево. Малыш Олф Берген, наряженный пиковым тузом, идет за ним по пятам, передразнивая его движения и корчась от хохота.

Олф Берген (*издевательски тыкает в рекламный щит*). К. к.: Ку-ку.

Миссис Брин (*Блуму*). А внизу играли в смешные фанты. (*Бросает лукавый взгляд*.) Но что же вы не поцеловали мою ладошку, чтоб все прошло? Вам ведь хотелось.

Блум (*шокирован*). Лучшая подруга Молли! Как вы это можете?

Миссис Брин (*ее сочный язычок выглядывает между губ, посылает ему поцелуй голубки*). Ах-ах. Пошлите вопрос в газету. А там у вас подарочек для меня?

Блум (*с нарочитой небрежностью*). Так, кое-что на ужин. Кошер. Как живет в доме без паштетов Сливи. Я был на «Лии». Миссис Бэндмен Палмер. Проникновенная исполнительница Шекспира. К сожалению, выбросил программку. Тут неподалеку отличное место по части свиных ножек. Вот пощупайте.

Появляется Ричи Гулдинг, на голове у него пришпилены три дамские шляпы, в руке кренящий его набок черный фирменный портфель Коллиса и Уорда, на котором намалеваны

известкой череп и кости. Открыв портфель, показывает, что тот набит доверху свиными сосисками, вяленой треской, копченой селедкой и коробочками пилюль.

Ричи. Лучшее, что есть в Дублине.

Плешивый Пэт озабоченным зябликом торчит на обочине, с салфеткою на руке, готовый к услугам слуга.

Пэт (*приближается, держа криво блюдо, с которого капкапкает соус*). Бифштекс с почками. Бутылка пива. Хи хи хи. Пэт служит, клиент ждет тужит.

Ричи. Божемой. Яне елсу тра.

Понуриив голову, уныло шагает дальше. Фабричный, шатаясь, бредущий мимо, пыряет его своим горящим двузубцем.

Ричи (*хватается за поясницу, вскрикнув от боли*). А-ай! Почки мои! Огонь!

Блум (*показывая на фабричного*). Шпик. Не привлекайте внимания. Не выношу бессмысленную толпу. Я тут не ради развлечения. Попал в большие затруднения.

Миссис Брин. Вы вечно плели всякие небылицы, чтоб подлизаться.

Блум. Я вам расскажу маленький секрет, как я попал сюда. Но только полная тайна. Даже Молли ни слова. Тут совершенно особая причина.

Миссис Брин (*сгорая от любопытства*). О, ни за что на свете.

Блум. Может быть, пройдемся, вы не хотите?

Миссис Брин. Да-да.

Сводня тщетно делает знаки. Блум удаляется с миссис Брин.

Терьер трусит следом, скуля жалобно, виляя хвостом.

Сводня. Жидовский недоносок!

Блум (*на нем серый котелок, спортивный костюм овсяного цвета с веточкой жимолости в петлице, модная кремовая рубашка, клетчатый шейный платок с андреевским крестом, белые гетры, рыжекрасные башмаки; на груди бинокль, через руку легкий бежевый плащ*). А вы помните, как давным-давно, в незапамятные времена, когда Милли, мы ее звали Марионеткой, только что отняли от груди, мы все вместе поехали на скачки в Фэрихаус?

Миссис Брин (*строгого фасона элегантный темно-синий костюм, велюровая белая шляпа, вуаль-паутинка*). В Лепардстаун.

Блум. Да-да, Лепардстаун. Молли там выиграла семь шиллингов на трехлетке, ее звали Тайна, а после мы все возвращались домой через Фоксрок в каком-то немыслимом допотопном тарантасе и вы были тогда во всем своем блеске в той новой шляпке из белого велюра с отделкой из кротового меха это вам миссис Хейс присоветовала ее купить мол цену снизили стало всего девятнадцать и одиннадцать, а там один кусок проволоки да вельветовая тряпка, ручаюсь вам чем угодно она это специально сделала...

Миссис Брин. Еще бы не специально, лживая кошка! Лучше не напоминайте мне! Чудная советчица!

Блум. Потому что она гораздо меньше вам шла чем та миленькая блестящая тока с крылышком колибри которой я так любовался на вас вы правда в ней были сплошное очарование хотя неужели не жалко было их убивать, жестокая вы душа, это же крохотушки у них сердечко с маковую росинку.

Миссис Брин (*поглаживая его руку, кокетливо*). О да, я была ужасно жестокая!

Блум (*тихо, таинственно, убыстряя речь*). А Молли уписывала мясной сэндвич из корзинки с провизией миссис Джо Галлахер. По правде сказать, хотя у нее хватало и законников и поклонников, меня никогда особенно не волновал ее стиль. Она была...

Миссис Брин. Как-то слишком...

Блум. Вот именно. И Молли все смеялась, как Роджерс и Чудила О'Рейли начали кукарекать, когда мы проезжали мимо фермы, и тут мимо нас прокатил в коляске Маркус Терциус Мозес, часторговец, со своей дочкой, ее все звали Плясунья Мозес, и у нее на коленях сидел

пудель, ужасно важный, и вы у меня спросили, не случилось ли мне читать или слышать или видеть или встречать...

Миссис Брин (*с волнением*). Да, да, да, да, да.

Ее фигура рядом с ним тает. Он идет дальше, к адским вратам, за ним сзади скулящий пес. В подворотне стоит баба и мочится по-коровьи, наклонясь вперед и расставив ноги. Возле закрытого трактира кучка гуляк-мастеровых обступила старшого с перебитым носом, который заправляет им какую-то басню, отпуская хриплые шутки. Двое безруких, отделясь, сцепились, рычат, барахтаются в шутовской потасовке закосевших калек.

Старшой (*пригнувшись, гнусавит в нос*). И когда значаца Кернс на Бивер-стрит слез с лесов он смекает куда опростался-то прямо в ведро с пивом что Дервановы штукатуры поставили там на стружках.

Мастеровые (*гогоцут, выставляя волчьи пасти*). Га, штоб ему!

Их шапки, заляпанные краской, покачиваются. Покрытые известкой и клеем своих лачуг, калеки без конечностей, резвясь, подпрыгивают вокруг него.

Блум. Опять совпадение. Они думают, это смешно. Как бы не так. Среди бела дня. Старлся дойти. Хорошо, женщин не было.

Мастеровые. Во заливает, штоб ему! Прослабило. Штоб ему, прямо в пиво!

Блум идет дальше. Дешевые шлюхи парами и поодиночке, в платках и простоволосые, заывают из всех переулков, дверей, углов.

Шлюхи.

Чудак, куда так спешишь?

Как там твой колышек?

А у тебя есть спичка?

Поди-ка, я тебе сделаю, она вскочит.

Блум пробирается через их клоаку в сторону освещенной улицы, что видна дальше. Оттопырив занавеску в окне, граммофон выставил наружу медный помятый хобот. В сторонке содержательница подпольного кабака рядится с фабричным и двумя солдатами.

Фабричный (*рыгая*). Игде этот чертов дом?

Содержательница. Пердон-стрит. Бутылка крепкого – шиллинг. Я женщина честная.

Фабричный (*ухватив за шиворот солдат, шатаясь, вместе с ними трогает с места*).

Британская армия, вперед!

Рядовой Карр (*за его спиной*). Здорово он надрался.

Рядовой Комптон (*со смехом*). Не говори!

Рядовой Карр (*фабричному*). Казармы Портобелло, а там столовка. Спросишь Карра. Просто Карра, и все.

Фабричный (*горланит*).

Мы вексфордские. Парни.

Рядовой Комптон. Слышь! А как тебе старшина?

Рядовой Карр. Беннет? Да это ж мой кореш. Люблю Беннета, милягу.

Фабричный (*горланит*).

Позорные цепи.

Свободу родимой земле.

Шатаясь, бредет вперед, волоча их за собой. Блум останавливается в нерешимости. Подходит пес, вывалив язык, тяжело дыша.

Блум. Ищи ветра в поле. Дома все разбросаны. Поди угадай, куда они делись. Пьяный ходит вдвое быстрее. Сплошная неразбериха. Сперва эта сцена на Уэстленд-роу. Потом вскочил в первый класс, когда билет в третий. Потом остановку проехал. Поезд с паровозом сзади. Мог бы завезти в Малахайд или в ночное депо или с другим столкнуться. Все от второй выпивки. В меру – когда один раз. Чего я за ним? Все-таки он самый приличный из всего сброища. Если б не услышал про миссис Бьюфой-Пьюрфой, не зашел бы и его бы не встретил. Фатум. А он промотает те денежки. Тут контора помощи бедным. Раздолье для всяких махинаций. Так-так, у вас затруднения? Что легко пришло, легко уйдет. Мог бы расстаться с жизнью из-за этого трамгонгфардугрельсджаггернаута, хорошо, что не растерялся. Хотя присутствие духа не всегда спасает. В тот день, если бы прошел мимо окон Трулока на две минуты позднее, получил бы пулю. Отсутствие тела. А если б только дыру на платье, мог бы пятьсот фунтов взыскать. Угроза для жизни. Кто б это был там? Туз какой-нибудь из клуба на Килдер-стрит. Храни господи его егерей. (*Разглядывает на стенке фаллический рисунок мелом, с подписью «Сладкий сон».*) Комики! Вот Молли нарисовала в Кингстауне, на замерзшем стекле в вагоне. А это на что похоже?

Размалеванные куклы глядят из окон, стоят в раскрытых дверях, кура дешевые сигареты. Сладкий тошнотворный дымок плывет к нему круглыми и овальными кольцами.

Кольца. Сладкие прелести. Прелести греха.

Блум. Что-то у меня с позвоночником. Дальше или вернуться? Еще этой свинины набрал. Наешься ее – сам свинеешь. Головы нет. Пустая трата. Переплатил шиллинг и восемь пенсов. (*Приблудный пес, виляя хвостом, тычет в его ладонь мокрым холодным носом.*) Странно, чего их всех ко мне тянет. Даже тот зверюга сегодня. Сначала лучше заговорить с ними. Они как женщины, любят *rencontres*⁸⁹. Только вони, как от хорька. *Chacun son goût*⁹⁰. А может, он бешеный. Фидо. Не знает, что ему делать. Хороший песик, хороший! Гарриоун! (*Волкодав ложится на спину, бесстыдно вихляясь, лапами попрошайничая, вывалив черный длинный язык.*) Влияние окружения. Отдай, и дело с концом. Если никто тут. (*Ласково подзывая, он неуклюже и воровато, крадучись, словно браконьер, отступает в темный вонючий угол, за ним по пятам сеттер. Развернув один сверток, собирается бросить свиную ножку, помедлив, берет за баранью.*) Весомо для трех пенсов. С другой стороны, я ведь держу в левой руке. Требуется большего усилия. Отчего? Меньше, потому что меньше работает. Ладно уж, бросай. Два и шесть.

Не без сожаления выпускает из рук свиную ножку и сверток с бараньей. Мاستиф неуклюже ворошит сверток, жадно набрасывается на мясо, рыча, с хрустом разгрызая кости. Безмолвно, настороженно приближаются двое патрульных в дождевиках с капюшонами. Перешептываются между собой.

Патрульный. Блум. Блума. Блуму. Блум.

Каждый из них кладет руку на плечо Блума.

Первый патрульный. Задержан при нарушении. Загрязнял общественные места.

Блум (*запинаясь*). Но я делаю добро другим.

Стая бакланов и чаек жадно взмывает с тинистых вод Лиффи, в клювах у них кусочки сладкого пирожка.

Чайки. Кау кау каррош киррог.

Блум. Друг человека. Выдрессирован лаской.

Показывает рукой. Боб Дорен, опасно покачиваясь на высоком табурете, наклоняется над чавкающим спаниелем.

Боб Дорен. Ах ты шелудяга. Дай лапку. Ну дай лапку.

⁸⁹ Встречи (*фр.*).

⁹⁰ У каждого свой вкус (*фр.*).

Бульдог рычит, шерсть у него на загривке встает дыбом, меж коренными зубами, сжимающими свиную кость, сочится бешеная слюна. Боб Дорен валится беззвучно в провал, ведущий в подвал.

Второй патрульный. Защита животных от жестокого обращения.

Блум (*с жаром*). Благородное дело! Я отчитал кучера конки на мосту Хэролдс-кросс за то, что он плохо обращается с лошадьё, вся холка хомутом стерта. И что же, он меня еще обложил за мою заботу. Притом был мороз, и этот вагон был последний. А все рассказы из цирковой жизни в высшей степени аморальны.

Синьор Маффеи, бледный от ярости, в костюме укротителя львов, с брильянтовыми запонками на пластроне рубашки, выступает вперед, держа цирковой затянутый бумагой обруч, ползущий кольцами кнут и револьвер, который он наводит на жрущего дога.

Синьор Маффеи (*со злобной усмешкой*). Леди и джентльмены, перед вами моя дрессированная борзая. Не кто иной, как я, укротил Аякса, свирепого мустанга пампасов, с помощью моего патентованного седла с шипами для плотоядных. Хлестать по брюху плетью с узлами. Вздергивание на блоке с придушиваньем за горло сделает покорной овечкой самого несговорчивого льва, будь он хоть сам *Leo ferox*⁹¹, ливийский людоед. Раскаленный докрасна лом и особые мази, втираемые в обожженное место, создали нам Фрица Амстердамского, мыслящую гиену. (*Сверкает глазами.*) Мне известно индийское заклинание. Его действие достигается блеском моих глаз и этих брильянтов, что у меня на груди. (*С чарующей улыбкой.*) А теперь позвольте представить вам мадемуазель Руби, красу арены.

Первый патрульный. Так. Фамилия, адрес.

Блум. Вы знаете, я забыл. Ах да! (*Снимает свою шляпу-люкс, раскланивается.*) Доктор Леопольд Блум, дантист. Вы слышали, конечно, про пашу фон Блума. Несметные миллионы. Доннерветтер! Владеет половиной Австрии. И Египта. Двоюродный брат.

Первый патрульный. Подтверждения.

Из-за кожаного ободка внутри Блумовой шляпы выпадает карточка.

Блум (*в красной феске, в полном одеянии кадия с широким зеленым кушаком, с поддельным орденом Почетного легиона, торопливо поднимает и подает карточку*). Имею честь. Член Клуба Молодых Офицеров Армии и Флота. Мои поверенные: фирма Джон Генри Ментон, Бэйчлорз-уок, 27.

Первый патрульный (*читает*). Генри Флауэр. Без определенного места жительства. Бродяжничество, создание помех уличному движению.

Второй патрульный. Алиби. Вы получаете предупреждение.

Блум (*вытаскивает из нагрудного кармана измятый желтый цветок*). Флауэр, цветок. Вот он, этот цветок. Мне дал его один человек, я не знаю его фамилии. (*Убедительным тоном.*) Вы ведь знаете эту старую шутку, роза Кастилии. Блум. Смена фамилии. Вираг. (*Интимно и доверительно понижает голос.*) Вы понимаете, сержант, мы помолвлены. Тут замешана женщина. Сердечные сложности. (*Слегка подталкивает плечом второго патрульного.*) Конечно, порой случается и Ватерлоо. Как-нибудь вечером заходите на бутылочку старого бургонского. (*Второму патрульному, бойким тоном.*) Я вас познакомлю, инспектор. С ней без промаха. Прodelает все, не успеете оглянуться.

Выплывает темное, меченое ртутью лицо, за ним женская фигура под вуалью.

Темная ртуть. Его разыскивают в Замке. Его выгнали с позором из армии.

Марта (*под густой вуалью, алая ленточка вокруг шеи, в руке номер «Айриш таймс»;* показывая на него, с упреком). Генри! Леопольд! Лионель, моя утрата! Верни мне доброе имя.

Первый патрульный (*сурово*). Пройдемте в участок.

⁹¹ Лев свирепый (лат.).

Блум (*испуганно пятится назад, надевает шляпу, потом, приложив правую руку к сердцу, отведя локоть под прямым углом, делает знак масона второй степени*). Нет-нет, глубокочтимый мастер, это распутница. Личность установлена ошибочно. Лионская почта. Лезюрк и Дюбоск. Вы помните дело о братоубийстве Чайлдса. Мы ведь медики. Смертельный удар был нанесен топором. Я обвинен по ошибке. Пусть лучше один виновный ускользнет, чем девяносто девять будут невинно приговорены.

Марта (*рыдает под вуалью*). Это нарушение обещания. Мое настоящее имя Пегги Гриффин. Он мне писал, что он ужасно несчастен. Бездушный соблазнитель, я на тебя пожалуюсь брату, он играет в регби защитником за «Бектайв».

Блум (*конфиденциально прикрыв рот рукой*). Она пьяна. Эта женщина под воздействием алкоголя. (*Невнятно бормочет пропуск ефремлян.*) Вшиволет.

Второй патрульный (*со слезами на глазах, Блуму*). Вам должно быть так стыдно, так стыдно за себя.

Блум. Господа присяжные, позвольте мне объясниться. Это чистейшие небылицы. Меня неправильно поняли. Меня делают козлом отпущения. Я почтенный семьянин с репутацией без единого пятнышка. Я проживаю на Экклс-стрит. Моя супруга, я дочь заслуженного военачальника, отважного джентльмена и человека чести, по имени, как там его, генерал-майор Брайен Твиди, одного из наших храбрецов, которые одерживают для Британии победы на поле брани. Он получил повышение за героическую оборону Роркс-Дрифт.

Первый патрульный. Полк.

Блум (*обращается к галерее*). Королевские дублинские стрелки, дети мои, соль земли, известные всему миру. Мне кажется, я вижу среди вас кое-кого из старых товарищей по оружию. К. Д. С. Вместе с нашей столичной полицией, что охраняет наш покой, самые ловкие, самые мужественные парни на службе у нашего монарха.

Голос. Предатель! Да здравствуют буры! Кто освистывал Джо Чемберлена?

Блум (*кладет руку на плечо первого патрульного*). Мой старый папаша тоже был мировой судья. Я, как и вы, сэр, такой же твердокаменный британец. Я сражался под нашими знаменами в беззаботной войне, за короля и державу, под начальством генерала Гофа, того, что в парке, получил ранения при Блумфонтейне и при Спайон-Коп, упоминался в приказах. Я делал все, что в силах белого человека. (*Тихо, с чувством.*) Джим Бладсо. Лодку к берегу держи.

Первый патрульный. Профессия или род занятий.

Блум. Род моей деятельности – литература. Я писатель и журналист. Кстати, в настоящее время мы как раз выпускаем сборник премированных рассказов, это мой замысел, нечто абсолютно новое. Я связан с английской и ирландской прессой. Если вы позвоните...

Подходит Майлс Кроуфорд дергающейся походкой, зажав гусиное перо в зубах. Его багровый клюв пламенеет в ореоле соломенной шляпы. Одна рука помахивает связкой испанских луковиц, другая прижимает к уху телефонную трубку.

Майлс Кроуфорд (*его петушиные сережки болтаются*). Алло, семьдесят семь восемьдесят четыре. Редакция «Уикли сортир» и «Фрименс дристалл». Парализуем Европу. Кто-кто? Из суда? Кто писатель? Это Блум-то?

Мистер Филип Бьюфой, бледный, стоит на свидетельском месте в аккуратной визитке, с уголком платка из нагрудного кармана, в отутюженных сиреневых брюках и лакированных башмаках. В руке у него пухлый портфель с наклейкой «Мастерские удары Мэтчена».

Бьюфой (*растягивая слова*). Нет, вы ни в какой мере, вы ни в малейшей степени, насколько я знаю. Я просто не допускаю такой мысли. Ни один, родившийся джентльменом, ни один, имеющий хотя бы слабые признаки джентльмена, никогда не опустится до такого позорного поведения. Он из таких, милорд. Плагиатор. Скользкий негодяй, прикидывающийся писателем. Бесспорно установлено, что он, следуя подлой своей натуре, обокрал мое популярнейшее творение, истинный шедевр, чистой воды алмаз, с любовными сценами ниже всякого

подозрения. Книги Бьюфоя о любви, о роскоши и богатстве, знакомые, без сомнения, вашей светлости, знамениты по всей империи.

Блум (*хмурый, пристыженно и кротко бормочет*). Вот только то место, где про смеющуюся чаровницу, рука об руку, насчет него я бы хотел отклонить обвинение, если позволите...

Бьюфой (*вздернув губу в надменной улыбке, окидывает зал взглядом*). Полнейший осел! Никаких слов не хватит для вашей бездонной тупости! Я думаю, вам незачем так себя утруждать по этому поводу. Здесь присутствует мой литературный агент, мистер Дж. Б. Пинкер. Надеюсь, милорд, что мы получим возмещение издержек, как это положено свидетелям, не правда ли? Мы весьма оскудели по вине этого жалкого шелкоперишки, этой реймской сороки, даже не учившейся в университете.

Блум (*бурчит под нос*). Университет жизни. Плохая литература.

Бьюфой (*взрывается криком*). Это гнуснейшая ложь, это показывает его моральную гнилость! (*Потрясает портфелем*.) Вот здесь у нас, милорд, неоспоримые доказательства, *сogris delicti*⁹², образец моего зрелого творчества, обезображенного клеймом зверя.

Голос с галереи.

Моисей, еврейский царь,
Подтирался «Таймсом» встарь.

Блум (*собравшись с духом*). Передержки.

Бьюфой. Подлая скотина! Да тебя в луже утопить, гнида! (*Обращаясь к суду*.) А вы посмотрите на его личную жизнь! Она у него не двойная, нет, четверная! На людях ангел, а дома черт. Да его имя нельзя при дамах произносить! Первейший интриган века!

Блум (*обращаясь к суду*). А он, холостой, каким образом...

Первый патрульный. Король против Блума. Вызовите свидетельницу Дрисколл.

Секретарь. Мэри Дрисколл, кухарка!

Появляется Мэри Дрисколл, молодая служанка в стоптанных туфлях. На согнутой руке у нее надето ведро, в другой руке швабра.

Второй патрульный. Еще одна! Вы из того злосчастливого сословия?

Мэри Дрисколл (*возмущенно*). Я вам не девка. Я самого честного поведения, служила у последних хозяев четыре месяца. Хорошее место, шесть фунтов в год, да еще наградные, и каждую пятницу выходной, а пришлось уйти, потому как он приставал.

Первый патрульный. В чем вы его обвиняете?

Мэри Дрисколл. Он ко мне подкатился известно с чем, ну только я об себе выше понимаю, пускай я бедная.

Блум (*в мягкой домашней куртке, фланелевых брюках и шлепанцах, небритый, с взъерошенными волосами; примирительно*). Я ведь с тобой обращался как с благородной. Вещицы дарил на память, изумрудные подвязки, куда шикарней, чем в твоём положении пристало. Заступился за тебя, не подумав, когда тебя обвинили в посягательстве. Всему есть мера. Играй по-честному.

Мэри Дрисколл (*с жаром*). Вот как перед Богом, если я когда брала эти устрицы!

Первый патрульный. По поводу нанесенного оскорбления. Было ли нечто совершено?

Мэри Дрисколл. Он меня застал за домом, на задах, ваша честь, когда хозяйка пошла утром за покупками, и просит булавку. А сам как облапит, у меня в четырех местах потом синяки были. И два раза пробовал под юбку залезть.

Блум. Она сама отвечала действиями.

⁹² Состав преступления (*лат.*).

Мэри Дрисколл (*презрительно*). Да мне своей швабры жалко было, вот что. Я его окоротила, милор, а он говорит: только ты никому не рассказывай!

Всеобщий смех.

Джордж Фотрелл (*секретарь королевского и мирового суда, звучным голосом*). К порядку! К порядку! Сейчас обвиняемый огласит ложное заявление.

Блум, не признавая себя виновным, держа в руке распутившуюся кувшинку, начинает длинную бессвязную речь. Здесь еще услышат, что скажет его защитник в своем прочувствованном обращении к суду. Он потерпел полное крушение в жизни, но хоть и был заклеимен как паршивая овца, если можно так выразиться, он желает стать на путь исправления, загладить прошлое чистой, как у сестер, жизнью и вернуться к природе, словно невинное домашнее животное. Родившись семимесячным, он был заботливо вскормлен и выпестован престарелым, прикованным к постели родителем. Возможно, случались ошибки и промахи блудного отца, однако он хотел бы открыть новую страницу и теперь, наконец-то очутившись в двух шагах от позорного столба, вести тихую домашнюю жизнь на закате дней, проникнутую теплом трепетного семейного лона. Акклиматизированный британец, в тот летний вечер с площадки паровоза на Кольцевой линии он видел, пускай урывками, между тем как дождик собирался было, но передумал мелькавшие в окнах любвеобильных семейных очагов в Дублине и в городской округе истинно буколические сцены райского счастья с обоями от Докрелла шиллинг и девять пенсов рулон, невинных детишек, родившихся британцами, лепечущих молитвы Святому Младенцу, юных школьников, склонившихся над своими уроками, примерных девушек, сидящих за фортепьяно или возносящих жаркие хвалы Всевышнему, собравшись со всем семейством вокруг горящего рождественского камина, а по проселкам, по зеленым тропинкам гуляли colleens со своими кавалерами под мелодии аккордеона с органным звучанием металлическая отделка из сплава «Британия» четыре регистра и двенадцать мехов, просто даром, самый выгодный случай какой...

Снова смех. Он бормочет бессвязные слова. Репортеры жалуются, что не могут расслышать.

Протоколистка и стенографистка (*не отрываясь от своих записей*). Закройте у него крантик.

Профессор Макхью (*за столом для журналистов, чихая, подбадривает*). Чихай на них, парень. Выкладывай все как есть.

Следует перекрестный допрос, предмет рассмотрения – Блум и ведро. Большое ведро. Лично Блум. Расстройство желудка. На Бивер-стрит. Да, резь. Да, нестерпимо. Ведро штукатуров. Шел, еле крепясь. Неопишуемые мучения. Подобно смертельной агонии. Около полудня. Любовь или бургонское. Да, немного шпината. Критический момент. В ведро не заглядывал. Никого. Довольно грязно. Не до конца. Старый номер «Осколков».

Возгласы и свистки сливаются в кошачий концерт. Блум, в порванном сюртуке, выпачканном известкой, в помятом и съехавшем набок цилиндре, с нашлапкой из пластыря на носу, неслышимый, продолжает говорить.

Дж. Дж. О'Моллой (*в парике и мантии адвоката, тоном горестного протеста*). Не место здесь предаваться непристойному зубоскальству над бедным смертным, который злоупотребил алкоголем. Мы не в зверинце, и не на студенческой попойке, и не разыгрываем пародию на правосудие. Мой подзащитный – дитя, бедный иммигрант, который начал на голом месте, приехав сюда безбилетником на пароходе, и теперь пытается честно, в поте лица своего, зарабатывать хлеб свой. Пресловутый проступок, о котором здесь так трубят, был совершен в результате минутного отклонения наследственности, вызванного галлюцинацией, и вольности, подобные

той, что вменяется ему в вину, вполне дозволены и привычны на его родине, в земле фараонов.
Prima facie⁹³

⁹³ Первым делом (*лат.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.